

 Н. В. Сильченко

ТЕОРИЯ ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА

Минск
«Беларуская навука»
2015

УДК 340.1
ББК 67.0
С36

Р е ц е н з е н т ы:

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь С. Г. Дробязко
доктор юридических наук, профессор В. Н. Бибило

Сильченко, Н. В.

С36 Теория верховенства закона / Н. В. Сильченко. –
Минск : Беларуская навука, 2015. – 288 с.
ISBN 978-985-08-1842-3.

В монографии разработана концепция верховенства закона, в основании которой находятся идеи о соотношении объективных социальных и юридических законов, выводы о правовой природе общественных отношений и анализ соотношения закона с актами исполнительной власти, положения о взаимодействии законов науки с юридическими законами и закреплении в юридическом законе социальных противоречий посредством логически непротиворечивой системы идей и принципов.

Рассчитана на научных работников, преподавателей вузов и аспирантов.

УДК 340.1
ББК 67.0

ISBN 978-985-08-1842-3

© Сильченко Н. В., 2015
© Оформление. РУП «Издательский
дом «Беларуская навука», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

У каждой книги свой путь к читателю, своя жизнь и своя судьба. В основе данной монографии лежит диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора юридических наук, которое никогда ранее в полном объеме по самым разным причинам не было опубликовано, но содержащиеся в нем выводы и положения активно используются в отечественном правоведении, а также востребованы юридической наукой в ближнем и дальнем зарубежье.

Работа была написана в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, на переломе эпох. Время было беспокойное и противоречивое, закончилась перестройка, ломались и крушились казавшиеся незыблемыми «вечные истины» – Советский Союз, социалистическая система, плановое народное хозяйство, властно заявили о себе частная собственность, многопартийность, демократические выборы, были созданы новые суверенные государства, на новых принципах формировались властные структуры и создавались национальные правовые системы. Утратили свое прежнее монопольное положение многие философские аксиомы и истины, отечественной юридической доктрины как целостного явления не существовало.

В этих сложных экономических и социально-политических условиях была подготовлена и успешно защищена работа о верховенстве закона, которая заложила качественно новые методологические основы понимания закона в системе источников права, по-новому определила возможности закона в процессе регулирования общественных отношений,

его положение в национальной правовой системе и роль в построении правового, социального и демократического государства. Автором была найдена и четко сформулирована система опорных «столпов» концепции верховенства закона в условиях построения власти на принципе ее разделения, которая включала:

1) выводы о соотношении объективных социальных законов и законов юридических, анализ процессов отражения основных свойств объективного социального закона в законе юридическом и особенности закрепления свойств социального закона-тенденции в юридическом законе;

2) собственно правовой уровень верховенства закона, который строится на различении права и закона, включает изучение правовой природы общественных отношений, анализ возможностей закона в регулировании общественных отношений, в том числе в соотношении с актами исполнительной власти;

3) гносеологические параметры верховенства закона, которые состоят из четких и убедительных выводов о соотношении законов науки и юридического закона, о необходимости государственной идеологии и путях ее законодательного закрепления;

4) логическую сторону верховенства закона, включающую процесс осознания и закрепления социальных противоречий с помощью логически непротиворечивой системы идей и принципов.

Суть новшества состояла в том, что были определены устойчивые доктринальные «скрепы», определявшие особое – верховенствующее – положение закона в правовой системе и системе источников права, было очерчено правовое пространство, которое не подвластно воздействию со стороны законодателя и одновременно обозначена сфера правового регулирования, которую заполняет и «возделывает» исполнительная власть. В связи с этим было разработано взаимоотношение законов с актами Президента и исполнительной власти, определены виды указов, сформулировано

положение о конституционности законов и актов исполнительной власти. Методологические и теоретические выводы по данным вопросам сохраняют научную значимость и сегодня, ибо они подсказывают верный путь к разрешению многих коллизий в сфере права и системе его источников.

Полагаю, в предисловии нет нужды пересказывать содержание книги и, тем более, вступать в научную полемику с ее автором. Сегодня важнее отметить другое. Практика государственного и правового строительства у нас в стране и других государствах СНГ лучше всякой дискуссии свидетельствует о глубине анализа вопросов, подвергнутых изучению в данном монографическом исследовании, обоснованности содержащихся в работе выводов и практических предложений, которые спустя более двух десятков лет после первичного апробирования удивляют своей точностью и достоверностью. Обратим внимание на некоторые из них.

Более двух десятилетий тому назад автор утвердительно ответил на вопрос о допустимости прецедента в качестве источника права в правовой системе Республики Беларусь. Он отметил, что с философско-методологических позиций необходимость в существовании прецедента как формы нашего права, способной чутко реагировать на изменения в социальном законе-тенденции и в то же время выразить все богатство и многообразие форм ее проявления, не вызывает сомнений. При этом прецедент позволяет безболезненно для общества адаптировать закон к нуждам правовой системы. Существование прецедента как источника права, по мнению автора монографии, не подрывает авторитет закона, а, наоборот, способствует повышению его верховенства. Органично дополняя закон, прецедент позволяет наиболее полно отразить противоречивые и далеко не однозначные процессы в общественных отношениях, чутко реагируя на них.

Автором сделан справедливый вывод о том, что нет единого, универсального, пригодного для любой правовой системы принципа верховенства закона. Место и роль закона среди источников права зависят от очень многих обстоя-

тельств: формы правления, формы государственного устройства, государственно-правового режима, характера правовой системы, видов источников права и т. д. Функция закона в регулировании социальных противоречий состоит не в том, чтобы выразить и закрепить в законе чьи-то интересы, придать им доминирующий характер, а в том, чтобы создать оптимальные рамки для нормального процесса выражения, согласования и разрешения противоречий между реальными интересами.

На наш взгляд, в монографии нет ничего такого, от чего сегодня нужно отказаться, что-то выбросить «за борт», о чем-то умолчать, ибо работа писалась не в угоду господствовавшим в те времена политическим течениям и политическим личностям. Работа профессора, доктора юридических наук Николая Владимировича Сильченко – фундаментальное научное исследование, к которому более подходит такая истина: «Добрая теория подобна доброму вину – со временем ее позиции только крепчают и набирают силу».

*С. Г. Дробязко, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь*

СОЦИАЛЬНАЯ СТОРОНА ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА

Среди актуальных проблем верховенства закона особого внимания заслуживает вопрос о соотношении объективных законов, присущих общественным отношениям, и юридического закона. Ю. А. Тихомиров очень точно подметил, что терминологическое совпадение между понятием закона в философской и юридической литературе не случайно, ибо в философии он характеризует объективно-существующие закономерности, а в юридической – политико-правовое опосредование и нормативно-обязательное отражение этих закономерностей¹.

Есть в этом вопросе практический смысл, заключающийся в том, что уяснение содержания законов общественного развития позволит точнее определить пути воздействия юридического закона на общественные отношения и тем самым будет способствовать усилению его регулятивного потенциала.

Но при всей значимости практической стороны проблемы на передний план в настоящее время выдвигается все же ее философско-методологический аспект, ибо во времена, когда реформа законодательства затрагивает глубинные основы всей правовой системы, важно иметь точные ориентиры преобразований, чтобы, с одной стороны, не обольщать себя всесилием юридического инструментария, а с другой стороны, использовать его в должной мере.

Интегрирование правовой системы в правовое пространство мирового сообщества приводит к необходимости заим-

¹ Тихомиров Ю. А. Теория закона. М.: Наука, 1982. С. 27.

ствования, переноса в нее терминов и понятий, ранее не встречавшихся в действовавшем законодательстве. Важно понять, каким смыслом и содержанием наполняется используемый законодателем понятийно-терминологический инструментарий исполнителями закона, теми, к кому он непосредственно адресован. От этого зависит не только взаимопонимание законодателя и граждан, но, по большому счету, работоспособность всей правовой системы, да и верховенство самого закона. Поскольку основным положительным источником нашего права является закон, то не менее важно исследовать этимологию данного термина, проследить, каким смыслом он наполнялся ранее, в каком направлении эволюционировало его содержание. С выяснения данного вопроса и очерка истории взглядов на соотношение объективного и юридического закона начинается рассмотрение проблематики верховенства закона, объединенной в первой главе монографии.

1.1. Этимология слова «закон» и очерк истории взглядов на соотношение объективного и юридического закона

Понятия живут вместе с людьми, они изменяются, испытывая те же колебания, изменения и противоречия, которые переживает человеческая мысль. В разное время и при разных обстоятельствах они приобретали различные оттенки, нередко даже, как это произошло с понятием «закон», противоположные значения². Причем на протяжении веков всевозможные значения понятий наслаивались друг на друга, вытесняли друг друга, вступали в самые разнообразные сочетания.

Само понятие о законе скорее всего родилось в трудовой деятельности людей и вытекающих из нее обществен-

² Спекторский Е. В. Понятие общества в античном мире. Этюд по семантике обществоведения // Филос. науки. 1992. № 2. С. 112–113.

ных отношениях. Прежде чем дойти до обобщенного сознания законов, управляющих развитием природы и общества, человек научился осознавать закон более узко: как определенное правило поведения людей в обществе, установленное чьей-либо сознательной волей³, или как повторяемость явлений природы.

Греческое слово «*nomos*» (закон) – первоначально означало пастбище, позднее – местопребывание, местожительство, раздел земли⁴. В VI в. под именем законов (*nomos*) стали понимать вообще все правила общественного поведения (обычаи, нравы и т. д.). Их авторитет основывался на унаследовании их от ряда предков как результата мудрого опыта, придававшего нормам характер естественности, неизменности⁵.

С рождением греческого полиса, считает М. Оствальд, на смену старым понятиям «дикэ» и «тесмос» пришел «*nomos*», причем закон для грека был чисто социальным понятием, с «человеческим», а не «божественным» лицом⁶. Ж. Ромийи идет далее и полагает, что основным значением слова «*nomos*» было установление, статут⁷.

Римское «*lex*» происходит или от корня, обозначающего связывать, обязывать, или же от слова «читать», «провозглашать». Так или иначе значение его указывает на внешний, более принудительный характер, чем у греков⁸. Бóльшая принудительность значения римского «*lex*» скорее всего обусловлена тем, что этот термин обозначал акты, исходящие от органов политической публичной власти,

³ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1907. С. 50.

⁴ Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб., 1907. С. 30; Спиркин А. Е. Происхождение сознания. М., 1960. С. 455.

⁵ Капустин М. Теория права. Общая догматика. М., 1868. С. 59.

⁶ Ostvald M. Antient Greek ideas of law // Dictionary of the history of ideas: studies of selected pivotal ideas. New York, 1973. Vol. 2. P. 637–685.

⁷ Romilly J. La loi dans la pense greque des origines à Aristote. Paris: Les Belles Letters, 1971. P. 112.

⁸ Львов Б. Социальный закон (опыт введения в социологию). СПб., 1899. С. 16.

а не сложившиеся эволюционным путем древние обычаи и традиции. Первоначальные правовые представления в Древнем Риме носили теономный характер, а право понималось как божественное право и божественные веления, обозначалось термином «fas»⁹.

Светское, в том числе и обычное, человеческое право в отличие от божественного начали обозначать термином «jus», термин же «lex» использовался для обозначения лишь одного из источников позитивного права¹⁰, т. е. права, исходящего от органов политической власти. Учитывая то, что в древности правовые акты, исходящие от органов государственной власти, провозглашались, как правило, публично и приобретали после этого общеобязательное значение, термин «lex» **может быть переведен как публичное (официальное) обязывание.**

Еще более принудительное, чем у римлян, значение слово «закон» получило у древних евреев. Связано это было с тем, что оно использовалось для обозначения религиозных установлений. Библейские книги так и именовали: «Закон Моисея»¹¹. Таким образом, термин «закон» у древних евреев был тождествен религиозным поведением. П. А. Флоренский считал, что для древнего еврея непреложный и неизменный «закон» есть то, чем в Библии представляется Истина. «Истинность для него, – пишет П. А. Флоренский, – всегда было слово Божие. Неотменяемость этого Божиего обетования, верность его, надежность его – вот то, что для еврея характеризовало его в качестве Истины. Истина – это Надежность»¹².

Особая принудительность слова «закон» у древних евреев основывалась на представлении о том, что божественное веление выше власти царя. Власть царя является силой, ко-

⁹ Латинская юридическая фразеология / сост. Б. С. Никифоров. М., 1979. С. 87.

¹⁰ Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983. С. 133.

¹¹ Лопухин А. П. Законодательство Моисея. СПб., 1882.

¹² Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т. I. С. 21.

торая с самого начала ограничена, потому что она, во-первых, связана божественным законом, а во-вторых, призвана к реализации этого закона¹³.

Немалый интерес представляет этимология русского слова «закон». Владимир Даль так толкует это слово: закон – это то, чем дело закончено, предел, постановленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти¹⁴. В словаре русского языка С. И. Ожегова под словом «закон» понимается: 1) связь и взаимозависимость каких-нибудь явлений объективной действительности; 2) постановление государственной власти; 3) общеобязательное правило, то, что признается обязательным¹⁵.

Более подробное объяснение происхождения и содержания юридического термина «закон» попытались дать С. С. Алексеев и А. Е. Лукьянова¹⁶.

Известно, что основные юридические документы, издававшиеся князьями Древней Руси, именовались «уставами», «грамматами», «судебниками», «уроками», «правдами». Вместе с тем использовался и термин «закон». О «законе русском» говорится в договорах русских князей Олега, Игоря, Святослава с греками. Анализируя этот факт, С. С. Алексеев и Е. А. Лукьянова полагают, что под законом в этих договорах понимались строгие русские обычаи, неписанные, непрекращаемые традиции¹⁷.

Своеобразна точка зрения, высказанная по данному вопросу А. С. Пиголкиным. Правильно, на наш взгляд, подчеркивая то обстоятельство, что слово «закон» в Древней Руси не имело смысловой специализации, А. С. Пиголкин приходит в то же время к выводу о том, что данным термином «...обозначалась вся правовая система, основанная

¹³ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1903. С. 188.

¹⁴ Даль В. Толковый словарь. М., 1989. Т. I. С. 588–589.

¹⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 179.

¹⁶ Алексеев С. С. Азбука закона. Свердловск, 1982. С. 4; Лукьянова Е. А. Закон как источник советского государственного права. М., 1989. С. 24.

¹⁷ Там же.

на обычае»¹⁸. Позиция, занятая А. С. Пиголкиным в части выводов, ставит по сути дела язык равенства между его точкой зрения и мнением С. С. Алексеева и Е. А. Лукьяновой.

Представляется, что этимологическое толкование слова «закон», данное С. С. Алексеевым, Е. А. Лукьяновой, А. С. Пиголкиным, является далеко не полным, а потому и неточным.

Скорее всего термин «закон» в договорах, заключаемых князьями Древней Руси с греками, был собирательным, т. е. обозначал понятие, включавшее в себя кроме правовых по своему содержанию обычаев и традиций также религиозные нормы и те акты, которые издавали князья, реализуя свои властные полномочия.

По договору, заключенному русским князем Игорем с греками в 944 г., предусматривалась такая процедура, как клятва. Причем русские, равно как и греки, должны были клясться каждый по своему закону. Поскольку в то время среди русских были как христиане, так и язычники, то каждый из них должен был клясться по своему закону – либо христианскому, либо языческому. В связи этим представляет интерес процедура присяги (по современной терминологии – ратификации), которую русские во главе с князем Игорем давали на верность заключенному с греками договору. Русский историк С. М. Соловьев описывает ее так: «На другое утро, он (т. е. Игорь. – Н. С.) призвал послов и повел их на холм, где стоял Перун, здесь русские покляли оружие свое, щиты, золото, и таким образом присягал Игорь и все люди его, сколько было некрещеной Руси; христиан же приводили к присяге в церкви Св. Илии – это была соборная церковь, потому что многие варяги уже были христиане. Игорь отпустил послов, одарив их мехами, рабами, воском»¹⁹.

Таким образом, на момент заключения договоров с греками система нормативного регулирования общественных отношений в Древней Руси включала в себя уже не только обычаи и традиции, но и религиозные нормы и правила,

¹⁸ Пиголкин А. С. Язык закона. М., 1990. С. 44.

¹⁹ Соловьев С. М. Соч. М., 1988. Т. 1. С. 141.

без учета которых в заключаемых князьями договорах трудно представить себе механизм их реализации. И если исходить из того, что под термином «закон» понимались только обычаи и традиции, то из-под действия договоров русских с греками исключались бы христиане.

Но ни один из известных нам договоров русских с греками каких-либо указаний на этот счет не содержит. Русь христианского вероисповедания, равно как и некрещеная Русь, пользовались по данным договорам равными правами и несли равные обязанности. Следовательно, «закон русский» включал в себя как нормы поведения язычников, а в основном это были обычаи и традиции, так и правила поведения русских христиан, состоящие из тех же обычаев и традиций, а также из религиозных норм.

Важное место в системе нормативного регулирования древнего русского общества занимали нормы и правила, издаваемые князьями. И хотя основательных исторических данных на этот счет нет, а первым из известных источников права принято считать Русскую Правду Ярослава, с теоретических позиций существование норм права, устанавливаемых князьями задолго до появления Русской Правды, не может вызывать серьезных возражений. По договору 944 г. Игоря с греками был определен порядок удостоверения личности проходящих из Руси в Византию купцов и послов. Они должны были предъявить византийским чиновникам грамоты, подписанные канцелярией великого русского князя и адресованные непосредственно на имя византийского императора.

Анализируя этот факт, А. Н. Сахаров пришел к выводу о том, что новые (по сравнению с договором Олега 911 г.) пункты договора свидетельствуют об усилении государственных тенденций на Руси, о том, что киевский князь практически взял под свой контроль все контакты русских с Византией, откуда бы они ни были – Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка или других городов²⁰. Следовательно,

²⁰ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1987. С. 83.

уже в то время значительно возросла нормотворческая деятельность киевских князей; их акты стали регулировать не только отношения по поводу сбора дани, но и широкий круг торговых отношений и международных связей.

Сложившаяся во времена Олега и Игоря система сбора дани, несомненно, требовала определенной процедуры и устанавливаемого князем размера этой дани. Самого же князя Игоря можно считать и одной из первых жертв несоблюдения установленных княжеской властью норм права. Н. М. Карамзин так описывает суть конфликта князя Игоря с древлянами: «Еще недовольный взятою им данию, он вздумал отпустить войско в Киев, и с частию своей дружины возвратиться к Древлянам, чтобы требовать новой дани. Послы их встретили его на пути, и сказали ему: «Князь! мы все заплатили тебе: для чего же опять идешь к нам?» Слепленный корыстолюбием, Игорь шел далее... Тогда отчаянные Древляне ... убили Игоря со всею дружиною...»²¹

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что князья в Древней Руси осуществляли судебную деятельность. Принятые ими конкретные правовые решения становились источниками права, прецедентами. Ссылку на конкретные правовые решения князей можно найти в статье 23 Краткой редакции Русской Правды: «А конюх старыи у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его ж(е) убили Дорогобудьци»²². Не менее важное свидетельство содержится в статье 2 Пространной редакции Русской Правды, которая гласит: «По Ярославе же паки совкупишесе сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Косьнячко, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, яко же Ярослав судил **такоже и сынове его** (выделено нами. – *Н. С.*) уставиша»²³.

Указание на княжеский судебный прецедент в более позднее, чем заключение договоров с греками, время лишь

²¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 118.

²² Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 48.

²³ Там же. С. 64.

подтверждает, что прецедент как источник права был широко известен в Древней Руси и, безусловно, должен был охватываться понятием «закон русский», так как без него правовая система тогдашнего общества была бы полностью неработоспособна.

Нормы, издаваемые русскими князьями, в какой-то мере систематизировали древние обычаи и традиции, не меняя их содержание по существу, отчасти наполняли древние обыкновения новым содержанием; часть же норм поведения, устанавливаемых княжеской властью, просто не имела себе аналогов среди обычаев и традиций. Нормативная система могла нормально функционировать лишь в том случае, если все перечисленные виды правил поведения органически сливались в единое целое, дополняли друг друга. В этой ситуации трудно предположить, что, заключая международные договоры, князья согласились бы считаться только с древними русскими обычаями и традициями и не принимали во внимание правила и нормы, изданные княжеской властью. Логичнее предположить иное. Укреплению авторитета княжеской власти могло реально способствовать такое содержание «закона русского», где наряду с обычаями и традициями, религиозными нормами, по крайней мере как равные им по силе и значимости, признавались и акты княжеской власти. Заключая договоры, князья тем самым как бы освящали устанавливаемые ими нормы и правила, придавая им дополнительный, международный авторитет.

Подобное толкование содержания слова «закон» оправдано и тем, что оно происходит от древнеславянского слова «кон», слова, которое одновременно обозначало и исходное начало и в то же время границу, предел чему-то. Профессор М. Н. Капустин не без основания, на наш взгляд, полагал, что слово «закон» по этимологическому производству означает законченную норму – от конати²⁴. Но в условиях древнего русского общества исходное начало и границу поведения

²⁴ Капустин М. Указ. соч. С. 139.

определяли уже не только освященные вековыми привычками обычаи и традиции, но и княжеская (по сути своей – политическая) власть. И делала она это с помощью издания общеобязательных правил поведения. Поэтому трудно предположить, что, заключая договоры с греками, русские князья, ссылаясь на «закон русский», могли говорить об исходных началах и границах поведения, в определении и установлении которых они не участвовали и в утверждении которых они не были заинтересованы. Наоборот, княжеский интерес как раз и состоял в том, чтобы усилить свою роль в регулировании общественных отношений, в определении границ возможного, дозволенного и запрещенного. Ссылаясь на признание «закона русского» греками и иными народами, а значит, и тех норм и правил поведения, которые издавались княжеской властью, русские князья не просто легализовали свою законотворческую деятельность, но и смогли ее значительно усилить.

Из сказанного видно, что в Древней Руси слово «закон» как бы синтезировало то, что понималось под ним в Греции, Риме, Иудее.

Не чем иным, как досадным недоразумением, следует, по-видимому, считать мнение, высказанное по вопросу о содержании русского слова «закон» В. Н. Головановым. Рассматривая данный вопрос, В. Н. Голованов пришел к выводу, что слово «закон» в русском языке имеет корень, происхождение которого неизвестно. «По некоторым предположениям, – пишет автор, – оно возникло в связи с азартными играми и происходит от слова «кон». Закон – это то, что происходит за коном, т. е. правило, которому подчиняется игра»²⁵. Следуя логике размышления этого автора, надо признать, что, заключая договоры с греками, русские князья представляли общество, не знавшее иных социальных регуляторов, кроме правил ведения азартных игр, и просто дурачили бедных греков.

²⁵ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. М., 1967. С. 9.

Таким образом, у различных народов термин «закон» исторически стал обозначать далеко не одинаковые по содержанию понятия. Примеры свидетельствуют о том, что под законом понимали и религиозные установления, и обычаи, и традиции, и акты государственной власти. Такое положение, по всей видимости, обусловлено спецификой становления и развития системы нормативной (в том числе и нормативно-правовой) регуляции у различных народов. Там, где в ее формировании, в установлении общеобязательных правил поведения существенную роль играла государственная власть, термином «закон», как правило, обозначали издаваемые властью акты. Но чаще всего данный термин использовался для обозначения общеобязательных, правовых по своему содержанию правил поведения, в основе которых лежали обычаи и традиции или же религиозные установления.

Нынешнее понимание закона как акта высшего органа законодательной власти есть следствие длительной эволюции правовых систем, развития философских и политико-правовых идей.

Содержание русского слова «закон» претерпело на протяжении веков значительные изменения. Вначале из содержания слова «закон» отпали религиозные нормы и правила. Разделение светской и духовной (религиозной) власти уже на ранних этапах формирования русской государственности, традиционно свойственное русскому православию невмешательство в дела светских властей, безусловно, способствовали тому, что термином «закон» стали обозначать обычаи и традиции, а также акты, исходящие от государственной власти. Для обозначения же религиозных норм и установлений стали использовать термин «Закон Божий».

Укрепление централизованной государственной власти сопровождалось активным государственным нормотворчеством и вытеснением местных обычаев из сферы правового регулирования. Это привело в конце концов к тому, что термином «закон» стали обозначать в России только нормы,

исходящие от государственной власти. Знарок и реформатор российского законодательства XIX в. граф М. Сперанский под термином «закон» уже понимал все акты нормативного характера, исходящие от государства²⁶. А поскольку Россия в то время была абсолютной монархией, то идея закона ассоциировалась в общественном сознании с главой государства и соответственно этому понималось содержание слова «закон»²⁷. Местные обычаи еще и в XIX в. продолжали играть немалую роль в правовом регулировании, но уже не охватывались содержанием этого слова.

Сужению русского слова «закон» до актов государственной власти способствовало также и то обстоятельство, что начиная с XVIII в. правовая наука и практика правотворчества в России испытали сильное влияние романо-германской правовой системы. Последняя в процессе рецепции римского права восприняла и его понятийно-терминологический аппарат, для которого было характерно, как отмечалось, использование термина «lex» (закон) лишь для обозначения норм права, исходящих от государственной власти.

Вместе с тем в отличие от романо-германской правовой системы, где уже в XIX в. закон имел только одно название²⁸, в России законы издавались в форме уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов, манифестов и указов. Таким образом, в XIX в. в России сохранился собирательный смысл слова «закон», правда, в ином, чем это было в начале становления российской государственности, значении.

В послеоктябрьский (с 1917 г.) период был сделан заметный шаг в сторону такого понимания слова «закон», которое сложилось в странах с романо-германской правовой системой, но полного сближения в понимании данного термина достичь не удалось. Дело в том, что утвердившаяся в разви-

²⁶ Сперанский М. Руководство к познанию законов. СПб., 1845.

²⁷ Хойман С. Е. Взгляд на правовую культуру предреволюционной России // Сов. государство и право. 1991. № 1. С. 122.

²⁸ Капустин М. Н. Указ соч. С. 171.

тых странах Запада, и прежде всего США, система разделения властей привела к тому, что понятие закона было жестко привязано к тому времени только к актам одной ветви власти – законодательной. Советская же политико-правовая доктрина не признавала ни теории, ни практики разделения властей.

Возможно, что данное обстоятельство и стало одной из главных причин того, что понятие закона у нас, хотя и связывалось в юридической науке только с актами высшего органа законодательной власти, в массовом же общественном сознании воспринималось как все нормативно-правовые акты, исходящие от органов государства, независимо от того, какое место в иерархии органов власти и управления они занимали, и несмотря на то, в чем состоит их основное назначение – в создании норм права или же их исполнении. Попыткой примирить научное понимание закона и его восприятие в массовом общественном сознании явилась теоретическая конструкция «законодательство в широком смысле слова» как системы всех действующих нормативно-правовых актов независимо от их юридической силы.

Можно предположить, что формирование правовой государственности, сопровождающееся разделением законодательной и исполнительной властей, скорее всего приведет к тому, что термин «закон» как в юридической науке, так и в общественном сознании будет использоваться для обозначения только тех норм права, которые будут исходить от законодательной власти. Для обозначения же актов, издаваемых исполнительной властью, в теории и практике будут выработаны соответствующие понятия и адекватная терминология. Конечно, с учетом исторического опыта и практики правотворчества.

Так уж распорядилась история, что термин «закон» в русском, «*nomos*» греческом, «*lex*» латинском, «*law*» английском и во многих других древних и новых языках употребляется для обозначения как юридических норм, так и необходимых, существенных связей в природе и обществе.

Скорее всего мы имеем дело с совпадением, которое имеет глубокие внутренние причины²⁹.

В то же время ученые существенно расходятся в вопросе о том, когда сформировалось понятие о законе. Нет единства в понимании того, в какой области человеческих знаний (естествознании или обществоведении) первоначально сложились представления о понятии закона.

Г. Е. Глезерман полагает, что идея закона первоначально была выработана в естествознании, к познанию же общественной жизни она была применена позже, чем к познанию природы³⁰. В. Н. Голованов также считает, что закон как категория познания является продуктом развития естествознания, а не философии. Понятие о законе, считает он, зародилось в недрах естествознания XVII в. и лишь в конце XVIII – начале XIX в. категория закона стала объектом философского исследования (у Канта и Гегеля)³¹.

Высказаны и прямо противоположные взгляды. Еще в XIX в. русский ученый Б. Львов доказывал, что понятие о законе прежде всего установилось в юридической области, т. е. в области человеческих отношений. Когда же это понятие было перенесено в область естествознания и получило там своеобразное значение, то обратная попытка применить естественнонаучное понятие о законе к области человеческой деятельности встретила ожесточенное сопротивление³².

Е. В. Спекторский также настаивал на том, что возникшее в XVI и XVII вв. физическое мировоззрение усвоило и даже присвоило много понятий старого морального мировоззрения. Он полагал, что после этого понятие «закона» до такой степени утратило свое прежнее моральное значе-

²⁹ Сирин А. Д. Краткий экскурс в историю взглядов на закон // Вопр. марксистской философии и эстетики. Иркутск, 1971. С. 4; Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982. С. 27.

³⁰ Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979. С. 72.

³¹ Голованов В. Н. Законы в системе научного знания. М., 1970. С. 29.

³² Львов Б. Указ. соч. С. 15.

ние и приобрело чисто физический смысл, что возник вопрос в том, есть ли законы у морального мира, вопрос нередко решаемый в отрицательном смысле³³.

Основательному анализу проблема генезиса понятия «закон» была подвергнута А. Д. Сириным, который убедительно, на наш взгляд, показал, что понятие закона было основательно разработано еще в античной философии, и прежде всего применительно к анализу социальных процессов вообще и юридических в частности³⁴. Ученый подчеркивает, что античная философия не достигла такого уровня, когда закон мог бы быть охарактеризован одновременно с различных сторон, целостно, когда различные черты закона были бы синтетически соединены и не исключали друг друга, ибо для этого не было достаточно конкретного, в том числе и естественноправового материала, она, хотя и в наивной форме, указала на все основные черты закона.

Поскольку ни одна идея не рождается на голом месте, представляется целесообразным дать краткий исторический очерк и в самой общей форме изложить взгляды виднейших представителей домарксистской политико-правовой мысли по вопросу о соотношении объективного социального и юридического закона.

Анализ взглядов основателя древнегреческой диалектики Гераклита (около 544–540 до Р. Х.) дает основание судить о том, что он был первым мыслителем, который перенес термин «закон» на природу, отождествил «*nomos*» (закон в юридическом смысле слова) с космическим законом (логосом)³⁵, наделил логос свойствами, присущими правовым нормам. «В его глазах, – пишет Ф. Х. Кессиди, –

³³ Спекторский Е. В. Проблемы социальной физики в XVII столетии. Варшава, 1910; Он же. Понятие общества в античном мире. Этюды по семантике обществоведения // Филос. науки. 1992. № 2. С. 112–113.

³⁴ Сирин А. Д. Указ. соч. С. 3–31.

³⁵ Stark Ch. *Nomos und Physis // Recht und Rechtsbesinnung: Gedächtnisschr. für Günther Küchenhoff*. Berlin, 1987. S. 149–161.

космос – высшая система правовых норм, воплощение закономерности и необходимости»³⁶.

Гераклит различает законы, установленные людьми, и законы божественные («божественный» у Гераклита означает природный) и не проводит существенных различий между юридическими законами и законами космоса (природы). «Тем, кто желает говорить умно, – учил Гераклит, – должно укрепить себя этим для всех общим, как город, законом и много крепче. Ведь все человеческие законы питаются единым божественным, который простирает свою власть насколько желает, всему довлеет и над всем одерживает верх»³⁷. Из этого фрагмента видно, что для Гераклита характерно рассмотрение политико-правовых явлений и вообще всех земных человеческих дел и отношений в неразрывной связи и единстве с глобальными, космическими процессами. Отсюда понятно его объяснение юридических законов как отражения космического порядка и поиски космических источников юридических законов³⁸. В этом плане можно считать, что Гераклит не сводил юридический закон к установлениям государственной власти, полиса, а обосновывал его закономерным, необходимым устройством космоса (природы).

Реальная сила юридического закона выводится им не из акта творчества законодателя, а из того обстоятельства, что человеческий закон «питается» божественным законом. На этот момент следует обратить особое внимание, потому что многие последующие мыслители продолжили поиски прототипа юридического закона в природных и общественных явлениях. Гераклит, следовательно, был родоначальником идеи обоснования юридического закона не политической силой, а более глубокими причинами, искал его авторитет и силу за пределами политико-правовых реальностей.

³⁶ Кессиди Ф. Х. Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского. М., 1963. С. 39.

³⁷ Материалисты Древней Греции. М., 1955. 144 91a 179.

³⁸ Нерсесянц В. С. Право и закон. М.: Наука, 1983. С. 88.

Линии различения юридического и природного закона придерживался и Сократ (469–399 до Р. Х.). Учение об общих понятиях он дополнил учением о разделении законов на писанные и неписанные (божественные). Такое деление соответствовало общему духу его взглядов на общие понятия. Юридические нормы и человеческие установления есть лишь явление более общего и существенного. Сократ считал, что юридические законы должны иметь более общие основания, под которыми он понимал установленные божеством естественные законы³⁹.

Естественные законы, полагал Сократ, существуют независимо от воли людей, имеют всеобщее значение. Они есть «братья законов человеческих», человеческие же законы должны соответствовать законам естественным. Далеко не всякие произвольные установления властей Сократ считал юридическими законами, а лишь те, которые соответствуют общим требованиям естественных законов. Отсюда и требования Сократа, чтобы законодательствовали знающие.

Вопросы соотношения естественных и положительных законов интересовали Аристотеля (384–322 до н. э.). Аристотель различал законы, «основанные на обычае» (естественные законы) и законы писанные (положительные). Соотнося их между собой, Аристотель приходит к выводу о том, что «законы, основанные на обычае», имеют большее значение. Они стоят как бы выше положительных законов⁴⁰. Такое их место не случайно, ибо они касаются более важных дел.

Заложенная античными мыслителями традиция различения юридического и естественного (божественного) закона была развита и обогащена в Средние века и Новое время.

Средневековая философия права исходила из деления всех законов на божественные, естественные и человеческие⁴¹.

³⁹ Сирин А. Д. Краткий экскурс в историю взглядов на закон // *Вопросы марксистской философии и эстетики*. Иркутск, 1971. С. 11.

⁴⁰ Аристотель. Соч. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 482.

⁴¹ Lemos R. M. *Hobbes and Locke: Power and consent*. Athens: Univ of Georgia press, 1979. XI. 185 p.

Под божественными законами понимались «веления неба», под естественными – универсальные принципы, открытые «естественным разумом», под человеческими – правила, принципы, созданные властителями и направленные на общее благо. Свое наиболее полное воплощение правовая мысль Средних веков по интересующей нас проблематике нашла в учении Фомы Аквинского (1225 или 1226–1274).

Фома определяет закон как «...известное правило и мерило действий, которым кто-либо побуждается к действию или воздерживается от него»⁴². Опираясь на учение Аристотеля о делении законов на естественные и положительные, Фома Аквинский обосновывает их классификацию на четыре вида: 1) вечный закон (*lex aeterna*); 2) естественный закон (*lex naturalis*); 3) человеческий закон (*lex humana*) и 4) божественный закон (*lex divina*). При этом вечный закон, согласно Фоме, – это разум божественной мудрости. Он является источником всех других законов, но непосредственно проявляется в естественном законе, который есть не что иное, как отражение вечного закона человеческим разумом.

Человеческий (положительный) закон есть выражение требований естественного закона. Положительный закон необходим потому, что люди по причине грехопадения имеют извращенную волю, а поэтому требуется принуждать их к добродетели страхом и путем силы. Человеческий закон нужен для того, чтобы обезвредить порочных людей, которые не поддаются убеждениям и наставлениям. Для людей же добродетельных достаточно и естественного закона.

Человеческий закон, согласно Фоме, должен быть установлен соответствующей инстанцией и обнародован.

Под божественным законом Фома Аквинский понимает правила поведения, которые даны людям в Ветхом и Новом Завете. В общей иерархии выделенных законов «законы божественные» занимают особое положение. Именно им долж-

⁴² Summa theologiae, Prima SecundaE, quest. 55.

ны соответствовать законы человеческие. Верховенством божественных законов Фома доказывает несправедливость тех человеческих законов, которые им не соответствуют. Несправедливы также те человеческие законы, которые противоречат законам естественным.

Французский раннебуржуазный идеолог Ж. Бодэн (1530–1596) считал, что имеются законы юридические, законы божественные и естественные. Юридические законы, устанавливаемые государственной властью, полагал он, не могут противоречить божественным и естественным законам. Их не может нарушить даже сам государь. «Что касается законов божеских и естественных, то им, – подчеркивает Бодэн, – подчинены все государи земли, и не в их власти нарушить эти законы, если они не хотят оказаться повинными в оскорблении божественного величества, объявив войну Богу, перед величием которого все монархи мира должны быть рабами и склонять голову в страхе и почтении. Следовательно, абсолютная власть государей и суверенных властителей не распространяется на законы Бога и природы ... все государи на земле подчинены законам Бога и природы и многим человеческим законам, общим всем народам»⁴³.

Таким образом, в концепции Ж. Бодена, в отличие от античных философов, божественные и естественные законы уже не отождествляются, а представляют две самостоятельные группы законов, но в плане их воздействия на законы юридические Бодэн остается верным античной традиции. Вместе с тем он указывает и на еще одну группу законов (человеческие законы, общие всем народам), которые с необходимостью должны приниматься во внимание законодателем.

Ж. Бодэн наделяет северена монопольным правом издавать законы и отменять их, его концепция суверенитета ставит государей над юридическими законами, но ограничивает их полномочия действием божественных, есте-

⁴³ Антология мировой философии. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 146.

ственных и законов, общих всем народам. «Однако необходимо, – пишет он, – чтобы суверены не подчинялись повелениям других людей и чтобы они могли давать законы подданным и отменять, лишать силы бесполезные законы, заменяя их другими, чего не может совершить тот, кто подчинен законам и людям, которые имеют право ему повелевать»⁴⁴.

Б. Спиноза (1632–1677) был, пожалуй, одним из первых, кто предложил развернутое определение закона. «Слово «закон» – пишет он, – взятое в абсолютном смысле, означает то, что заставляет каждого индивида – всех или нескольких – принадлежащих к одному и тому же виду, – действовать одним и тем же известным и определенным образом»⁴⁵. Здесь нет необходимости разбирать достоинства и недостатки приведенной дефиниции. Из нее видно, что Спиноза наделяет закон свойствами неизменности, необходимости, всеобщности и определенности.

Б. Спиноза различает законы в объективном смысле слова (естественные законы) и законы, установленные людьми (законы юридические). «Закон, зависимый от естественной необходимости, – пишет он, – есть тот, который необходимо следует из самой природы или определения вещи; закон же, зависящий от людского соизволения и называемый удачнее правом, есть тот, который люди предписывают себе и другим, чтобы безопаснее и удобнее жить или по другим причинам»⁴⁶.

Б. Спиноза считает, что слово «закон» прилагается к естественным вещам в переносном смысле⁴⁷, тем самым он косвенно доказывает, что вплоть по XVII в. понятие закона

⁴⁴ Антология мировой философии. Т. 2. С. 146.

⁴⁵ Определение закона, данное Б. Спинозой не получило такого признания, как определение Ш. Монтескье (о котором речь впереди), но можно сказать, что определение Ш. Монтескье вообрало в себя полностью все основные моменты определения, данного Б. Спинозой.

⁴⁶ Спиноза Б. Избр. произв. М., 1957. Т. 2. С. 62.

⁴⁷ Там же. С. 63.

разрабатывалось почти исключительно применительно к социально-политической и правовой проблематике.

В отличие от всех предшествующих исследователей, занимавшихся проблемой соотношения естественного, божественного и юридического законов, ставивших юридические законы в прямолинейное, подчиненное, зависимое положение от законов божественных и естественных, концепция Спинозы гораздо сложнее и намного оригинальнее.

Отметив условность применения слова «закон» к естественным вещам, Б. Спиноза дает определение юридического закона, указывает, что под данным законом «...обыкновенно понимается не что иное, как распоряжение, которое люди могут и исполнить и отвергнуть ... поэтому закон ... должно определить более узко, именно: что он есть образ жизни, предписываемый человеком себе или другим ради какой-нибудь цели»⁴⁸. В свою очередь юридический закон он разделяет на человеческий и божественный. При этом под человеческим законом понимается такой образ жизни, который служит только для охранения жизни государства, а под божественным – тот, который имеет целью только высшее благо, т. е. истинное познание Бога и любовь к нему.

За видимой подчиненностью человеческого и божественного законов закону юридическому кроется прямо противоположный смысл. Все дело в том, что цель юридического закона, равно, как и предписываемый им образ жизни, определяются не законодателем, а привносятся в обязательном порядке в юридический закон извне силами (факторами), общеобязательность которых непререкаема.

Согласно Спинозе, юридический закон в своем действии не может повелевать «чего-нибудь сверх сил» и «он сдерживает человеческую мощь в известных пределах, за которые она стремится перейти». Цель божественного закона, а следовательно, и образ жизни «освящены вследствие откровения», а не из любви к вещи, ибо «идея о Боге говорит ведь

⁴⁸ Спиноза Б. Избр. произв. С. 63.

о том, что Бог есть **последняя** (выделено нами. – *Н. С.*) цель, к которой должны направляться все наши действия»⁴⁹.

Любить Бога, считает Спиноза, есть высшее благо, следовательно, содержание цели юридического закона по существу предопределяется божественным законом. Божественным законом ограничен и предопределен также и человеческий закон, ибо он может намечать только такие цели и предписывать такой образ жизни, которые не могут противоречить божественному закону. В итоге оказывается, что юридический закон в концепции Б. Спинозы есть легальная форма божественного и человеческого закона. Взаимосвязь божественного, человеческого и юридического законов выглядит так: юридический закон, сдерживая человеческую мощь и не приказывая ей чего-нибудь сверх сил, призван обеспечить действие человеческого закона, цель которого – создание образа жизни, служащего охранению жизни государства. Все это в конце концов подчинено божественному закону, «который имеет целью высшее благо»⁵⁰.

Значительный вклад в разработку вопросов законодательства (положительного права), соотношения юридического и естественного (божественного) закона внесли представители естественной школы права и договорной теории государства.

Классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества, по словам К. Маркса, был Дж. Локк (1632–1704)⁵¹, взгляды которого на сущность, происхождение и содержание юридического закона отличаются логической стройностью, тщательной проработкой и практической направленностью.

Дж. Локк различает закон юридический, закон божественный, а также закон природы⁵². Для Локка термин «закон

⁴⁹ Спиноза Б. Избр. произв. С. 65–66.

⁵⁰ Там же. С. 64.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 1. С. 371.

⁵² Не прав А. Д. Сирин, утверждая, что термин «законы природы» принял право гражданства благодаря работам Монтескье, Дидро, Гольбаха, Гельвеция, что именно благодаря их научной и общественной дея-

природы» обозначает более общее понятие, чем «природный закон человека». Свой труд «Опыты о законе природы» Локк как раз и начинает выяснением вопроса о том, существует ли закон природы, и отвечает на него удовлетворительно. Он пишет, что «...нет во вселенной ничего столь неустойчивого и неопределенного, что бы не признавало точных и определенных законов собственного существования, соответствующих природе каждого...»⁵³

Дж. Локк различает естественное право и естественный природный закон человека, ибо право состоит в том, что мы имеем возможность свободно распоряжаться какой-либо вещью, тогда как закон есть то, что повелевает или запрещает нечто делать. Он определяет происхождение естественного (природного) закона человека и при этом категорически отклоняет возможность его установления путем согласия между людьми, даже большинством населения. «Какая низость, – пишет Локк, – не стала бы не только позволенной, но и неминуемой, если бы закон устанавливал для нас поведение большинства, в какой позор, в какую мерзость и всевозможные нравственные пороки не ввергнул бы нас закон природы, если бы пришлось следовать большинству... Поэтому всякий, кто хочет создавать правила нравственности по мерке такого рода согласия относительно человеческой деятельности и отсюда вывести закон природы, похож на того, кто старается сойти с ума, сохранив рассудок»⁵⁴. Как «проявление божественной воли», «неизменное и вечное

тельности он прочно вошел в лексикон науки и укрепился там окончательно в XVIII в. (см.: Сирин А. Д. Указ. соч. С. 3–24). Практически невозможно установить, кто из исследователей первым ввел термин «закон природы», но ясно, что это были не французские просветители. О «высшем законе природы» говорил Спиноза (см.: Спиноза Б. Избр. произв. С. 203). Дж. Локк также отмечает, что для обозначения законов, управляющих жизнью человека, наряду с термином «достойное» (*honestum*) и «здравый разум» (*recta ratio*) **большинство исследователей называют этот закон законом природы**. Древний мыслитель Лукреций также говорит о *leges naturalis*.

⁵³ Локк Дж. Соч. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 3.

⁵⁴ Там же. С. 29.

моральное правило»⁵⁵ определяет он закон природы человека, считает, что формальным основанием данного закона является проявление высшей воли. Таким образом, для Дж. Локка закон природы человека есть не что иное, как божественный закон.

Обязательства, налагаемые божественным законом, являются вечными и всеобъемлющими. Локк подчеркивает, что в действии данного закона «...не бывает никакого междуцарствия, никаких Сатурналий, никаких передышек, когда бы в сей державе могли иметь место свобода и вседозволенность. Узы этого закона вечны и неотделимы от существования рода человеческого: они вместе с ним рождаются и вместе с ним исчезнут»⁵⁶.

Будучи верным и неизменным, божественный закон действует, во-первых, уже в естественном состоянии, и именно поэтому естественное состояние не может быть войной всех против всех, ибо закон требует сохранения общества, мира и безопасности для всего человечества. Во-вторых, божественный закон продолжает действовать и после заключения договора и учреждения государства, но уже управляет не только жизнью человека, но и определяет характер и пределы деятельности политической власти. «Таким образом, – подчеркивает Дж. Локк, – закон природы выступает как вечное руководство для всех людей, для законодателей в такой же степени, как и для других. Те законы, которые они создают для направления действий других людей, должны, так же как их собственные действия и действия других людей, соответствовать закону природы, т. е. божьей воле, проявлением которой он является»⁵⁷.

Необходимость юридического закона (в более широком плане – договора и образования государства) в концепции Локка объясняется так. Если бы не разложение и порочность выродившихся людей, считает он, то не требовалось бы ни-

⁵⁵ Локк Дж. Соч. Т. 3. С. 4, 45.

⁵⁶ Там же. С. 42.

⁵⁷ Там же. С. 341.

какого иного закона, ибо по закону своей природы, общему для всех, индивид и остальное человечество представляют единое сообщество, отличное от всех других творений. Разложение же и порочность привели к тому, что люди отделились от великого и естественного сообщества, составили ряд меньших объединений. Для возвращения людей в единое сообщество требуется всеобщий договор, образование государства и создание юридического закона. По смыслу концепции Дж. Локка юридический закон, опираясь на силу государства, призван дополнить в государственно-организованном обществе действие божественного закона, но не отменить (или заменить) его. Более того, «...законы, установленные в государствах, обязывают не сами по себе, не своим авторитетом, не как-либо еще, но именно в силу закона природы ... без такого закона, силою оружия правители, быть может, и могли бы принудить толпу к повиновению, но не могли бы обязать ее к этому»⁵⁸.

Следовательно, законы, создаваемые верховной законодательной властью, должны соответствовать велениям божественного закона, ибо они заимствуют всю свою силу из обязательства, налагаемого этим законом.

В то же время юридические законы не являются по Локку лишь простым продолжением, слепком с законов природы. Для сохранения индивида и остальной части человечества законы, создаваемые обществом, могут ограничивать «...ту свободу, которую он имел по закону природы», потому что «...хотя закон природы ясен и понятен всем разумным существам, однако люди руководствуются своими интересами, к тому же они его не знают, так как не изучали и поэтому не склонны признавать его в качестве закона, обязательного для них в применении к их конкретным делам»⁵⁹.

Из позиции Дж. Локка вытекает, что верховная законодательная власть, призванная сформулировать определенный юридический закон, сделать его общим мерилom и имеющая

⁵⁸ Локк Дж. Соч. Т. 3. С. 8.

⁵⁹ Там же. С. 335–336.

право ограничить свободу человека, обязана познать и усвоить закон природы прежде, чем придать ему общеобязательное значение. Законодатель – не только орудие осуществления божественного закона, но и активная, познающая, творческая сила. Правда, мысль эта формулируется Локком не совсем отчетливо, обрывается на полуслове, но именно эта идея наряду с обоснованием силы юридического закона его соответствием божественному (по сути дела, моральному, нравственному) закону, с идеей приоритета, вечности и неизменности морального закона, требованием соответствия ему законов юридических оказали самое заметное воздействие на последующие поколения мыслителей.

Особого внимания заслуживает учение французского мыслителя Ш. Монтескье (1689–1755). В его фундаментальном труде «О духе законов» исследуется широкий спектр политико-правовой проблематики. Сочинение начинается ставшим впоследствии классическим определением закона. «Законы в самом широком значении этого слова, – пишет Ш. Монтескье, – суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека»⁶⁰.

Изучая бесконечное разнообразие человеческих законов и нравов, Монтескье стремится установить общие начала, порождающие законы, определить «дух законов», т. е. закономерное в них. Он подчеркивает, что разнообразие законов и нравов не вызвано единственно произволом людей, что частные случаи сами собой подчиняются некоторым

⁶⁰ Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 159. Рассматривая определение Монтескье, Г. Е. Глезерман полагает, что оно сложилось под явным влиянием естествознания той эпохи. Не отрицая в принципе такое влияние, считаем, однако, что из смысла произведения Ш. Монтескье, написанного по вопросам обществоведческого характера, скорее напрашивается вывод о том, что его определение законов было как раз вершиной обществоведческой мысли.

общим началам и «...всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона»⁶¹.

Следуя традиции предшествующих мыслителей, Ш. Монтескье среди многообразия законов выделяет прежде всего божественные законы. Под ними он понимает те отношения, которые создал Бог между собой и различными существами, а также взаимные отношения между этими существами. В концепции Монтескье нет четкого разделения божественных и естественных законов. Все законы, управляющие физическим миром, миром животных и природой людей, по источнику своего происхождения относятся им к божественным законам. В то же время для обозначения законов животного мира и законов людей как физических существ Ш. Монтескье использует термин «естественный закон». «Бог, – пишет он, – относится к миру как создатель и хранитель; он творит по тем же законам, по которым охраняет, он действует по этим законам, потому что знает их, он знает их, потому что создал их»⁶². Монтескье считает, что отношения, т. е. законы, созданные Богом, справедливы, они предшествуют юридическим законам и обуславливают справедливость последних.

Вместе с тем, как полагает Монтескье, законы, установленные Богом, действуют не одинаково. Лишь физический мир и растения следуют своим законам с неизменным постоянством. Но уже животные не следуют неизменно своим естественным законам. Человек же, хотя и управляется двумя видами законов – естественными и юридическими – не соблюдает неизменно своих первоначальных, т. е. установленных Богом, законов и даже тех, которые люди создают сами для себя. Причины такого отношения людей к законам Монтескье видит прежде всего в том, что отдельные разумные существа по своей природе ограничены и способны заблуждаться. Кроме того, им свойственно по самой их природе действовать по собственным побуждениям.

⁶¹ Монтескье Ш. Избр. произв. С. 159.

⁶² Там же. С. 163.

Подобно Дж. Локку, Ш. Монтескье считает, что естественные законы управляли бытием человека в естественном состоянии, до образования общества. Он формулирует те законы, которые вытекают единственно из природы «нашего существа» и дает их подробную характеристику. Первым естественным законом он называет мир, вторым – стремление добывать себе пищу, третьим – просьбу, обращенную одним человеком к другому, четвертым – желание жить в обществе.

Необходимость появления положительных (юридических) законов Монтескье объясняет следующим образом. В естественном состоянии, считает он, между людьми господствует мир в силу их слабости. Соединяясь же в общество, люди утрачивают сознание своей слабости и между ними начинается два вида войны: война между народами и война между отдельными лицами. Именно появление «...этих двух видов войн, – утверждает Монтескье, – побуждает установить законы между людьми»⁶³.

Соответственно выделенным видам войны люди и устанавливают юридические законы. Те, которые определяют отношения между народами, именуется им международным правом. Законы же, установленные людьми для охраны общества, в котором они живут, а также законы, определяющие отношения между правителями и управляемыми, Монтескье называет политическим правом. Кроме того, он выделяет еще и третий вид законов. Это законы, определяющие отношения всех граждан между собой. Монтескье называет их гражданским правом.

Наличие у людей положительных законов Монтескье связывает с их способностью познавать. Говоря о естественных законах, присущих животным, он утверждает, что те не имеют положительных законов потому, что не наделены способностью познавать. Таким образом, в законотворческом процессе познание и человеческий разум предшествуют по-

⁶³ Монтескье Ш. Избр. произв. С. 167.

явлению юридических законов и в этом смысле слова положительный закон «...есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли, а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума»⁶⁴.

Таким пониманием законотворческого процесса Монтескье ориентирует законодателя на постижение закономерностей природы человека, обоснованно полагая, что положительные законы должны соответствовать естественным законам, присущим тем или иным народам. Причем юридические законы «...должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа»⁶⁵.

Значительное внимание Монтескье уделяет тому, чтобы определить закономерности, которым подчинено создание юридических законов (в теперешнем понимании – факторов законотворчества). Решающей причиной, влияющей на природу юридического закона и определяющей его содержание, он считает природу и принцип каждого правительства, ибо «...законы вытекают из него, как из своего источника»⁶⁶. Но связь между юридическими законами и причинами, их породившими, в понимании Монтескье не однолинейна и однозначна. Юридические законы в свою очередь влияют на причины, обусловившие их появление. Применительно к природе и принципу правительства эта мысль формулируется четко и недвусмысленно. Монтескье подчеркивает, что «...соответствие законов с принципами правления приводит в действие все пружины правления, и самый принцип получает от этого новую силу»⁶⁷.

⁶⁴ Монтескье Ш. Избр. произв. С. 168. В свете сказанного нельзя согласиться с В. С. Нерсеянцем в том, что в учении Монтескье разум трактуется в качестве рационалистического эквивалента понятия «Бог».

⁶⁵ Там же. С. 168.

⁶⁶ Там же. С. 169.

⁶⁷ Там же. С. 196.

Подробному анализу с широким привлечением исторических материалов и собственных наблюдений Монтескье подвергает и другие факторы законотворчества: физические свойства страны, ее климат (холодный, жаркий или умеренный), качества почвы, положение страны, размеры, образ жизни народов – земледельцев, охотников или пастухов; степень свободы, допускаемой устройством государства; религию населения, его склонности, богатство, численность, торговлю, нравы и обычаи. Кроме того, законы, как полагает Ш. Монтескье, связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются.

Иммануил Кант (1724–1804) был одним из первых философов, кто специально исследовал понятие «закон» как гносеологическую категорию. Он считал это понятие одной из важнейших категорий познания. «Категории же суть понятия, – пишет Кант, – а *prìogì* предписывающие законы явлениям, стало быть, природе как совокупности всех явлений»⁶⁸. В понимании Канта категория «закон» есть принадлежность трансцендентального чистого разума, которая не может быть выведена непосредственно из эмпирической действительности⁶⁹.

Человек, в понимании Канта, будучи частью природы, действует в сфере сущего, подчиненного закону причины и следствия, его поступки определяются внешней необходимостью. И в этом плане поступки человека предсказуемы с такой же точностью, как и любое иное явление природы. Но человек еще и существо разумное и в этом качестве он свободен в своих поступках, потому что его поведение подчиняется законам разума, «приспосаблия к ним эмпирические условия»⁷⁰. Все дело, считает Кант, в том, что, хотя в мире все совершается по определенным законам, но чело-

⁶⁸ Кант И. Соч. М., Мысль, 1964. Т. 3. С. 212.

⁶⁹ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. М., 1967. С. 14–18.

⁷⁰ Кант И. Соч. Т. 3. С. 488.

век наделен способностью поступать «согласно представлениям о законах»⁷¹. И вместе с тем закон разума не определяет волю человека полностью, она часто отклоняется от него, будучи влекома чувственностью⁷². Таким образом, закон разума является для человека лишь должностванием, выбор же остается в конечном счете за человеком.

Более всего в учении Канта нас интересует учение о нравственности, ибо именно в этой части его творческого наследия дано развернутое представление о юридических законах и их соотношении с законами нравственности.

Законы нравственности, считает Кант, не заложены в человеке изначально, у него есть лишь первоначальные моральные задатки. Еще в «Критике чистого разума», предваряя специальное исследование проблем этики и права, осуществленное в основном в работе «Метафизика нравственности», Кант писал: «Я допускаю, что действительно существуют чистые нравственные законы, которые совершенно *a priori* (не принимая во внимание эмпирические мотивы, т. е. большинство) определяют все наше поведение... и что эти законы повелевают безусловно (а не гипотетически, т. е. при допущении других эмпирических целей) и, следовательно, обладают необходимостью во всех отношениях»⁷³.

В «Критике практического разума» и «Основах метафизики нравственности» дается развернутое обоснование морального закона. «Моральный закон, – утверждает Кант, – есть императив, который повелевает категорически, так как закон не обусловлен»⁷⁴, т. е. существует *a priori*, а не выводится из природы человека.

И. Кант утверждает чистоту морального мотива, считает, что соблюдение морального закона есть долг человека. Исполняя его, человек не должен ожидать ни наград, ни внешнего блага, ни внутреннего удовлетворения, ни хоть какой-нибудь

⁷¹ Кант И. Соч. М.: Мысль, 1965. Ч. 1, т. 4. С. 250.

⁷² Философия Канта и современность. М.: Мысль, 1974. С. 118.

⁷³ Кант И. Соч. Т. 3. С. 663.

⁷⁴ Кант И. Соч. Ч. 1, т. 4. С. 345.

компенсации. Он подчеркивает, что «...моральные законы повелевают безусловно, каков бы ни был исход их исполнения; более того, они даже заставляют отвлечься от него, если дело касается отдельного поступка»⁷⁵.

Смысл этической концепции Канта сводится к тому, что человек, поступавший до сих пор по логике (т. е. по законам) хода вещей оказывается перед альтернативой. Он должен совершить выбор: либо продолжать все делать по законам природы, по расчету благоразумия и себялюбия и окончательно запутаться в многосложном сплетении учитываемых факторов и противоречии сталкивающихся интересов, либо совершить поворот к нравственности и жить по ее законам⁷⁶. Ставя перед человеком дилемму выбора, Кант не оставляет его безоружным и указывает путь нравственного совершенствования. Он видит его в моральном воспитании, которое должно начинаться не с исправления нравов, а с преобразования образа мыслей и с утверждением характера, хотя обыкновенно дело происходит иначе и борются против отдельных пороков, а корень их остается нетронутым.

Учение о праве, юридическом законе, его соотношении с моральным законом И. Кант выводит из различения моральности и легальности поведения человека, которое он установил в «Критике практического разума». Моральным поведением он считает то, которое не только совпадает с требованием категорического императива, но и основано на сознательном уважении к нравственному закону. Поведение же, которое не нарушает предписаний нравственного закона, но выполняется в силу иных побуждений (честолюбие, страх, корыстолюбие и т. д.), именуется легальным.

Легальное поведение имеет место в отношениях людей между собой и относится к области права. «Право, – пишет Кант, – есть совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зре-

⁷⁵ Кант И. Соч. М.: Мысль, 1965. Ч. 2, т. 4. С. 12.

⁷⁶ Философия Канта и современность. С. 150–151.

ния всеобщего закона свободы»⁷⁷. Учение о праве, по Канту, касается лишь внешних условий и норм действия человека. Юридический закон остается у него чисто формальным, ибо не касается содержания поступков и независимо от индивидов определяет внешние действия. Таким образом, смысл права состоит в том, чтобы допускать такое поведение людей, которое бы внешне объективно было совместимо с требованием категорического императива, который в области права гласит так: «...поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщей свободой»⁷⁸. Это требование и составляет суть всеобщего правового закона.

В учении Канта юридические законы есть часть этических законов, юридические законы выводятся из этических законов, являются их частным следствием, обоснованы ими и подчинены им, а всеобщий правовой закон есть форма категорического императива. Из принадлежности юридических законов к области законов нравственных Кант выводит априорность правовых норм: в основе их лежит не то, что бывает, а то, что должно быть⁷⁹.

В концепции Канта обосновывается и понятие естественного закона, его соотношение с законом юридическим. Он считает, что естественными законами являются те, обязательность которых может быть познана разумом а priori. Собственно говоря, в понимании Канта, законы, вытекающие из всеобщего правового закона, т. е. все юридические законы, и составляют то, что он называет естественным правом. Таким образом, в отличие от своих предшественников, сторонников естественной школы права, немецкий философ рассматривает естественное право не как природные свойства (права) людей, присущие им изначально, а как проявление, форму бытия существующего а priori категорического императива, т. е. переносит его из сферы сущего в сферу

⁷⁷ Кант И. Соч. Ч. 2, т. 4. С. 139.

⁷⁸ Кант И. Соч. Ч. 2, т. 4. С. 140.

⁷⁹ Асмус В. Ф. Этика Канта (вступ. ст.) // Кант И. Соч. Ч. 1, т. 4. С. 51.

должного. Некоторая искусственность и замысловатость учения Канта о естественном праве объясняется, как нам представляется, необходимостью «органично» вмонтировать в концепцию правопонимания сложившийся до него в политико-правовой мысли понятийный аппарат с традиционными терминами естественного и положительного (статуарного) закона. Здесь Кант не оригинален, под положительными (статуарными) законами он понимает законы, изданные законодателем. Следовательно, положительные законы есть не что иное, как исторически существующие законы, и они, в понимании Канта, не должны нанести ущерб естественному праву, их следует преобразовать в соответствии с естественным правом, т. е. всеобщим правовым законом.

1.2. Соотношение объективного социального закона и закона юридического

Категория закона, понятие закономерностей взаимосвязи процессов и явлений социальной действительности составляют сердцевину любой науки об обществе. Не является исключением здесь и юридическая наука.

Теоретиками государства и права было потрачено немало сил на изучение вопроса о том, какой круг законов и закономерностей входит в предмет исследования юридической науки, в том числе общей теории государства и права, в чем состоит их особенность и какое место они занимают в системе общесоциологических, экономических и политических законов. Основательному изучению были подвергнуты законы возникновения, функционирования и развития государства и права⁸⁰.

⁸⁰ См., напр.: Касаткин Ю. П., Явич Л. С. К вопросу об общих и специфических закономерностях права // Ученые записки. Тр. юридич. ф-та. Сталинабад, 1955. Т. VIII, вып. 3. С. 39–47; Алексеев С. С. Тенденции развития советской юридической науки // Правоведение. 1962. № 2. С. 3–14; Он же. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1966. Вып. 4. С. 199–200; Он же. Общая марксистско-ленинская теория государства и права: основные институты и понятия. М., 1970. С. 9–193; Алексеев С. С.

Важно подчеркнуть, что изучение закономерностей бытия государственно-правовой действительности с самого начала было подчинено практическим потребностям. Исследование законов необходимо не само по себе, не только для доказательства того, что юридическая наука имеет статус самостоятельной среди других общественных наук (хотя и это весьма важная задача). В среде ученых-юристов, какими бы проблемами они ни занимались, всегда было стремление обратить изученные ими законы и закономерности государственно-правовой действительности на пользу политического и правового строительства. Далеко не всегда в силу целого ряда причин и обстоятельств предложения и рекомендации юридической науки воспринимались практикой законотворчества и правоприменения. Справедливости ради надо отметить, что и рекомендации юридической науки не всегда отличались достаточной доказательностью, были всесторонне аргументированы и обоснованы с практической точки зрения.

Курс на построение правового государства, создание постоянно действующих органов законодательной власти,

Проблемы теории права. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 66–67; Орзих М. Ф. Объективное, субъективное и юридическое // Правоведение. 1972. № 3. С. 97–98; Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972; Рабинович П. М. Специфика предмета юридической науки // Правоведение. 1974. № 2. С. 53–61; Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974; Денисов А. И. Методические проблемы теории государства и права. М., 1975. С. 3–22; Рабинович П. М. Упрочение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. С. 9–66; Васильев А. М. Правовые категории. М., 1976. С. 15–126; Керимов Д. А. Общая теория государства и права. Предмет. Структура. Функции. М., 1977. С. 3–53; Овчинников С. Н. О специфических закономерностях права // Правоведение. 1979. № 2. С. 70–73; Он же. Закономерности развития и функционирования права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1979; Методологические проблемы советской юридической науки. М., 1980; Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 9–135; Закономерности развития социалистического государства. М., 1983; Козлов В. А. Правопонимание и общая теория права: логико-методолог. аспект // Правоведение. 1987. № 6. С. 21–28; Он же. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989 и др.

с одной стороны, позволяют использовать достижения юридической науки в законотворческом процессе, в разработке стратегии и тактики законотворчества, при подготовке проектов конкретных законов, а с другой стороны, побуждают исследователей к более глубокому анализу как насущных вопросов законотворчества, проблем верховенства закона, так и их теоретико-методологических сторон.

1.2.1. Отражение основных свойств объективного социального закона в юридическом законе

Можно считать, что в юридической науке достаточно прочно утвердилось суждение о том, что система законодательства в целом, равно как и отдельные нормативно-правовые акты, должны опираться на социальные законы. От того, насколько эту идею удастся реализовать на практике, зависит эффективность законодательства, авторитет и верховенство закона, качество правовой системы вообще.

Еще в программной статье журнала «Коммунист» в 1963 г. отмечалось, что центральной проблемой юриспруденции является «взаимодействие юридической нормы с общественными отношениями, с объективными закономерностями общественного развития»⁸¹. М. С. Строгович полагал, что важной задачей юридической науки является изучение сложного механизма выражения в нормах права общественных закономерностей⁸².

В фундаментальной монографии «Теория закона», анализируя пути повышения верховенства, Ю. А. Тихомиров пришел к выводу, что высокий авторитет закона, возрастание его роли в регулировании общественных отношений во многом определяются тем, насколько в законе находят отражение закономерности общественного развития⁸³.

⁸¹ Юридическая наука в условиях коммунистического строительства // Коммунист. 1963. № 16. С. 31.

⁸² Строгович М. С. Методологические вопросы советской юридической науки // Вопр. философии. 1965. № 12. С. 8.

⁸³ Тихомиров Ю. А. Теория закона. М.: Наука, 1982. С. 170.

Исследуя закономерности развития и функционирования права, С. Н. Овчинников пришел к выводу о том, что в самом общем виде взаимосвязь социальных законов и законов в юридическом смысле слова состоит в том, что юридические нормативные акты должны выражать объективные социальные закономерности⁸⁴.

А. М. Хачатурян также считает, что правовые нормы для того, чтобы целенаправленно влиять на экономическую, политическую и социально-культурную сферы жизни, должны адекватно отражать происходящие в обществе процессы. Законодатель же для этого должен постоянно выявлять, изучать и учитывать закономерности, лежащие в основе таких процессов⁸⁵.

Академик М. Т. Баймаханов полагает, что надлежащее качество законодательства упирается в решение такой проблемы, как отражение в правовых актах объективных закономерностей общественного развития. В выступлении на Всесоюзном научно-координационном совещании юристов он подчеркнул, что видит решение данной проблемы на путях углубления представлений о соотношении объективных закономерностей и юридических законов, о механизме обратного воздействия юридических законов на объективные закономерности⁸⁶.

Вопросам соответствия норм права объективным закономерностям регулируемых отношений пристальное внимание уделяет Р. О. Халфина. Она считает, что в настоящее время особенно остро стоит вопрос о соответствии права объективным законам экономического развития. Опираясь на известное положение о том, что право может способствовать экономическому развитию (и тогда это развитие идет

⁸⁴ Овчинников С. Н. Закономерности развития права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1979. С. 12.

⁸⁵ Хачатурян А. М. Социальные факторы развития законодательства союзной республики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 4.

⁸⁶ Материалы Всесоюз. науч.-координац. совещ. юристов // Сов. государство и право. 1987. № 5. С. 117.

быстрее), а может и препятствовать ему, Р. О. Халфина полагает, что особое значение имеет своевременное и глубокое осознание требований объективных законов и умелое применение средств правового регулирования для оптимального использования положительных сторон процессов и возможного ограничения отрицательных⁸⁷.

Вместе с тем, как будет показано ниже, проблема соотношения объективных социальных законов и юридических не так проста, как это может показаться при первом, самом общем ознакомлении с ней. Не все в ней выглядит однозначно и просто. Было бы глубоким заблуждением делать вывод о том, что юридический закон всегда и во всем может и должен опираться на объективный социальный закон. Дело в том, что между объективным социальным законом и законом в юридическом смысле слова, наряду с имеющимися общими для них признаками и свойствами, есть и такие, которые не совпадают или имеют поверхностное совпадение, отличаясь по существу. Поэтому общее требование соответствия юридического закона объективным социальным законам подлежит более обстоятельному изучению с определением границ такого соответствия. Иными словами, следует уточнить: о каком соответствии и соответствии в чем идет речь, всегда ли оно возможно и необходимо?

Известно, что К. Маркс определял закон как «внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями»⁸⁸. В. И. Ленин обосновывал в «Философских тетрадах» положение о том, что «закон есть отношение сущностей или между сущностями»⁸⁹.

Вместе с тем, как справедливо отмечает А. Д. Сирин, было бы упрощением трактовать дело таким образом, что закон есть всего лишь отношение между сущностями. Закон всегда есть существенное отношение, однако понятие

⁸⁷ Халфина Р. О. Необходимые условия действительности права // Сов. государство и право. 1990. № 3. С. 20.

⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Ч. 1, т. 25. С. 246.

⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 128.

«существенное отношение» шире, чем понятие «отношение между сущностями», так как и отношение между внешними сторонами предметов может быть существенным отношением⁹⁰. Поэтому, будучи отношением между сущностями, закон есть в то же время отношение между явлениями, ибо нет сущности, изолированной от явления. Сущность всегда является, а явление всегда существенно. Непосредственная прямая связь между сущностями вообще невозможна, так как сущность всегда выступает через явление.

Данный признак объективного социального закона достаточно подробно рассмотрен в философской литературе и практически никем не оспаривается при его характеристике. Что же касается юридической науки, то в ней сформулирована презумпция, согласно которой нормативно-правовые акты более высокой юридической силы регулируют и более важные, существенные отношения. Особенно широко она используется при определении закона и законодательных актов в целом⁹¹, актов Совета Министров⁹², но практически не упоминается при характеристике всех остальных подзаконных актов. По логике таких рассуждений можно сделать вывод, что подзаконными актами регулируются менее значимые и несущественные отношения. На практике же оказывается, что установить жесткую зависимость между юридической силой акта и регулируемым им общественным

⁹⁰ Сирин А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. С. 24–26.

⁹¹ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 26; Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. С. 220; Лукьянова Е. А. Закон как источник советского государственного права. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 23–24, 34; Керимов Д. А. Законодательная деятельность Советского государства. М., 1955. С. 99–100; Лучин В. О. Источники советского государственного права. Куйбышев, 1976. С. 14; Шебанов А. Ф. Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 148; Юридический энциклопедический словарь. М.: Юрид. лит., 1984. С. 100 и др.

⁹² Общая теория советского права / отв. ред. С. Н. Братусь, И. С. Самошенко. М.: Юрид. лит., 1966. С. 154.

ми отношениями невозможно. Практике законотворчества известно немало случаев, когда законом регулировались менее важные и существенные отношения, чем постановлением Совета Министров, или, наоборот, закон и постановление правительства регулировали смежные общественные отношения, одинаковые по своей значимости.

Более того, опыт законотворчества показал, что понятие важности и существенности общественного отношения в юриспруденции носит довольно условный характер. Степень значимости того или иного общественного отношения в очень большой мере зависит от привходящих, зачастую конъюнктурных соображений политического или иного характера.

Не вносит ясности в этот вопрос и попытка определить степень важности и существенности общественных отношений, регулируемых законом, через компетенцию высших органов законодательной власти. Несмотря на то что компетенция высших органов законодательной власти, как правило, складывается десятилетиями и к их ведению относятся обычно отношения, имеющие более важное значение, чем те, которые регулируют органы специальной компетенции и исполнительной власти, тем не менее природа законодательной власти такова, что она вынуждена регулировать самые разнообразные, иногда и вовсе малозначительные отношения. Законодатель попросту не вправе отказаться от регулирования общественных отношений, ссылаясь на степень их важности и значимости. Следует согласиться с Д. А. Ковачевым в том, что попытки разграничить законодательные полномочия высшего представительного органа и правотворческие полномочия Совета Министров путем установления различия в природе общественных отношений, являющихся, с одной стороны, предметом регулирования закона, а с другой – предметом регулирования акта исполнительной власти, бесперспективны⁹³.

⁹³ Ковачев Д. А. Закон или исполнительный акт // Социалистическая законность. 1989. № 10. С. 19–20.

Таким образом, в отличие от объективного социального закона, который в философской литературе рассматривается не иначе, как существенная связь между явлениями и процессами, характеристика юридического закона в этом плане не отличается четкостью и определенностью. Желательно, чтобы законодатель регулировал основополагающие, составляющие самую суть процесса отношения. Но не менее важно и то, чтобы он упорядочивал как можно более широкий круг общественных отношений. Причем стремление большинства исследователей как раз и сводится к тому, чтобы именно законом и регулировались как можно чаще общественные отношения. В этом они видят залог успехов в повышении качества правовой системы и верховенства закона, укреплении законности и правопорядка.

Можно согласиться с Л. С. Явичем в том, что преобладающая доля подзаконных актов в регулировании общественных отношений очень часто подрывает верховенство закона⁹⁴. Но его вывод о том, что под верховенством закона следует понимать не только его высшую силу, но и то, насколько законы действительно регулируют важнейшие в стране общественные отношения, вовсе не согласуется с требованием, чтобы исполнительная власть не брала на себя функции законодательной власти, т. е. не издавала общеобязательных правил поведения⁹⁵. Ведь только в том случае, когда наряду с законами регулирование общественных отношений осуществляется иными видами нормативно-правовых актов, можно понимать под верховенством закона то, насколько он действительно регулирует важнейшие в стране общественные отношения. Если нормотворчество иных органов власти, кроме власти законодательной, запрещено или существенно сужено, то ведь законодателю волей-неволей придется, заполняя образовавшийся вакуум, регулировать довольно широкий круг общественных отношений. И надо

⁹⁴ Явич Л. С. Социализм: право и общественный прогресс. М.: Юрид. лит., 1990. С. 166.

⁹⁵ Там же. С. 166–167.

полагать, что доля наиболее важных и существенных отношений, регулируемых законодателем, намного уменьшится в общей массе регулируемых им отношений. Да и сама постановка в этих условиях вопроса о важности регулируемых законом общественных отношений попросту потеряет всякое значение, как для законодателя, так и для юридической науки при определении путей повышения верховенства закона.

Следовательно, общее положение о том, чтобы юридический закон выражал объективную социальную закономерность, не может быть сформулировано как требование обязательного закрепления в нем существенных, внутренне необходимых отношений. И в этом плане между законом в философском и юридическом понимании полного тождества не наблюдается. Юридический закон, как акт органа законодательной власти в стране, регулирует и отражает не только важные и существенные общественные отношения. Законодатель призван регулировать весь круг общественных отношений, входящих в его компетенцию.

Для законодателя реализация такого требования, если бы оно было закреплено нормативно, оказалось бы просто невыполнимым. Формулировка такого требования в качестве обязанности законодателя вряд ли способна привести к каким-либо результатам, кроме отрицательных. Закрепление такого положения значительно сузило бы реальную компетенцию законодателя. Круг объектов законодательной регламентации не может быть исчерпывающе определен и установлен заранее, так как это связало бы законодателя в выборе актуальных проблем общественного развития, требующих своего решения⁹⁶.

Курс на последовательное разделение законодательной и исполнительной власти практически означает, что в определении верховенства закона указание на регулирование им главных, важных и тому подобных вопросов государственной и общественной жизни стало неработающей теоретической конструкцией. Она потеряла свое значение.

⁹⁶ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 167.

В юридической литературе рассматривались свойства типичности и устойчивости общественных отношений при определении предмета регулирования закона. Об этих свойствах отношений писал П. Е. Недбайло⁹⁷. Болгарский ученый Б. Спасов видит предмет регулирования закона в отношениях наиболее стабильных, поддающихся длительной регламентации⁹⁸. Анализируя высказанные в литературе взгляды на предмет регулирования закона, Е. А. Лукьянова приходит к выводу, что отношения, подлежащие регламентации законом, должны оцениваться по трем критериям – особой значимости, типичности и устойчивости⁹⁹. «Такой тройной подход, – подчеркивает она, – пожалуй, наиболее полно отражает специфику и всестороннее определение особенности объекта законодательного регулирования»¹⁰⁰.

Как было показано выше, понятие особой значимости, иными словами – важности, общественных отношений практически и теоретически непригодно для предмета законодательного регулирования. Нельзя считать таковыми, как представляется, также свойства типичности и устойчивости общественных отношений. Дело не только в том, что устойчивость, а следовательно, и типичность общественных отношений имеют относительный характер. Важны не сами по себе свойства общественных отношений, а в их соотносительности со свойствами юридического закона и возможность выразить первые во вторых, скоррелировать их между собой и добиться наибольшего совпадения, придать общественным отношениям адекватную форму юридического закона и обеспечить их развитие в нужном направлении. Именно к этому в конце концов и сводится смысл теоретических поисков предмета законодательного регулирования. Но ни типич-

⁹⁷ Недбайло П. Е. Советский закон в системе государственно-правовых актов // Ученые записки Львовского ун-та. Серия юрид. 1949. Т. 14, вып. 1. С. 6.

⁹⁸ Спасов Б. Закон и его толкование. М.: Юрид. лит., 1986. С. 11, 14.

⁹⁹ Лукьянова Е. А. Закон как источник советского государственного права. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 30.

¹⁰⁰ Там же.

ность, ни устойчивость общественных отношений, как бы они ни были важны, не позволяют в полной мере выполнить эту задачу с помощью юридического закона. Законодатель, ориентирующийся только на них, подобен улитке, которая скользит по поверхности предмета, следует его рельефу, но не предвидит конца пути и поэтому не в состоянии выбрать оптимальный маршрут своего движения.

Среди основных признаков объективного социального закона важное место занимает такое его качество, как всеобщность. Закон есть общая связь. Она охватывает не одно явление, а сравнительно большую группу качественно однородных явлений. Степень охвата явлений определяет меру общности закона. Всеобщность характеризует закон со стороны количества явлений, подпадающих под действие закона, и со стороны его пространственного дальнего действия¹⁰¹. Всеобщность (или общность) закона рассматривается обычно в двух значениях. Во-первых, в значении абсолютного охвата действием закона буквально всех явлений без исключения. Данное свойство есть только у основных законов диалектики. Во-вторых, всеобщность употребляется и в смысле безусловного охвата всех явлений, которые имеют однородность, и они с необходимостью подпадают под действие закона, даже если он имеет и строго очерченные границы действия¹⁰².

Первому значению данного признака объективного социального закона соответствует деление юридических законов по объему правового регулирования с выделением в самостоятельную группу так называемых общих законов, к которым относится Конституция. Но в отличие от объективных социальных законов, имеющих универсальный характер и охватывающих абсолютно все явления без исключения, предмет (объем) законодательного регулирования конституций, хотя и необычайно широк, но все же имеет свои

¹⁰¹ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. М.: Мысль, 1967. С. 32; Сирин А. Д. Закон как философская категория // *Вопр. марксистской философии и эстетики*. Иркутск, 1971. С. 39.

¹⁰² Сирин А. Д. Указ. соч. С. 38.

границы, не говоря уже о других конституционных и обыкновенных законах, предмет регулирования которых значительно уже. И в этом плане можно вести речь лишь о некотором подобии юридических законов объективным социальным законам, но отнюдь не об их тождестве.

Что же касается признака всеобщности социального закона во втором его значении, то ему, как представляется, соответствует общий характер норм права, выраженных в тексте юридического закона. Норма права – правило поведения общего характера, рассчитанное на неопределенное число случаев, обращено ко всем, оказавшимся в ситуации, предусмотренной нормой права. Как пишет А. С. Пиголкин, для нормы права важно то, «что определенное должностное лицо, орган, группа лиц или органов заранее не персонифицированы, норма права регулирует их права и обязанности вне зависимости от того, кто персонально является данным должностным лицом или входит в состав органа или группы лиц»¹⁰³.

Признак всеобщности объективного социального закона означает, что все явления, подпадающие под его действие, не могут не подчиняться его требованиям. Закон не терпит исключения, он всеобщ¹⁰⁴. Иной характер признака всеобщности у юридического закона. Он отличается от всеобщности социального закона по крайней мере двумя моментами. Во-первых, юридический закон нарушается. Еще русский ученый Н. М. Коркунов, имея в виду данное свойство юридического закона и сравнивая его с объективным законом, писал: «Нормы могут быть нарушаемы, нарушить же закон невозможно»¹⁰⁵. В этом состоит первый изъян всеобщности юридического закона. Во-вторых, в юридическом законе могут быть предусмотрены по воле законодателя исключения самого разного характера: по времени и месту его действия,

¹⁰³ Пиголкин А. С. Нормы советского права и их структура // *Вопр. общей теории советского права*. М.: Госюриздат, 1960. С. 74.

¹⁰⁴ Голованов В. Н. Указ. соч. С. 38.

¹⁰⁵ Коркунов Н. М. *Лекции по общей теории права*. СПб., 1909. С. 48.

кругу физических и юридических лиц и т. д. Исключения такого рода у социального закона отсутствуют. Люди могут познать социальный закон и действовать в соответствии с его требованиями, но установить для себя «льготы» в виде исключений из него не в состоянии. Вместе с тем следует иметь в виду то обстоятельство, что природа социальных законов характеризуется статистичностью, а природа принципа всеобщей взаимной связи – противоречивостью. Связь всего со всем в обществе по одним параметрам предполагает ее отсутствие по другим. Реализуется это в случайности как форме проявления и дополнения необходимости¹⁰⁶.

Но если законы общества носят статистический (вероятностный) характер, то юридический закон такого качества не имеет. Должное в законах юридических допускает лишь те исключения, которые предусмотрены в нем. В плане сближения юридического закона с законом социальным было бы весьма полезно выяснить то, каким образом вероятностный характер социального закона связан (и связан ли вообще) с конструкцией исключений, используемой в законотворчестве. Это самостоятельная крупная проблема теории законодательства. Не вдаваясь в ее обсуждение по существу, выскажем предположение о том, что между случайностями, которыми богата природа социального закона, и исключениями в юридическом законе нет прямой причинно-следственной связи. Случайности не поддаются прогнозу и не могут быть запрограммированы, а поэтому не могут быть точно и однозначно предусмотрены в юридическом законе. Лишь такие оценочные понятия, как «с учетом обстоятельств дела», «и другие смягчающие обстоятельства», «с учетом личности» и т. п., могут быть расценены как способ законотворчества, используемый законодателем для приспособления юридического закона к вероятностной природе объективного социального закона.

¹⁰⁶ Шляхтенко С. Г., Шляхтенко Г. П. Статистическая природа законов общественного развития // Проблема закона и закономерности в общественности. Л., 1975. С. 18.

Оценивая же соотношение объективного социального закона с законом юридическим по признаку всеобщности в целом, можно сделать вывод о том, что между социальным и юридическим законом по этому свойству гораздо больше различий, нежели подобия. Причем различия носят настолько принципиальный характер, что трансформировать всеобщность социального закона в соответствующее свойство юридического и тем самым сблизить два вида законов ни теоретически, ни практически невозможно.

Объективный социальный закон включает в себя повторение определенных связей, определенного взаимодействия явлений, устойчивость этих связей¹⁰⁷. На устойчивость как наиболее характерный признак закона в свое время обращал внимание в «Новом органоне» Ф. Бэкон. В ряде высказываний Г. В. Ф. Гегель указывает на устойчивость как признак закона. Закон явления – это «то, – пишет он, – что остается равным себе в смене явлений»¹⁰⁸. В другом месте Гегель подчеркивает, что «царство законов есть спокойное отображение существующего или являющегося мира»¹⁰⁹.

Как бы резюмируя имеющиеся в философской литературе высказывания о рассматриваемом признаке объективного социального закона, В. Н. Голованов пишет, что закон выражает не весь процесс, а только одну его сторону, именно момент «спокойного» в бесконечной смене явлений. «Прочное», «остающееся», «идентичное», – пишет он, – вот те предикаты, которые делают закон тем, чем он является»¹¹⁰.

¹⁰⁷ См.: Туленов Ж. Закон как философская категория. Алма-Ата, 1959. С. 58; Тугаринов В. П. Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1954. С. 65–73; Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. М., 1967. С. 31–32; Артемьева В. Г. Содержание и структура категории закона: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1970. С. 18; Приписнов В. И. Механизм действия социальных законов и субъективный фактор. Душанбе, 1972. С. 31–32; Сирин А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979. С. 48 и др.

¹⁰⁸ Гегель Г. В. Ф. Соч. М.: Соцэкгиз, 1937. Т. V. С. 597.

¹⁰⁹ Там же. С. 602.

¹¹⁰ Голованов В. Н. Указ. соч. С. 31.

Основой устойчивости, повторяемости связей являются условия действия закона. Закон может действовать лишь в определенных условиях, которые нельзя отрывать от самого закона, а изменение условий часто вызывает и смену самого закона. Можно сказать: какие условия, такой и закон. С возникновением новых условий возникает и новый закон.

Прочность и постоянство закона связаны с повторяемостью явлений в сходных условиях. Без этой повторяемости невозможен ни сам закон, ни его использование человеком. Прочность закона выражается в сохранении существенных черт явления в процессе его развития¹¹¹, повторяемость же представляет собой внешнее выражение устойчивости закона, форму его бытия¹¹².

Вместе с тем у объективного социального закона нет абсолютной, «чистой» повторяемости, потому что каждый новый цикл повторения отличается от предыдущего не только во временном плане, но прежде всего по существу. В силу данного обстоятельства наряду с устойчивостью объективному социальному закону присуща и относительная изменчивость. Именно потому, что общественные законы есть законы деятельности людей, а последняя характеризуется постоянным динамизмом, объективные социальные законы оказываются подверженными большим изменениям.

Проанализируем юридический закон в плане его соотношения с рассмотренными свойствами объективного социального закона.

Как для социального, так и для юридического закона чрезвычайно важны условия действия. Но если в любом объективном социальном законе условия составляют его органическую составную часть, то для юридического закона условия имеют внешнюю природу и от того, насколько точно они учтены и отражены в нем, зависят его действительность, эффективность и жизнеспособность. Вообще этот вопрос имеет в теории закона огромное самостоятельное значе-

¹¹¹ Голованов В. Н. Указ. соч. С. 31.

¹¹² Тугаринов В. Н. Указ. соч. С. 65–73.

ние и требует отдельного исследования. Здесь же отметим, что в теории и практике законоотворчества, особенно в последние годы, уделяется крайне мало внимания условиям действия закона, а иногда они и вовсе игнорируются. Ориентируясь часто на передовой зарубежный опыт, наш законодатель теряет из виду то обстоятельство, что принимаемый им закон будет действовать в среде, имеющей свои правовые традиции и свою историю, свой уровень политической и правовой культуры, а потому даже самые эффективные в условиях других государств законы у нас в стране могут попросту не работать. Если для социального закона верно выражение «какие условия, такие и законы», то для закона юридического оно звучит иначе – «закон должен быть таким, какие условия его действия».

В приближении юридического закона к реальным условиям его действия видится важный путь к повышению его действительности, авторитета и верховенства. В данной плоскости просматриваются практически неограниченные возможности в сближении юридического закона с объективным социальным законом. И, несмотря на отмеченные нами различия между юридическим и социальным законом в условиях действия, для законодателя как раз очень важно так прочно привязать закон к конкретным условиям его действия, «прирастить» его к среде, чтобы юридический закон был бы естественным следствием сложившихся условий жизнедеятельности общества. В методологическом отношении прав Г. В. Мальцев, когда пишет, что «право как государственно-властный регулятор имеет дело с проблемами, которые находятся не внутри самоорганизующегося процесса, а на его границах, во многих случаях оно отказывается от непосредственного нажимного вмешательства и методов прямой регламентации социальных отношений, контролируя последние лишь на «входе» и «выходе»¹¹³. Именно таким своеобразным «входом» для юридического закона и являются условия его действия. Насколько прочно законодатель владеет им, опре-

¹¹³ Вопр. философии. 1990. № 6. С. 18.

деляется результативность его воздействия на общественные отношения, эффективность закона.

Вместе с тем смысл юридического закона не сводится, как это хорошо известно, лишь к учету и отражению условий, породивших его. Он призван активно воздействовать на эти условия. Регулируя в нужном направлении общественные отношения, участвуя в их преобразовании, закон тем самым подрывает и основы, условия своего действия. Таким образом, чем эффективнее юридический закон выполняет свое назначение, тем быстрее он теряет свою жизнеспособность, ибо с изменением условий, вызвавших его к жизни, должен меняться и сам закон. В этом смысле эффективность юридического закона отрицательно влияет на его стабильность, устойчивость.

Юридический закон, если он в состоянии воздействовать на условия, вызывающие к жизни объективные социальные законы, в состоянии воздействовать на сами эти законы. Здесь, как представляется, и лежит ключ к ответу на вопрос, который давно обсуждается юридической наукой: может ли юридический закон изменять существующие и способствовать возникновению новых общественных отношений?

Творческая сила юридических законов, а следовательно, их авторитет и верховенство напрямую определяются тем, насколько сильно их воздействие на участников общественных отношений, в состоянии ли они влиять на мотивы и интересы при выборе вариантов поведения, т. е. на условия своего действия. Полагаем, что в содержательном, а не в формальном смысле слова верховенство закона определяется тем, что посредством именно данной формы права общество в лице государства, используя экономическую, финансовую, политическую и иную мощь, может реально воздействовать на условия своего бытия, оказывать тем самым влияние на объективные социальные законы, изменять их. Иные источники права (прецедент, правовой обычай, договор, доктрина и т. д.) в силу своей природы в этом процессе не могут быть задействованы. И хотя появление этих источников права

часто предопределяется деятельностью органов высшей законодательной власти, но качеством воздействия на общественные отношения в рассматриваемом смысле слова они не обладают, следовательно, и содержательным свойством верховенства не располагают.

Как было отмечено выше, объективный социальный закон осознается и используется человеком благодаря повторяемости связей между явлениями в сходных условиях. Данное свойство социального закона лежит, как представляется, в основе возможности создания общих правил поведения, норм права и юридического закона. Повторяемость связи, однако, не раскрывает ни ее существа, ни направленности, она лишь указывает на то, что связь существует реально. Таким образом, юридический закон, в основе которого лежит повторяемость связи, имеет дело с формой объективного социального закона. В этом и состоит одна из тех сложностей, с которыми сталкивается законодатель. Вынужденный ориентироваться на устойчивость процесса, повторяемость интересующих его связей, он может упустить из виду самое содержание и направленность связи.

Отсутствие абсолютной, «чистой» повторяемости, изменчивость связи между явлениями и процессами служат по сути дела ориентиром, своеобразным «компасом», подающим сигналы законодателю, по которым он судит о соответствии либо несоответствии юридического закона объективной реальности. Общеизвестно, что юридический закон должен обладать определенным запасом стабильности, устойчивости, чтобы выполнять роль социального регулятора. Не вызывает возражения и положение о том, что адекватность отражения в юридическом законе процессов общественной жизни – гарантия его полезности и эффективности. Но при постоянной изменчивости объективного социального закона реализовать одновременно и до конца указанные требования в отношении юридического закона в принципиальном плане нельзя.

Один из парадоксов (диалектических противоречий) системы законодательства состоит в следующем: чем быстрее

система законодательства реагирует на изменение внешней среды, тем быстрее она развивается и изменяется, но ее быстрое изменение не отвечает потребности в стабильной системе законодательства. Законодатель должен делать выбор: либо стабильность юридического закона и неадекватность отражения в нем реальностей, либо адекватное отражение связей и постоянная изменяемость закона.

Искусство законодателя во многом определяется тем, насколько он в состоянии сбалансировать в каждом конкретном случае стабильность закона с адекватностью его содержания регулируемым отношениям (предмет регулирования). А от этого в свою очередь зависит и качество принимаемых им законов. Но в любом случае, когда речь идет о повышении верховенства закона, мы должны иметь в виду, что требование стабильности закона, равно как и требование адекватного отражения в нем регулируемых отношений, имеет относительный, условный характер, а потому они не могут быть здесь главными и основными факторами.

Объективный социальный закон и закон юридический представляют в рассматриваемом плане две самостоятельные системы. Разница же в системах, как верно подчеркивает А. Н. Аверьянов, состоит в том, что они разнятся «...в качестве и скорости обмена с окружающей средой, в форме внутреннего движения систем, в уровне и типе их организации и их структуре, во времени их существования»¹¹⁴.

Объективный социальный закон есть необходимая связь¹¹⁵. Необходимость – основа закона, одна из форм проявления

¹¹⁴ Аверьянов А. Н. Системное познание мира. М.: Политиздат, 1985. С. 109.

¹¹⁵ См.: Туленов Ж. Закон как философская категория. Алма-Ата, 1959. С. 45–46; Тугаринов В. П. Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1954. С. 49–50; Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. М., 1967. С. 32; Сирин А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979. С. 12, 33; Гончарук С. И. Общественные законы и закономерность. М., 1977. С. 13; Рачков А. П. Главная задача научного исследования // Проблемы закона в общественных науках. М., 1989. С. 5 и др.

всеобщей необходимости (детерминированности). Необходимость, неизбежность – неотъемлемая черта закона. Само понятие закона, как нечто обязательное, «принудительное» для исполнения, связано именно с наличием этой черты¹¹⁶. Необходимость обнаруживается в строго определенном порядке течения процессов, без которого невозможно осуществление объективного социального закона. Как неотъемлемая черта закона необходимость указывает на обусловленность наступления тех результатов, которые вытекают из законов. В предисловии к первому изданию «Капитала» К. Маркс писал: «Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью»¹¹⁷.

Необходимость – процесс неизбежный и обязательный. Если имеются соответствующие условия, то неизбежно следуют и определенные результаты. В этом состоит принудительная сила закона. Но закон не нечто статическое. Закон не задается заранее и не существует как готовая сложившаяся связь. Закон есть формирующееся в процессе своего осуществления необходимое отношение. Закономерная связь возникает не мгновенно, а является результатом порой довольно длительного процесса¹¹⁸.

Вместе с тем под необходимостью понимается строго определенный порядок разворачивания взаимосвязанных явлений или звеньев одного и того же явления, благодаря которому процесс при данных условиях протекает именно так, а не иначе.

Законы общественного развития не являются по отношению к обществу требованием какой-то внешней силы, воли большинства или воли «влиятельного» меньшинства. Они продукт исключительно внутренней самоорганизации общества, формируются объективно на основе материального производства из сознательных действий масс людей,

¹¹⁶ Тугаринов В. П. Указ. соч. С. 50.

¹¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 6.

¹¹⁸ Сиринов А. Д. Указ. соч. С. 33.

преследующих свои цели. Выполняя требования законов, общество постоянно воспроизводит само себя¹¹⁹. Г. В. Мальцев совершенно правильно отмечает, что проблема отношения юридической нормы к социальному закону саморазвивающегося – саморегулирующегося, самоорганизующегося процесса, которая до сих пор мало беспокоила юридическую науку, становится теперь для нее одной из главных и жизненно важных¹²⁰.

Свойство необходимости социального закона лежит в основе фундаментальных качеств права и закона. Так, необходимость, как представляется, обуславливает такое свойство права, как его нормативность. Прав Е. В. Бурлай, указывая на то, что та или иная форма человеческого поведения объявляется должной постольку, поскольку она выражает в большей или меньшей степени общественную необходимость¹²¹. Не воля законодателя, а необходимая связь, выраженная в законе, обеспечивает его общезначимость и общеобязательность. «Точка зрения законодателя, – подчеркивает К. Маркс, – есть точка зрения необходимости»¹²². Воля же законодателя состоит здесь в том, «...чтобы открыть и сформулировать действительный закон»¹²³. Законодатель призван выражать вовне, в писаной форме нормативность права (необходимость социального закона), придать ей внешнюю формально определенную («законную») форму бытия. Правда, законодатель не только формулирует необходимые связи, но и устанавливает пределы и формы, в которых он политически допускает реализацию таких связей.

В свете изложенного представляется вполне правомочным вывод о том, что юридическая сила закона определяется в конечном счете не государством, а силами, способными

¹¹⁹ Гончарук С. И. Указ. соч. С. 45.

¹²⁰ Вopr. философии. 1990. № 6. С. 18.

¹²¹ Бурлай Е. В. Нормы права и правоотношения в социалистическом обществе. Киев: Наукова думка, 1987. С. 18.

¹²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 164.

¹²³ Там же. С. 359.

удерживать при определенных условиях необходимое отношение, регулируемое законом. Сила юридического закона обеспечивается не столько мощью государственного принуждения, сколько энергией и средствами, механизмами и формами человеческой деятельности, посредством и через которую складываются необходимые связи, отражаемые в нем¹²⁴. При дестабилизации человеческой деятельности, нарушении необходимых связей между людьми юридический закон теряет свое значение и силу, превращается в «клочок бумаги».

В качестве примера приведем Закон Верховного Совета бывшего СССР от 24 октября 1990 г. «Об обеспечении действия законов и иных актов законодательства Союза ССР»¹²⁵. Статья 1 данного закона фактически дублировала статью 74 Конституции СССР. Положение о том, что в случае, если закон республики расходится с законом СССР, то должен действовать закон Союза ССР, а равно положение об одинаковой силе закона СССР на территории всех союзных республик – составляли важнейший принцип построения системы законодательства. Его фактическая реализация обеспечивалась до тех пор, пока реальная государственно-правовая практика следовала закрепленному в Конституции СССР принципу. Когда же союзные республики, провозгласив верховенство республиканских законов, фактически «узаконили» практику несоблюдения принципа верховенства союзного закона и даже стимулировали такой порядок государственно-правового строительства, который шел в разрез с принципом верховенства союзного закона, то союзные законы, не потеряв внешних атрибутов верховенства и высшей юридической силы, фактически потеряли былой авторитет и прежнюю силу.

Сила юридического закона есть не что иное, как тенденция к определенной деятельности, а точнее – к ее направ-

¹²⁴ Jenkins F. Social order and the Limits of law: a theoretical essay. Princeton: Princeton univ. press, 1980. XIV. P. 390.

¹²⁵ Известия народных депутатов СССР. 1990. 27 окт.

ленности и, следовательно, по существу совпадает с физическими, моральными, интеллектуальными и волевыми усилиями участников общественных отношений, обеспечивается прежде всего их общими усилиями. Душевные и физические силы, определяющие деятельность масс людей и юридическая сила закона вовсе не так далеки друг от друга, как это представляется при самом общем взгляде на проблему юридической силы закона. В этом плане юридическая сила закона напрямую зависит от умения законодателя верно уловить, познать и правильно отразить во властных предписаниях логику общественных отношений, их необходимую связь¹²⁶.

Государственное принуждение составляет внешнее проявление юридической силы закона, в то время как существо ее кроется за пределами закона как такового. Необходимость государственного принуждения лишь указывает на то, что закономерности бытия юридического закона как акта документа и объективные социальные законы регулируемых им общественных отношений лежат в разных плоскостях. Внешнего государственного принуждения для обеспечения юридической силы закона требуется тем больше, чем меньше отражена в нем необходимая связь регулируемых процессов.

В этом плане авторитет и верховенство закона, как это ни кажется парадоксальным, тем выше, чем реже для своей реализации сам юридический закон нуждается во внешней силе со стороны государства. Его авторитет и верховенство повышаются, когда реализация закона обеспечивается физической, духовной и умственной силой всех членов общества. «И если познано, – подчеркивает Маркс, – что закон вещи противоречит ее определению в законодательстве, почему не признать тогда закон самой вещи, закон разума также и государственным законом»¹²⁷. Приведение государственного закона в соответствие с законом вещи способ-

¹²⁶ Дудин А. П. Диалектика правоотношения. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. С. 76–77.

¹²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 283.

ствуется повышению авторитета и верховенства закона, значительно повышает его юридическую силу.

Действие того или иного социального закона есть одновременно и воспроизведение определенной сущностной связи в жизнедеятельности общества. Содержание механизма действия социального закона складывается из совокупности определенных, объективно обусловленных форм деятельности людей, отношений между ними, информационных связей, а также тенденций в развитии общественных процессов. Механизм действия закона есть не что иное, как воспроизводство и повторение одних и тех же этапов и стадий деятельности¹²⁸. Причем необходимость закона и проявляется в строгой последовательности наступления этапов действия закона. Если пропущен хотя бы один из этапов действия, то не может наступить и следующий. Результат наступает лишь в том случае, если последовательно осуществлены все предшествующие этапы действия закона¹²⁹.

У действия юридического закона очень много схожих черт с действием закона социального. Так, одно из важнейших требований законности состоит в строгом соблюдении всех предусмотренных законом стадий. И это отнюдь не формальное требование. Дело в том, что жизненную и реальную силу воздействия на социально-экономические процессы юридические законы получают, как это было убедительно доказано К. Марксом, тогда, когда устанавливаемый ими порядок социальных процессов находится в согласии с господствующим способом общественного производства¹³⁰.

Вместе с тем строгая последовательность определенных стадий, этапов действия для большинства юристов чаще всего очевидна лишь на уровне действия отдельного юридического закона. Юридическая наука практически не ставила и не ре-

¹²⁸ Зеркин Д. П. Объективные законы общественного развития и политика. М.: Мысль, 1982. С. 38–39.

¹²⁹ Приписнов В. И. Механизм действия социальных законов и субъективный фактор. Душанбе: Ирфон, 1972. С. 48.

¹³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. С. 35.

шала эту проблему в отношении системы законодательства в целом, особенно применительно к широкомасштабным реформам законодательства. Положение о том, что законодательство должно обеспечить проводимые в стране экономические и политические преобразования, воспринималось и реализовывалось буквально таким образом, что любое социально-экономическое мероприятие должно было облекаться в форму закона. Игнорировался тот факт, что у законодательства есть свои закономерности, своя логика развития и бытия, часто не совпадающие с закономерностями и логикой проводимых реформ в других сферах жизни общества.

Стратегия развития законодательства, конечно, должна опираться на стратегию социально-экономических преобразований, но не может быть полностью сведена к ней. Нельзя не учитывать то обстоятельство, что законодательство, опираясь на закономерности социальной жизни, развивается в то же время и по своим собственным законам. Пренебрежение этим недопустимо, ибо разрушает систему законодательства. Примером рассогласования объективных социальных законов и закономерностей, присущих юридической форме, является очередность принятия в 1987 г. законодательства о борьбе с нетрудовыми доходами и законодательства об индивидуальной трудовой деятельности. С позиций собственно законодательных закономерностей при сложившемся разрешительном способе правового регулирования определению нетрудовых доходов (а тем более – борьбе с ними!) должно было предшествовать позитивное признание в качестве законных трудовых источников бытия граждан, а не наоборот, как это произошло на практике. Вследствие таких рассогласований законодатель очень часто вынужден возвращаться по несколько раз к одним и тем же вопросам, устрняя им самим же созданные проблемы.

Отсюда вытекает по крайней мере то, что при определении перспектив развития законодательства не следует стремиться к копированию в нем объективных социальных законов, что, впрочем, и невозможно в полной мере, а надо

попытаться совместить в одну плоскость эти качественно различные системы закономерностей и на этой основе разрабатывать стратегию развития законодательства и перспективные планы законоподготовительных работ.

Исходная категория закона, выражающая в механизме действия социального закона основополагающую сторону, которая сохраняется и воспроизводится в последующем движении, – это требование закона. Проявляющиеся в социальных интересах требования законов являются концентрированным выражением социальной необходимости. Требования социальных законов могут состоять в воспроизводстве старых или создании новых общественных форм, отношений, условий, обязательных для существования, проявления сути социальных законов¹³¹.

Законодатель приходит к пониманию требований социальных законов, отталкиваясь от конечных результатов их действия, т. е. проделывает путь, обратный движению социального закона. Иного способа постижения требования социального закона просто не существует. Если результаты действия социального закона соответствуют интересам законодателя, то они становятся для него целью, которая и выражается в юридическом законе.

Конечный результат действия социального закона превращается в идеал, модель, выступает как необходимость, обязывая общество и законодателя к определенным действиям, вынуждая их совершать именно такие, а не иные действия.

Мечта юристов о том, чтобы юридический закон действовал с такой же железной необходимостью, как и закон социальный, может быть теоретически реализована тогда, когда в нем с наибольшей полнотой будут учтены результаты действия объективных социальных законов, т. е. адекватно результатом действия социальных законов будут сформулированы цели законов юридических. Требование учета

¹³¹ Яцкевич А. Ф. Диалектика объективного и субъективного в проявлении законов общества. Минск: Изд-во БГУ, 1982. С. 51, 52, 76.

в юридическом законе объективных реальностей, требование трезвой оценки состояния общественных отношений есть прежде всего требование учета предыдущего опыта, результатов предшествующей деятельности людей, уже осуществившихся требований социальных законов, их реализованной необходимости. Таким образом, необходимость в юридическом законе есть не что иное, как должное, веление законодателя, основанное на полном учете сущего, осуществившейся необходимости социального закона. Следовательно, необходимость юридического закона, в отличие от необходимости социального закона, всегда есть осознанное (правильно или нет) и выраженное в законе требование (веление) поступать так, а не иначе. Она имеет в социальном пространстве направление, обратное движению социальной необходимости.

Но деятельность людей, подвергаясь постоянным изменениям, никогда не копирует полностью предшествующий опыт, не воспроизводит тождественных себе форм, а социальная необходимость всякий раз приобретает новые формы и не может быть в полной мере учтена и выражена в должном велении юридического закона. Так что с этих позиций, если сближение юридического закона с законом социальным возможно и желательно, то вряд ли осуществимо в полной мере. И подтверждение тому – необходимость государственной силы для реализации должного в юридическом законе. Устанавливая юридическую ответственность за несоблюдение должного в законе, законодатель как бы подтверждает свою неспособность в полной мере выразить в законе требования социального закона, как бы расписывается в своей слабости. Перефразируя И. Канта, можно сказать, что, требуя от общества соблюдения должных велений в созданном им законе, законодатель проявляет сильный произвол, т. е. высказывает способность осуществить желаемое, которое далеко не всегда может быть реализовано на практике.

Цель юридического закона определяет его содержание. Она движет действиями законодателя. Чтобы достичь цели,

законодатель вынужден считаться с естественным ходом объективного социального закона. «Общество, – подчеркивает К. Маркс, – если даже оно напало на след естественного закона своего развития ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»¹³².

Стадии социального закона, его этапы, содержание деятельности, посредством которой реализуется тот или иной социальный закон, интересуют законодателя не сами по себе, а лишь постольку, поскольку их верное понимание и соответствующий учет в законе юридическом позволяют обеспечить достижение поставленных целей. Вмешательство законодателя в процесс действия социальных законов, в регулирование различных сторон человеческой деятельности тем жестче, чем меньше вероятность наступления ожидаемых законодателем результатов действия социальных законов. Красноречивое тому доказательство – лихорадочные попытки бывшего Верховного Совета СССР и бывших Верховных Советов союзных и автономных республик в условиях распада народнохозяйственных связей и крушения рынка товаров народного потребления ужесточить меры ответственности за ранее считавшиеся незначительными правонарушения. На это был направлен, в частности, Закон Верховного Совета СССР от 16 октября 1990 г. «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребление в торговле»¹³³.

Типичной ошибкой многих законодателей является сосредоточение усилий на промежуточных этапах действия социальных законов, расчет на то, что жесткое регулирование деятельности людей, разрешение и запрет, хотя и важных, но все же не начальных, основных форм деятельности, позволит добиться надлежащего действия объективных социальных законов, игнорирование того факта, что «экономи-

¹³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 10.

¹³³ Известия народных депутатов СССР. 1990. 4 нояб.

ческие отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы»¹³⁴.

Цель законодателя – способствовать реализации социальных законов – прежде всего может быть достигнута путем учета, легализации и защиты интересов жизнедеятельности людей. Но в том-то и состоит вся сложность проблемы, а соответственно и трагизм положения законодателя, что о подлинных, а не мнимых (вербальных) интересах можно судить лишь по конечным результатам действия социальных законов. Просто управлять интересом или воздействовать на него в «чистом» виде, вне и помимо определенных форм деятельности людей, нельзя. Воздействуя же на форму жизнедеятельности людей путем запрета либо разрешения ее, далеко не всегда можно оказывать влияние на интересы, движущие людьми. Дело в том, что объективность социальных законов вовсе не предполагает однообразных, раз и навсегда установленных форм их проявления. Объективность связана с самыми разнообразными формами их реального выражения, с развитием этих форм, а также с тем, что непосредственного, прямого выражения сути законов, их требований, интересов людей обычно не существует¹³⁵. Именно это имел в виду К. Маркс, когда, критикуя Д. Рикардо, писал, что тот «форму проявления понимает как непосредственное, прямое подтверждение или выражение всеобщих законов; он никак не раскрывает развития этой формы»¹³⁶. Отсюда понятно, что возможности юридического закона в плане регулирования объективных социальных законов крайне ограничены.

Положительный закон, будучи отражением социального закона, никогда не может появиться ранее социального закона, потому что нельзя открыть (и, соответственно, регулировать) не существующих закономерностей. В этом плане

¹³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 271.

¹³⁵ Рачков А. П. Главная задача научного исследования // Проблемы закона в общественных науках. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 7.

¹³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Ч. 2, т. 26. С. 111.

требует существенного уточнения довольно распространенное в юридической науке положение о том, что, издавая юридические законы, мы воздействуем на общественные отношения. Очевидно, что далеко не всякий и каждый юридический закон выполняет эту роль, а лишь тот, который способствует развертыванию уже зародившихся социальных законов жизнедеятельности людей. И чем лучше это удается законодателю, тем выше престиж и верховенство закона. Таким образом, в этом смысле верховенство закона напрямую определяется тем, насколько полно в нем отражаются и защищаются требования социальных законов. Отсюда следует, что требования объективных социальных законов должны, по возможности, стать и требованиями законов юридических.

1.2.2. Социальный закон-тенденция и юридический закон

Вероятностный характер причинно-следственных взаимосвязей в обществе лежит в основе деления социальных законов на законы динамические и законы статистические. «Динамическая закономерность, – пишет С. Т. Мелюхин, – представляет такую форму причинной связи, при которой всякое начальное состояние системы однозначно определяет каждое ее последующее состояние. В отличие от этого статистическая закономерность выражает такую форму причинной связи, при которой каждое начальное состояние системы определяет ее последующие состояния не однозначно, а лишь с некоторой вероятностью, представляющей объективную меру возможности осуществления данного состояния»¹³⁷.

Статистические социальные законы в отличие от динамических проявляются не в каждом отдельном социальном явлении, а во всей совокупности социальных явлений,

¹³⁷ Мелюхин С. Т. О соотношении возможности и действительности в неорганической природе // Проблемы возможности и действительности. М.: Наука, 1964. С. 48.

действий, подчиняющихся данным законам. Поэтому статистические законы являются законами-тенденциями. К. Маркс подчеркивал, что социальные законы «...вообще не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем...»¹³⁸ Давая характеристику закону-тенденции в другом месте, он пишет, что закон-тенденция есть не что иное, как «...закон, абсолютное осуществление которого задерживается, ослабляется противодействующими обстоятельствами»¹³⁹. В. И. Ленин отмечает, что социальная закономерность «...не может проявляться иначе как в средней, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных отклонений в ту или другую сторону»¹⁴⁰.

Изучению особенностей законов-тенденций уделено большое внимание в философской литературе¹⁴¹. Не вдаваясь в существо имеющихся между учеными-философами разногласий по вопросу о том, все или не все общественные законы имеют характер законов-тенденций, считаем, что наиболее взвешенной и обоснованной в данном споре является позиция А. К. Уледова, который полагает, что статистические и динамические законы выражают количественную

¹³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Ч. 2, т. 25. С. 355.

¹³⁹ Там же. Ч. 1, т. 25. С. 257.

¹⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 68.

¹⁴¹ См., напр.: Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. М., 1967. С. 32–33; Мишин И. Д. Социальная закономерность. Горький, 1970. С. 24–25; Ермолаев И. Д. Законы развития социалистического общества и механизм их использования. М., 1974. С. 28–29; Уледов А. К. Социологические законы. М., 1975. С. 156–166; Караваев Г. Г., Белова Л. В. О специфике социального закона // Проблемы закона и закономерностей в общественном знании. Л., 1975. С. 6–11; Гончарук С. И. Общественные законы и закономерности. М., 1977. С. 55–59; Сиринов А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979. С. 130–144. Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979. С. 55, 158–63; Яновский Р. Г. Общественные законы: актуальные аспекты их изучения на современном этапе // Филос. науки. 1987. № 5. С. 16–17; Рачков П. А. Главная задача научного исследования // Проблемы закона в общественных науках. М., 1989. С. 10.

и качественную определенность одних и тех же взаимосвязей, поэтому нужно не противопоставлять их, а рассматривать как моменты, стороны выражения определенного закона. При этом содержание закона (его качественная определенность) и форма проявления раскрываются в понятиях абсолютного (динамического) закона и закона-тенденции.

Закон обуславливает основное направление социального развития и потому проявляется как «железная» необходимость, но в то же время он действует и проявляется как результат массовых поступков, как продукт взаимодействия множества факторов с уклонением отдельных социальных явлений и процессов от его требований в ту или другую сторону и в этом смысле характеризуется как закон-тенденция¹⁴². Тенденция – это определенная направленность процесса, которая осуществляется не однозначно, а в качестве конечного итога, процесса, как результат модификации различными обстоятельствами¹⁴³.

Положение о социальном законе-тенденции, учение о динамической и статистической сторонах закона в оценке возможностей юридического закона высвечивает несколько аспектов. Прежде всего юридический закон как акт-документ имеет свои закономерности построения, которые по своему характеру практически ничем не отличаются от динамических социальных законов. Закон строения нормы права (Г – Д – С), закон построения системы законодательства в целом по строго иерархическому признаку основаны на однозначности причинно-следственных связей.

В этом плане требование о максимальном сближении юридического закона с законом социальным фактически выступает как требование к законодателю о создании закона, соответствующего собственным закономерностям бытия писаной формы права, которые характеризуются однозначностью причинно-следственных связей. Несоблюдение этих законов или их сознательное игнорирование, что особенно

¹⁴² Уледов А. К. Указ. соч. С. 165.

¹⁴³ Там же. С. 16.

заметно в последнее время, не просто запутывает систему законодательства, а разрушает ее, подобно вирусу, изнутри. В свете набирающих в обществе силу тенденций несоблюдения нижестоящими органами при издании нормативно-правовых актов принципа иерархического построения системы законодательства становится очевидным тот факт, что реализация данного принципа является задачей не только законодателя, но и исполнительной власти.

Конечно, исполнительная власть не может и не должна вмешиваться в прерогативы власти законодательной и не может обязать ее соблюдать в правотворческой деятельности данный принцип. Это все же дело самой законодательной власти. Но исполнительная власть, следуя в своей деятельности предписаниям актов высших органов законодательной власти и актам, строго соответствующим принципам иерархии актов, может косвенно оказывать воздействие на законодательную власть, побуждая ее придерживаться закономерностей построения системы законодательства.

В плане соотношения юридического закона с содержанием статистических социальных законов (законами-тенденциями) можно отметить следующее. Во-первых, отражая тенденцию в социальных процессах, юридический закон не может полностью охватить ее. И в этом заложена потенциальная предпосылка того, что юридический закон никогда не сможет быть полностью адекватным регулируемым им общественным отношениям. Во-вторых, статистическая (вероятностная) природа отражаемых социальных законов означает, что постоянная корректировка юридического закона есть необходимый и нормальный способ его бытия, а не только следствие каких-либо приходящих, по преимуществу субъективных обстоятельств. Последние, конечно же, имеют место в практике законотворчества. Ошибки законодателя не исключены и очень часто вынуждают его подправлять законы. Но в философско-методологическом отношении изменения принятых законов в конечном счете обусловлены природой регулируемых им общественных отношений, особенностями

действия социальных законов. В-третьих, стабильность юридического закона есть лишь преходящая форма его существования, в то время как изменимость является основным способом жизнедеятельности. Поэтому если исходить из содержательного понимания верховенства закона, то его повышению способствовало бы отнюдь не абстрактное требование стабильности закона, а положение о постоянной корректировке.

Учение о статистическом (вероятностном) характере социального закона позволяет по-новому, под иным углом зрения взглянуть не только на юридический закон, но и на другие источники права. Так, представляется нецелесообразным противопоставление обычного права праву писаному, обычного правотворчества – законотворчеству. Дело в том, что обычай как источник права может быть выражен в различных внешних формах. Обычай, существующий лишь в сознании и поведении людей, но не нашедший своей фиксации в письменной форме, ничем по существу не отличается от обычая, сформулированного и выраженного (законы XII таблиц, Русская Правда и т. п.). Как в том, так и в другом случае в качестве источника права выступает правило поведения, сложившееся первоначально естественноисторическим путем, а затем санкционированное государством. При этом для общеобязательности обычая не имеет по существу никакого значения тот факт, в какой именно форме санкционирован обычай: письменной или устной. Таким образом, деление источников права на писаные и неписаные не отражает существа вопроса о видах источников права.

Обычное правотворчество опирается на уже сложившуюся, сформировавшуюся закономерность, на устоявшиеся формы жизнедеятельности. Законотворчество же, напротив, имеет дело с такими законами-тенденциями, которые еще не имеют вполне устоявшихся форм проявления. Законодатель, следовательно, озабочен не только тем, верно или не верно он отражает направленность социальных процессов, но не в меньшей мере и тем, какие формы поведения

людей соответствуют закону-тенденции, а какие отклоняются от него. С одной стороны, данное обстоятельство открывает широкие возможности для творчества законодателя, его усмотрения, но, с другой стороны, налагает на него повышенную ответственность.

Каждый из видов правотворчества имеет свои достоинства и недостатки. Обычай превосходит закон в плане точности отражения сложившихся социальных закономерностей и устоявшихся форм жизнедеятельности общества, но он не в состоянии моментально отреагировать на изменения в содержании и направленности социального закона, ибо имеет дело прежде всего с формой социального закона, а не с его содержанием. Закон же способен глубже отразить содержание социального закона, учесть общее направление социальных изменений, но уступает обычаю в точности отражения и в способности найти оптимальную форму бытия социальных законов.

Понятие социального закона-тенденции позволяет, как представляется, утвердительно ответить и на вопрос о допустимости прецедента в качестве источника права в нашей правовой системе. При этом мы исходим из того, что социальные действия людей имеют общие основные признаки и выражают определенную степень их отношения к социальным целям общества, выступают, таким образом, в своей совокупности как неотъемлемая форма проявления социального закона. Каждая индивидуальная величина входит в среднюю равнодействующую, так как включена в нее и как таковая оказывает на нее определенное влияние. В то же время она «отклоняется» от средней равнодействующей, а та, в свою очередь, не в полной мере отражает индивидуальную социальную величину.

Природа юридического закона такова, что, ориентируясь на тенденцию, он вольно или невольно огрубляет ее и не способен учесть ее действие во всем многообразии. Законодатель искусственно отсекает от закона-тенденции многие социальные действия, ибо не в состоянии учесть всю их сово-

купность, как наличную, в момент принятия закона, так и те, которые вполне согласуются с выражаемой им тенденцией, но появляются позже. Однако как нет социального закона вне конкретных форм его проявления, так нет тенденции вне конкретных социальных действий, точно также не должно быть только одной формы права, ориентирующейся лишь на тенденцию социального развития и не способной учесть индивидуальную величину социального действия. С философско-методологических позиций необходимость в существовании прецедента, как формы нашего права, способной чутко реагировать на изменения в социальном законе-тенденции и вовремя выразить все богатство и многообразие форм ее проявления, не вызывает сомнений. При этом прецедент позволяет безболезненно для общества адаптировать юридический закон к правовой системе.

Существование прецедента как источника права отнюдь не подрывает авторитет закона, а наоборот, как бы это ни казалось на первый взгляд парадоксальным, способствует повышению его верховенства. Органично дополняя закон, прецедент позволяет правовой системе в целом наиболее полно отразить противоречивые и далеко не однозначные процессы в общественной жизни и чутко реагировать на них. Закон же может использоваться для отражения более глубоких тенденций социального развития, решения кардинальных, стратегических вопросов жизни общества. Степень полноты реализации тенденций зависит от учета всего многообразия конкретных социальных действий, что можно было бы сделать с помощью прецедента.

Сказанное о соотношении социального закона-тенденции и динамического социального закона с законом юридическим позволяет сделать вывод о том, что с точки зрения своего строения, как акта-документа, и собственно законодательных закономерностей юридический закон скорее всего относится к законам динамического характера. В то время как содержание юридического закона должно быть построено по принципам законов статистического порядка, так как

таковой является природа отражаемых им социальных связей. В этом видится одно из главных внутренних противоречий бытия юридического закона. С помощью логических суждений, построенных на однозначности причинно-следственных зависимостей, законодатель призван выразить статистическую (вероятностную) природу социальных взаимосвязей. Эта проблема требует самостоятельного изучения и будет рассмотрена в третьей главе.

Взаимодействие объективных социальных законов порождает закономерность общественного развития. В философской литературе обсуждался вопрос о соотношении понятий «закон» и «закономерность», высказывались далеко не одинаковые суждения по данному вопросу. Представляется, что ближе к истине находится мнение тех ученых, которые не проводят существенных, принципиальных различий между этими понятиями¹⁴⁴.

Вместе с тем между понятиями «закон» и «закономерность» отдельные различия имеются. Закон выражает конкретную связь между явлениями и процессами. Закономерность же указывает на общий характер процесса, который представляет собой не хаотичное скопление случайностей, а подчинен определенной последовательности. Очень точно взаимосвязь и различие закона и закономерности подметила К. Г. Хаина: «Если закон характеризует устойчивость в природе и обществе, то закономерность, представляя собой мерность законов, ритм их, поступь, есть не что иное, как движение законов, их взаимопереходы, характеризует изменчивость действительности»¹⁴⁵.

Закономерность общественного развития складывается на основе действия и взаимодействия законов, выражает требования нескольких законов или целой их совокупности.

¹⁴⁴ Туленов Ж. Указ. соч. С. 88; Глезерман Г. Е. Указ. соч. С. 19–20 и др.

¹⁴⁵ Хаина К. Г. Онтологический и гносеологический аспект проблемы общественного закона и общественной закономерности // Личность и общество. М., 1969. С. 41.

Закономерность, таким образом, включает в себя закон как часть, как сторону, грань¹⁴⁶. Законы выражают наиболее глубинные и устойчивые связи и отношения, они меньше поддаются изменениям в процессе движения общества, закономерность же, выступая в известной мере синтезирующим фактором и формой проявления требований объективных социальных законов, имеет более подвижный характер¹⁴⁷. Следует иметь в виду и то немаловажное обстоятельство, что законы взаимосвязаны между собой таким образом, что связь носит противоречивый характер. В закономерность включаются и такие законы, которые составляют как бы противоположные стороны закономерности, т. е. их действие может быть прямо противоположным или, по крайней мере, не совпадать¹⁴⁸.

Для юридической науки, в которой практически не проводится различия между понятиями объективного социального закона и общественной закономерности, изложенные выше положения имеют важное значение. Прежде всего оно состоит в том, что общественная закономерность, выражая определенную направленность общественного развития, будучи результатом взаимодействия социальных законов, не может быть полностью выражена в каком-то одном, пусть даже и имеющем самый общий характер, законе, например Конституции государства. Лишь система законодательства в целом может претендовать в какой-то мере на эту роль. В то же время конкретный объективный социальный закон в принципе может быть отражен в одном или нескольких юридических законах.

Положение о том, что общественная закономерность более изменчива, чем объективный социальный закон, ставит проблему стабильности юридического закона и системы законодательства в целом в несколько необычную, ранее

¹⁴⁶ Сирин А. Д. Закон как философская категория // *Вопр. марксистской философии и эстетики*. Иркутск, 1971. С. 57.

¹⁴⁷ Ермолаев И. Д. Указ. соч. С. 14.

¹⁴⁸ Сирин А. Д. Указ. соч. С. 57.

в юридической науке не обсуждавшуюся плоскость. Традиционно считалось, что законы, другие нормативно-правовые акты могут и должны подвергаться постоянным изменениям, но система законодательства должна сохранять в целом стабильность и быть устойчивой. В свете сказанного о стабильности и устойчивости объективного социального закона и общественной закономерности возникает вопрос: как обеспечить больший динамизм и подвижность системы законодательства при стабильных юридических законах?

Можно предложить следующий вариант решения указанной проблемы.

Динамизм системы законодательства при устойчивом положении юридических законов может быть обеспечен за счет подвижности нормативных правовых актов исполнительной власти. Если мы действительно озабочены тем, чтобы система законодательства наиболее полно отражала общественную закономерность, а также тем, чтобы была обеспечена относительная стабильность закона, мы должны теоретически исходить из того, что это можно сделать, если считать нормативные правовые акты исполнительной власти неотъемлемой частью системы законодательства, а за исполнительной властью признать безусловное право на их издание.

Существование в системе законодательства нормативных правовых актов исполнительной власти, а также право исполнительной власти на нормотворчество не подрывают верховенства закона, а, наоборот, способствуют его укреплению. Органически дополняя юридические законы и способствуя наиболее полному выражению и закреплению в них общественной закономерности, нормативные правовые акты исполнительной власти тем самым обеспечивают механизм взаимодействия объективных социальных законов, их ритм и, соответственно, усиливают регулятивный потенциал закона.

В этом плане именно акты исполнительной власти, а не законы связывают в единое логическое целое систему законодательства, делают ее гибкой и способной наиболее

полно отразить регулируемые общественные отношения, обеспечить общую направленность социальных процессов. Поэтому-то и стратегия развития законодательства, построенная с учетом общей направленности общественного развития, должна включать в себя не только перспективы развития комплекса юридических законов, но и систему связующих и обеспечивающих реализацию этих законов нормативных правовых актов исполнительной власти. Без актов исполнительной власти невозможно в полной мере обеспечить реализацию общественных закономерностей.

ПРАВОВОЙ УРОВЕНЬ ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА

В первой главе при исследовании реальных возможностей закона в регулировании общественных отношений производилось сопоставление юридического закона со всей их совокупностью, без подразделения на виды по содержанию и иным основаниям. На таком максимально широком фоне ясно вырисовываются достоинства закона в сравнении с иными источниками права (прецедентом, договором нормативного содержания, правовым обычаем) в воздействии на социальные процессы, т. е. определяются, так сказать, «первичные» качества, составляющие содержание понятия верховенства закона.

Не требует, однако, доказательств положение, согласно которому далеко не все общественные отношения могут быть подвергнуты законодательному регулированию. Есть такие сферы социальной жизни, такие группы и виды общественных отношений, куда «вход» законодателю заказан. Речь идет о том, чтобы определить ту запретную черту, ту «границу», переступить которую законодатель не имеет права ни при каких обстоятельствах, ибо это означало бы если не гибель, то основательное разрушение правовых и нравственных начал общества.

В юридической литературе выдвинуто положение о том, что закон может регулировать лишь правовые по своей природе общественные отношения. Вследствие этого качество верховенства присуще лишь тому закону, который соответствует правовой природе общественных отноше-

ний¹. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы из всего объема общественных отношений выделить те, которые имеют правовую природу и вообще могут быть подвергнуты регулированию со стороны закона. Надо очертить то «социальное пространство», которое может быть предметом воздействия со стороны законодателя в широком смысле. Что касается возможностей законодателя в узком смысле в регулировании данного «социального пространства», то этот вопрос рассматривается во втором разделе данной главы.

Вся совокупность правовых по своей природе общественных отношений именуется в работе сферой действия права. Терминами же «законодательное регулирование» и «сфера (пределы, граница) законодательного регулирования» обозначаются те общественные отношения, которые подвергнуты нормативному воздействию со стороны государства, т. е. законодателя в широком смысле понятия. «Поле исследования», таким образом, суживается до связки: право – закон.

2.1. О верховенстве закона в связке: право – закон

При господстве узконормативной концепции права, сводившей право к закону, когда государство рассматривалось как основное орудие (средство) строительства социализма и коммунизма и ему, по мысли Ф. Энгельса, надлежало вести всей общественной жизнью во всех ее отдельных проявлениях, во всех направлениях, юридическая наука не могла не только обсуждать, но даже ставить вопрос о каких-то границах или пределах законодательного регулирования.

Справедливости ради надо сказать, что некоторые авторы (С. С. Алексеев, В. И. Акимов, В. В. Лазарев, В. Н. Подкуйченко,

¹ Habermas J. Law as medium and law as institution // Dilemmas of law in the welfare state / ed. by G. Teubner. Berlin; New York: De Gruyter, 1986. P. 203–205; Нерсисянц В. С. Право и закон: их различие и соотношение // Вопр. философии. 1988. № 5; Деев Н. Н., Четвернин В. А. Советское государство и перестройка (проблемы теории). М.: Наука, 1990. С. 147, 152, 160 и др.

П. М. Рабинович и др.)², стоящие на позициях узконормативного понимания права, отчасти касались проблемы пределов (границ) регулирования закона, правда, формулировали ее в свойственных для тех времен понятиях и терминах.

С. С. Алексеев изучал вопрос об объективных пределах воздействия права на общественные отношения (попутно заметим, что в понимании С. С. Алексеева, как, впрочем, и его последователей, право по сути дела сводится к нормам, установленным законодателем, т. е. закону). При этом он исходил из того, что пределы (границы) воздействия права на общественные отношения определяются природой и характером общественных отношений. В то же время С. С. Алексеев полагал, что внутренние границы правового воздействия определяются требованиями экономического базиса, материальным и культурным уровнем общества, характером назревших потребностей общественного развития³. Таким образом, две группы обстоятельств, в его понимании, взаимодействуя между собой, предопределяют пределы допустимого вмешательства государства (права) в общественные отношения – природа и характер общественных отношений и назревшие потребности общественного развития.

Концепция С. С. Алексеева с различной степенью уточнениями и дополнениями была развита также в работах В. Н. Подкуйченко и В. И. Акимова. При этом если в понимании В. И. Акимова центр тяжести в определении пределов

² Алексеев С. С. Механизм правового регулирования. М.: Юрид. лит., 1966; Акимов В. И. Понятие пробела в праве // Правоведение. 1969. № 3; Подкуйченко В. Н. О пределах правового регулирования социалистических общественных отношений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право. 1966. № 3; Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Сов. государство и право. 1970. № 11; Он же. Определение сферы правового регулирования // Правоведение. 1980. № 5; Рабинович П. М. Сфера и пределы правового регулирования: понятие, виды, факторы развития // XXVII съезд КПСС и развитие теории государства и права. Свердловск, 1987.

³ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 51–52.

воздействия все же переносится на природу общественных отношений⁴, то для В. Н. Подкуйченко было все же более характерно такое понимание пределов воздействия на общественные отношения, которое определялось целесообразностью воздействия на них с помощью закона⁵.

Основательной проработке вопрос о сфере правового регулирования был подвергнут в работах В. В. Лазарева, безусловной заслугой которого была разработка различения сферы правового регулирования и общественных отношений, закрепленных действующим законодательством. Под сферой правового регулирования В. В. Лазарев предложил понимать те общественные отношения, которые нуждаются в правовом регулировании⁶, при этом он всячески подчеркивал, оттенял ту мысль, что сфера правового регулирования, однако, не всегда совпадает со сферой фактически урегулированных нормативными правовыми актами общественных отношений. В концепции В. В. Лазарева, таким образом, потенциально содержалась позитивная часть программы ограничения законодательного регулирования. Она состояла в требовании приведения законотворческой деятельности в соответствие со сферой действия права.

Конец 70-х – начало 80-х годов в исследовании данной проблематики были ознаменованы значительным отходом от ранее завоеванных юридической наукой рубежей. Все реже исследователи пытались определить сферу действия права какими-то объективными, лежащими вне законодателя факторами, все чаще дело сводилось к целям и задачам государства. М. В. Цвик и Г. А. Борисов прямо подчеркивали, что пределы деятельности государства определяются сущностью строя, а также его целями, задачами и основными принципами, границами деятельности его отдельных

⁴ Акимов В. И. Указ. соч. С. 110–111.

⁵ Подкуйченко В. Н. Указ. соч. С. 73–76.

⁶ Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Сов. государство и право. 1970. № 11. С. 39–41; Он же. Определение сферы правового регулирования // Правоведение. 1980. № 5. С. 64.

органов⁷, М. Ф. Орзих отмечал, что установление содержания, объема сферы правового регулирования относится к компетенции правотворческих органов⁸.

Характеризуя в общем положение дел с изучением означенной проблематики, можно констатировать, что, изучая проблемы сферы и пределов правового регулирования, сторонники узконормативного понимания права довольно обстоятельно исследовали вопрос об определении юридической значимости общественных отношений. Справедливо отмечая при этом, что юридическая значимость общественных отношений определяется их природой, указывая на некоторые из признаков таких отношений, они тем не менее руководствовались ошибочным методологическим принципом, суть которого сводилась к тому, что рамки законодательного регулирования в конечном счете определяются целями и задачами государства и общества.

Юридическая природа общественных отношений определяется при таком подходе субъективным усмотрением законодателя, она привносится в отношения извне. Государство может в принципе урегулировать законом любое общественное отношение и тем самым сделать его юридически значимым, правовым. Понятно, что, находясь в орбите внимания исследователей, вопрос о пределах законодательного регулирования не мог быть сформулирован как научная проблема.

Конечно, в литературе неоднократно подчеркивалось, что государство не должно посягать на свободу совести, бытовую сферу, личную жизнь граждан, интимные отношения, другие отношения морального порядка; обосновывался принцип ограниченности государственного вмешательства в общественную и личную жизнь как со стороны госу-

⁷ Цвик М. В., Борисов Г. А. О юридических основах деятельности Советского государства // Проблемы социалистической законности на современном этапе коммунистического строительства. Харьков, 1978. С. 7.

⁸ Пределы и сферы правового регулирования в развитом социалистическом обществе // Сов. государство и право. 1980. № 6. С. 139.

дарства в целом, так и отдельных государственных органов⁹. Но практика законотворчества следовала общему методологическому принципу, опровергая робкие попытки теоретиков права поставить хоть какие-нибудь барьеры нормативно-правовому регулированию, вовлекала в сферу законодательного регулирования все новые и новые общественные отношения, что отнюдь не способствовало укреплению верховенства закона.

Законодательство вследствие этого наполнялось понятиями и категориями морального и идеологического содержания, которые при колебании политической конъюнктуры использовались в угоду очередной политической кампании. Примером тому могут служить употреблявшиеся в законодательстве понятия «правила социалистического общежития», «интересы строительства социализма», «высокое звание гражданина». Достаточно вспомнить в связи с этим, что формула «действия, порочащие высокое звание советского гражданина» была самой ходовой при лишении гражданства многих выдающихся деятелей науки, писателей, являющихся гордостью народа.

Пожалуй, первой в советской юридической литературе попыткой рассмотреть проблему границ (пределов) законодательного регулирования по существу была статья А. М. Витченко «Понятие границ деятельности социалистического государства»¹⁰. Отдавая должное автору этой работы, нельзя в то же время согласиться с некоторыми его выводами, тем более что они имеют принципиальный характер. Дело в том, что под границами деятельности государства А. М. Витченко понимает объективную зависимость государственной деятельности от условий материального производства и свойств общественных процессов, служащих своего рода барьером,

⁹ Курашвили Б. П. Принципы советского государственного управления // Сов. государство и право. 1980. № 11. С. 55.

¹⁰ Витченко А. М. Понятие границ деятельности социалистического государства // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1988. С. 3–11.

за пределами которого государство может добиться желаемого результата только при наличии соответствующих предпосылок. Отсюда временный, относительный характер границ и способность, по мнению А. М. Витченко, государства выходить за исторически обусловленные пределы «возможного»¹¹.

Думается, что при таком понимании границ (пределов) законодательного регулирования непреодолимых барьеров для закона вовсе и не оказывается. Нарастивая мощь, государство вправе претендовать на то, чтобы вмешиваться практически в любые вопросы общественного развития и разрешать проблемы с помощью закона в любых сферах общественной жизни. Более того, под предлогом необходимости разрешения стоящих перед обществом вопросов оно может беспрепятственно и бесконтрольно усиливать свое экономическое, политическое и военное могущество и превратиться во всепожирающий молох.

Работа А. М. Витченко не осталась вне поля зрения исследователей, но она по сути дела была единственной специальной работой по проблеме границ законодательного регулирования. Пока же приходится констатировать, что понимание значимости проблемы пределов регулирования закона в условиях создания фундамента правового государства далеко не однозначно. С одной стороны, все настойчивее подчеркивается актуальность вопроса¹², а с другой – высказываются и прямо противоположные суждения. Некоторые авторы продолжают считать, что, будучи монопольным субъектом правотворчества и правоприменения, государство получает тем самым безграничные возможности свободного усмотрения при принятии (отмене) решений, более того,

¹¹ Витченко А. М. Указ. соч. С. 10.

¹² Попков В. Д. Советское правовое государство: понятие и признаки // Вестн. МГУ. Сер. II. Право. 1989. № 2. С. 3–15; Уразаев Ш. З. Перестройка и правовая культура // Сов. государство и право. 1989. № 5. С. 12–18; Наумов А. В. Уголовный закон и права человека // Сов. государство и право. 1990. № 1. С. 52–60.

что такое положение дел вполне совместимо с идеей правового государства¹³.

Исходным тезисом при рассмотрении означенной в данном разделе проблематики служит положение, согласно которому сфера действия права существует как объективная реальность, независимо от того, осознаем мы ее или нет, знаем ли ее границы или не знаем. Наряду со сферой действия права есть и сфера законодательного регулирования, т. е. те правовые по своей природе общественные отношения, которые были подвергнуты регулированию законом. Законодатель в этом случае придает им официальную, законную силу, как бы «переводит» их под защиту государства, утверждает в общественном сознании тот факт, что отношения имеют «нормальный», «правильный» характер¹⁴.

Законодатель не обладает неограниченной властью и не может требовать в законе всего, чего бы он ни пожелал. Линия, разделяющая то, что законодатель может требовать, и то, чего он требовать не может, – это, по образному выражению Мак-Каубри, граница между господством права и тиранией¹⁵.

Если бы правовая природа общественных отношений лежала на поверхности или была во всех случаях, когда протекает законотворческий процесс, доказана научно, то сфера законодательного регулирования скорее всего совпала бы со сферой действия права. Но опыт законодательного регулирования общественных отношений однозначно свидетельствует о том, что чаще всего сфера действия права и сфера законодательного регулирования не совпадают. Доказательством их несовпадения (при любой из имеющихся в юридической литературе концепции правопонимания) может

¹³ Манохин В. М. Правовое государство и проблема управления по усмотрению // Сов. государство и право. 1989. № 1. С. 25, 27.

¹⁴ О понимании советского права // Сов. государство и право. 1979. № 7. С. 71.

¹⁵ Mc Coubrey H. The development of naturalist legal theory. London; New York: Croom Heim, 1987. XXII. P. 187.

служить известный еще в древности и существующий практически во всех континентальных правовых системах институт аналогии закона. Не в наши дни были сформулированы понятия мертворожденных и неправовых законов, но примерами такого рода актов богата не только история права, но и практика законотворчества сегодняшнего дня. Поэтому ни в коем случае не следует определять (тем более сводить!) сферу действия права через сферу законодательного регулирования, полагать, будто бы с помощью закона можно неправовое по своей природе общественное отношение сделать правовым¹⁶ и тем самым расширить или же, наоборот, сузить сферу действия права. Ведь не все то, что практически регулируется законом и защищается государством, есть право, но в то же время не все то, что есть право, всегда находит защиту в лице государства и регулируется законом.

В известной мере именно не различие понятий права и закона и обуславливает выводы некоторых ученых о том, что, чем шире область социальной жизни, свободной от нормативно-правового регулирования, тем прочнее устой правового государства¹⁷. Все дело, однако, в том, что если государство не в состоянии по своему усмотрению расширить либо сузить сферу действия права, то прочность его устоев ни в коей мере не может зависеть от того, шире или уже эта сфера. Правовое государство как раз тем и отличается, что в своей законотворческой деятельности строго следует правовым началам общества, независимо от того, широкой или узкой ему представляется сфера нормативно-правового регулирования. Для законодателя в правовом государстве сфера нормативно-правового регулирования может быть только фактом, с которым он не может не считаться. «И если познано, – подчеркивал К. Маркс, – что закон вещи противоречит ее определению в законодательстве, почему

¹⁶ Нерсесянц В. С. Право: многообразие определений и единство понятия // Сов. государство и право. 1983. № 10. С. 29.

¹⁷ Манов Г. Н. Социалистическое правовое государство: проблемы и перспективы // Сов. государство и право. 1989. № 6. С. 5.

не признать тогда закон самой вещи, закон разума также и государственным законом»¹⁸.

Таким образом, изначальной, отправной границей законодательного регулирования служит сфера действия права. Законодатель должен действовать лишь в ней и не может выходить за ее пределы (границы). Нельзя согласиться с П. М. Рабиновичем в том, что он считает возможным включить в сферу правового (законодательного) регулирования те общественные отношения, которые не могут быть урегулированы законом по своему существу, но тем не менее урегулированы им на практике¹⁹. Невозможность регулирования общественного отношения посредством закона – верный признак того, что отношение не имеет правовой природы. Законодатель, осознающий это обстоятельство, но все же издающий закон, вряд ли в состоянии приблизить общество к идеалам правового государства.

Приступая к регулированию общественных отношений, законодатель должен четко представлять: входит или не входит отношение, которое он собирается упорядочить, в сферу действия права. Ответ на этот вопрос можно получить в принципе двумя способами:

а) путем теоретического анализа, доказательствами того, что отношение, подлежащее регулированию, имеет правовую природу;

б) эмпирическим путем, т. е. методом проб и ошибок. Законодатель может издать акт, а уж затем убедиться в том, правовой это акт или нет.

Даже при поверхностном анализе нашего законодательства не трудно убедиться, что законодатель обычно избирает второй способ (вариант) ответа на данный вопрос. Излишне доказывать, что такой путь приводил ранее и приводит до сих пор к неоправданным издержкам не только

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 283.

¹⁹ Рабинович П. М. Сферы и пределы правового регулирования: понятие, виды, факторы развития // XXVII съезд КПСС и развитие теории государства и права. Свердловск, 1987. С. 53.

материального, но и морального характера. Но точно так же излишне доказывать и то, что, если бы законодатель знал заранее, что (какое отношение) имеет правовую природу, а где таковой не имеется, он скорее всего (презумпция порядочности законодателя) воспользовался бы первым способом получения ответа на стоящий перед ним вопрос.

Опираясь на имеющиеся в юридической литературе разработки по данной проблеме, попытаемся указать на те свойства, которые характерны отношениям, имеющим правовую природу.

Правовые отношения возникают в результате появления разделения труда и частной собственности, имущественного неравенства, с отделением производителя от результатов своего труда. Процесс создания, обмена и распределения материальных и духовных ценностей происходит в этих условиях в форме определенных стоимостей. Стоимости же переходят от одной стороны отношения к другой таким образом, что право сторон «пропорционально доставленному ими труду»²⁰, т. е. на условиях эквивалента.

Идея эквивалентного начала в общественных отношениях – это первая чисто правовая идея²¹, частное проявление золотого правила нормативной регуляции в целом: «каждому по делам его»²². Данная идея со всей определенностью стала проводиться в правовых системах по крайней мере начиная с законов XII таблиц. Как известно, задача особого претора после создания законов XII таблиц заключалась в том, чтобы равнять отношения, т. е. делать их эквивалентными, равноправными. П. И. Стучка отмечал, что римское право заимствовало идею эквивалентности отношений из греческой философии. Но он в то же время подчеркивал, что перенесение философской идеи в правовую систему ста-

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 17–20.

²¹ Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. С. 160.

²² Вопр. философии. 1990. № 6. С. 21.

ло возможным только тогда, когда сформировался реальный товарооборот с его эквивалентом как основой²³.

Таким образом, первая чисто правовая идея, с одной стороны, и первоначало права, его первичная клеточка, с другой, коренятся в конечном счете в реальном товарообмене на основе меновой стоимости товаров, эквивалента общественно-необходимого труда. Древность последнего реально указывает на то, что правовые отношения с разной формой реализации в них идеи эквивалентного начала сформировались в общем-то задолго до возникновения римского права. Зародившись в области товарообмена, принцип эквивалента, под которым можно понимать взаимную соразмерность исполнения договора (сделки), определяемую по выработанному путем опыта, оборотом, масштабу для оценки тех или других благ и действий²⁴, постепенно проникает во все сферы социальной действительности, в том числе в отношения публично-правового характера.

Конечно, сам по себе товарооборот в, так сказать, чистом виде не обладает способностью осуществить собственными средствами идею эквивалента. И это понятно, так как вообще не существует товарообмена в чистом виде. Реально на процессы выработки и реального функционирования эквивалентного начала в общественных отношениях влияют практически любые социальные процессы, правда, одни в большей, другие – в меньшей степени. В цивилизованных обществах процесс формирования эквивалентных начал в общественных отношениях происходит под очень сильным воздействием со стороны государства. Причем воздействие государственных структур на данные процессы столь велико, что у отдельных политических течений, как правило, тоталитарного толка, появляются соблазны после прихода к власти перейти к сознательному, «плановому»

²³ Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 535.

²⁴ Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1. С. 104.

формированию эквивалента, общего мерил общественных отношений. В то же время отрицательный опыт определения эквивалентных начал в обществах с тоталитарными политическими режимами не должен подталкивать к тому, чтобы вообще отказаться от регулятивного вмешательства со стороны государства в эти процессы.

Задача государства должна состоять в том, чтобы поддерживать порядок, «естественный» режим в отношениях, основанных на эквивалентных началах. Попытки государственного вмешательства в распределение материальных и духовных благ, установить благосостояние принудительными средствами (мерами) ведет к разрушению правовых начал общества²⁵. Если подобные мероприятия облачаются в форму закона, мы имеем дело с неправовыми по сути дела законами.

Эквивалентное начало правовых отношений отличает их от отношений нравственных, в которых обмен стоимостями на эквивалентных началах напрочь отсутствует. Материальные и духовные ценности в нравственных отношениях также могут переходить от одной стороны отношения к другой, но не на стоимостно-эквивалентной основе, а как проявление любви и милости, благодарения и сострадания к ближнему. Когда не обмен на эквивалентные блага, а их добровольная отдача составляют смысл бытия, то в этом проявляются высшие нравственные качества. Разная, но полная самоотдача (каждый отдает сколько может, но все) создает духовное равенство, целостное сознание «общего»²⁶. Более того, нравственный уровень общества определяется помимо всего прочего именно тем, насколько распространены в обществе процессы добровольного перераспределения ценностей на неэквивалентной основе²⁷. По-видимому, суть нравственного воспитания человека заключается в формировании

²⁵ Koslowski P. Staat und Gesellschaft bei Kant. Tübingen: Mohr, 1985. S. 38.

²⁶ Ильин Дм. «Роковая любовь» или вечные истины. М., 1998. С. 23.

²⁷ Фокина Н. Неотложные долги. Когда платить по счету нравственности // Сов. Россия. 1990. 24 марта.

такой способности, утверждении ее в качестве внутренней потребности личности.

Для правового отношения характерно то, что, основываясь на формальном равенстве сторон, процесс его функционирования неизбежно приводит к формированию фактического неравенства, к утверждению закономерности, правильности и справедливости неравенства, освящению фактического неравенства правом.

Для нравственных же отношений это не свойственно. Одна из главных нравственных заповедей гласит: возлюби ближнего своего, как самого себя, т. е. сделай его равным себе, как в духовном, так и материальном плане. Во 2-м Послании к Коринфянам святой апостол Павел говорит: «Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтоб была равномерность. Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность» (2 Кор. 8–13, 14). Таким образом, нравственный принцип заключается в том, чтобы устранить всякое неравенство. В моральных отношениях между людьми, взятыми в чистом виде, подчеркивает С. Л. Франк, не существует никаких градаций, никакого различия между высшими и низшими²⁸. Во взаимных отношениях люди признаются равноценными и равноправными величинами. Люди находятся в различном отношении к идеалу, но в отношениях между собой они равны. Отсюда вытекает и формула справедливости, выражающая равноценность людей, состоящая в том, чтобы отвлечься от всех личных интересов, симпатий, антипатий. Утверждение равенства в нравственном смысле слова предполагает, что в обществе утверждается (или уже утвердилось) освященное правом фактическое неравенство. В противном случае терялся бы смысл утверждения равенства в нравственном смысле слова.

Процессы формирования фактического неравенства и утверждения равенства в нравственном смысле слова

²⁸ Франк С. Л. Философские предпосылки деспотизма // Вопр. философии. 1992. № 3. С. 121.

проходят одновременно, пересекаются и стимулируют друг друга, но движение нравственности в социальном пространстве имеет прямо противоположное праву направление и назначение. Право исходит из формального равенства сторон и утверждает фактическое неравенство; нравственность же, признавая закономерность такого неравенства, отталкиваясь от него, стремится установить в обществе фактическое (насколько, конечно, это возможно) имущественное равенство. В этом смысле нельзя согласиться с Е. А. Лукашевой в том, что у права и морали (даже при том условии, что между моралью и нравственностью нет тождества) имеется общность в функциональном отношении²⁹. Верно, что право и мораль действуют в едином поле социальных связей³⁰, но «полюсы» у правового и морального полей прямо противоположны. Вообще говоря, выводы о том, что у морали и права имеется общая функциональная направленность, основаны на представлении, что человек является общественным существом, совокупностью всех общественных отношений. На этой почве, по справедливому замечанию Н. А. Бердяева, вырабатывалась мораль притязаний, ожиданий, вся моральная жизнь оказывалась ориентированной внешне, а не внутренне³¹. Моральные ценности, согласно такому взгляду на человека, вырабатываются внешними по отношению к человеку силами, всем обществом и привносятся в человека извне.

Право, утверждая фактическое неравенство, освящая его, способствует проявлению и утверждению в обществе эгоизма человека, точнее говоря – эгоизма сильного человека. Если бы было создано общество, где бы господствовал идеальный правовой порядок на основе принципа эквивалентности, если бы из жизни общества было убрано перераспределение материальных и духовных ценностей на неэквивалентной основе, то ни о какой нравственности не могло бы быть и речи. Нравственные добродетели атрофировались бы

²⁹ Лукашева Е. А. Право. Мораль. Личность. М.: Наука, 1986. С. 72.

³⁰ Там же. С. 71.

³¹ Бердяев Н. А. Судьба России // Москва. 1990. № 1. С. 174–179.

и были забыты, «...чем открылось бы царство волков, не перегрызающих друг другу горла лишь из уважения к праву другого волка на неприкосновенность его горла»³². Право лишь тогда способно эффективно выполнить свою роль в обществе, когда правовому принципу (эквивалентности отношений) в качестве его противоположности противопоставит соответствующий нравственный принцип, который препятствует тому, чтобы реализация правовых начал доходила до крайности³³.

Отсюда вывод: для деятельности законодателя нравственная сфера жизни общества должна быть напрочь закрыта, отношения, построенные исключительно на нравственных ценностях, не должны быть предметом его воздействия. Не должны подлежать законодательному регулированию нравственные убеждения людей, их идеалы и цели. Законодательная власть никогда не должна входить в область этики. Власть, которая вторгается в эту область, переступает пределы своего права³⁴.

Регулирование с помощью законов отношений по поводу социальной защиты населения, отношений милосердия, оказания социальной помощи и им подобные факты не опровергают высказанный тезис. Дело в том, что здесь закон действует все же в сфере права. Он находится как бы на рубеже столкновения права и нравственности, ставит границу (предел) действию права, как бы не позволяет ему дойти до логического конца. Можно сказать, что такого рода законы не вполне отвечают духу и природе права, это своеобразные «антиправовые» законы. Они остаются в сфере действия права, регулируя стоимостные отношения, но делают это скорее по инерции, чем по сути. Феномен подобного рода законов практически не изучен в теории права. В литературе,

³² Кусков Н. Вопросы христианского возрождения. 1988. № 10. С. 43.

³³ Schindler D. Recht und Ambiance // Schweizerische Beitrage zur Rechtssoziologie: E. Ausw. // Hrsg. von Rehbinder M. B., 1984. S. 13.

³⁴ Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900. С. 316; Спенсер Г. Социальная статистика. СПб., 1906. С. 237.

особенно публицистической, их иногда называют нравственными законами. Это в общем-то верно, если иметь в виду, что они инспирированы нравственными началами. Моральные (нравственные) стандарты лишь тогда имеют отношения к праву, когда лежат в пределах сферы действия права³⁵. Законодательство потому и не может декретировать нравственность, что его назначение состоит в том, чтобы выразить и закрепить именно правовую природу вещей, а не нравственную. Для выражения, закрепления и защиты последней существуют иные формы, способы и средства. По Марксу, закон «...является всеобщим и подлинным выразителем **правовой природы вещей** (выделено нами. – Н. С.). Правовая природа вещей не может поэтому приспособляться к закону – закон, напротив, должен приспособляться к ней»³⁶.

При противоположной социальной направленности права и нравственности попытка законодателя декретировать нравственность неизбежно привела бы к созданию системы неправового законодательства. Нельзя поэтому согласиться с мнением Р. З. Лившица о том, что право есть нормативно закрепленная справедливость и верховенство принадлежит только справедливому закону³⁷. И дело здесь даже не в том, что в позиции Р. З. Лившица законодателю фактически отводится роль создателя права, определения того, какая справедливая идея заслуживает превращения в законную, а следовательно, правовую, а какая не достойна высокого правового звания. Важнее другое. У права и нравственности свои, не совпадающие координаты, мерки и шкалы справедливости.

³⁵ Dworkin. Law's empire. L.: Fontana press, 1986. XIII. P. 102; Maus I. Entwicklung und Funktionswandel der Theorie des bürgerlichen Rechtsstaats // Rechtslehre und politische Theorie im Industriekapitalismus. München, 1988. С. 122.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 122.

³⁷ Лившиц Р. З. Право и закон в социалистическом правовом государстве // Сов. государство и право. 1989. № 3. С. 16–17; Он же. Современная теория права. Краткий очерк. М., 1992. С. 33.

Справедливо в правовом понимании то, что основано на эквивалентном взаимоотношении сторон и не нарушает их формального равенства³⁸. Причем система эквивалента исторически переменчива и вырабатывается не иначе как при участии хотя бы двух сторон общественного отношения. Справедливость же в нравственном смысле слова строится на неэквивалентной и безвозмездной основе. Шкала нравственной справедливости не подвергается конъюнктурным переменам, она вечна.

Для правовой шкалы справедливости важно, чтобы внешняя сторона человеческого поведения вполне укладывалась в понятие эквивалентности, потому что право имеет дело с внешними действиями людей по перераспределению стоимостей. Наоборот, внешняя сторона человеческого поведения не взвешивается на весах нравственности. Благодеяние может быть нравственным или нет в зависимости от того, чем оно вызвано: любовью ли к ближнему или своекорыстными видами³⁹.

Законодатель не может провозгласить правом и безнравственный закон, ибо это означало бы замену права бесправием. Если нравственность коренится в конечном счете в неэквивалентном добровольном обмене благами, то суть безнравственности состоит в стремлении к неэквивалентному обмену, но против воли и желания сообщества, т. е. к утверждению противоправного неравенства. Если нравственность стремится преодолеть фактическое неравенство в легальных, правовых формах либо в формах, которые не нарушают правовую природу общественных отношений, то безнравственность не только отрицает нравственные основы общества, но и направлена на то, чтобы утвердить в обществе такое неравенство (чаще всего под покровом, одеянием стремления к равенству), которое основано на отрицании и разрушении

³⁸ Rodrigues Paniagua G. M. Derecho natural o axiologia juridica? Madrid: Tecnos. P. 187.

³⁹ Арнс Г. Юридическая энциклопедия. М., 1863. С. 21; Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М., 1897. С. 7–8.

права. Таким образом, нравственность признает право как объективную, необходимую форму бытия общества, безнравственность же его отрицает.

Субъекты правового общения взаимодействуют с контрагентами только как с равными себе существами («применение равного масштаба к неравным людям»), соблюдая равенство взаимных предоставлений и получений, свободу контрагента, его положение как относительно автономного, независимого лица⁴⁰. «При анализе товарного обращения, – подчеркивает К. Маркс, – я показал, что уже при неразвитой меновой торговле обменивающиеся лица молчаливо признают друг друга равными личностями и собственниками обмениваемых ими благ; они делают это уже тогда, когда предлагают друг другу свои блага и совершают друг с другом сделку. Это фактическое отношение, возникающее лишь благодаря обмену и в обмене, получает позднее правовую форму в виде договора и т. д.»⁴¹

Принцип формального правового равенства – существеннейший момент общественного отношения, основанного на имущественном неравенстве и предполагающего обмен стоимостями на эквивалентной основе. В. С. Нерсисянц убедительно показал, что принцип формального правового равенства является основным принципом права⁴².

Равенство в правовом отношении состоит в том, что фактически неравные люди, обмениваясь материальными и духовными ценностями на эквивалентных началах, просто вынуждены признавать друг друга равными себе. Равенство участников правового общения, таким образом, не навязывается извне, оно вырастает как естественный, закономерный результат развития тех общественных отношений, кото-

⁴⁰ О понимании советского права // Сов. государство и право. 1979. № 8. С. 63; Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977. С. 52–53.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 393.

⁴² Сов. государство и право. 1989. № 6. С. 127–128; Нерсисянц В. С. Концепция гражданской собственности // Сов. государство и право. 1989. № 10 и др.

рые основаны на эквивалентном обмене ценностями. Именно требование эквивалентного обмена с неизбежностью формирует и «равный масштаб», ставит участников общественно-го отношения в равное положение. Эквивалентное отношение и возможно как эквивалентное отношение только тогда, когда его участники имеют равную возможность устанавливать эквивалент, единый для них масштаб поведения. Складывающееся естественноисторическим путем эквивалентное начало общественных отношений не имеет ничего общего с уравнительной трактовкой права, предполагающей произвольное, привносимое извне в общественные отношения, как правило, по идеологическим и политическим соображениям, понимание эквивалента и формального равенства. При уравнительной трактовке права используется именно форма эквивалента, а не сам эквивалент.

Основанные на равном, эквивалентном начале общественные отношения позволяют признать возникающее вследствие их функционирования фактическое неравенство товаропроизводителей, собственников закономерным, правильным, справедливым, правовым. Справедливость в праве, таким образом, не привносится извне, она является историческим и генетическим продуктом развития общественных отношений, основанных на принципах эквивалентности и формального равенства сторон. Единый масштаб справедливости, рождаясь в общественных отношениях, основанных на принципах эквивалента и формального равенства сторон, не может быть применен к тем общественным отношениям, которые функционируют на иных принципах, например к нравственным отношениям. Так, невозможно применить принцип формального равенства и эквивалента к отношениям любви, дружбы, социальной помощи.

Никогда не может стать правовым (справедливым) такое неравенство, которое основано на нетипичных, противозаконных, неестественных для эквивалентного обмена связях – воровство, грабеж, принудительное перераспределение ценностей и т. п., если даже они не запрещены законом.

Перераспределение материальных и духовных ценностей с помощью государства путем налогов и сборов, выплаты пособий и предоставления льгот лишь тогда может считаться правомерным, когда направлено на установление или восстановление нарушенного эквивалента, производится в интересах лиц, которые в силу своих психофизических особенностей или по причине независящих от них обстоятельств (стихийное бедствие и т. п.) не могут выступать равной стороной в обмене эквивалентами. Вмешательство же государства в процессы обмена, распределения и перераспределения благ с иных, пусть даже и самых благих побуждений, приводит к нарушению эквивалентного характера отношений, равенства сторон, не может быть оправдано и является по существу правонарушением. Таким образом, основное направление правового развития состоит в том, что формальное равенство сторон в правовом отношении закрепляет фактическое неравенство⁴³.

Суть произвола, в отличие от права, заключается как раз не в том, что в отношениях проявляется усмотрение участников, а сводится к нарушению эквивалентного и равного характера правовых отношений. Равный и единый масштаб (мерило) не может быть установлен помимо волевых устремлений участников правового общения, осознается и устанавливается ими как компромисс различных волей (усмотрений, своеволий). Отступление же от эквивалентности и равенства, стремление заменить их по своему выбору одной из сторон правоотношения либо третьей силой (государством) извне, навязывать выгодные им представления об этих ценностях всему правовому сообществу с нарушением уже сложившихся и призванных масштабов поведения и есть произвол. Если отступление от правовых начал совершается государством, мы имеем дело с государственным произволом, пусть он и облечен в форму закона. Законы такого рода имеют неправовой характер и являются государственным правонарушением.

⁴³ Таллер Р. И. Философия как логика и методология познания права. Куйбышев, 1989. С. 121.

Недовольство широких слоев населения проводимыми на пути к рыночным отношениям социально-экономическими преобразованиями как раз и обусловлено тем, что без ведома и согласия, а зачастую и против воли большинства участников товарно-денежных отношений путем государственного вмешательства происходит замена ранее действовавших эквивалентов. Причем такая замена приводит к формированию привилегий для части общества, грубо нарушает права остальных членов общества. Она не соответствует принципу всеобщего правового равенства и потому ни при каких обстоятельствах не может иметь правового оправдания. Законы, которыми проводятся подобные мероприятия, не имеют правовой природы и должны быть признаны неправовыми.

Широкомасштабная акция государства по либерализации цен привела к принудительному изъятию у собственников помимо их воли и желания ранее накопленных ими денежных сбережений. Какими бы красивыми словами не сопровождалась она, какие бы благие цели не преследовала, с точки зрения права она не имеет никакого оправдания. Была растоптана, грубо попорана сердцевина права – эквивалент.

Точно так же вряд ли может быть признана вполне правовой практика перераспределения материальных и духовных благ в период перехода к рыночным отношениям на неравные части под напором и в пользу наиболее мощных и влиятельных социальных сил, потому что переход от обобществленной собственности к собственности индивидуализированной должен быть всеобщим, распространяться на всех членов общества в соответствии с принципом всеобщего правового равенства⁴⁴, на эквивалентных, т. е. правовых началах. Эквивалентность же перераспределения предполагает учет и трудового вклада каждого в общую социализированную собственность, и трудового стажа, и всех

⁴⁴ Нерсесянц В. С. Прогресс равенства и будущее социализма // Вopr. философии. 1990. № 3. С. 53; Он же. На путях к праву: от социализма к постсоциализму // Сов. государство и право. 1991. № 2. С. 6–63.

остальных теоретически и практически возможных форм участия граждан в приумножении накопленного материального и духовного богатства. Кроме того, для соблюдения правовых начал при переходе от общей, принадлежащей всем собственности к собственности индивидуализированной следовало бы иметь в виду, что такой переход должен привести к тому, чтобы абсолютно все члены сообщества были превращены из несобственников в фактических владельцев, т. е. индивидуализированных собственников.

Правовое отношение суть социально контролируемое отношение⁴⁵. Прежде всего потому, что обмен стоимостями (ценностями) может производиться только путем ясно выраженных внешних действий, поступков участников общественных отношений. Обмен стоимостями происходит на основе сложившегося общественного разделения труда и стоимости, прежде чем быть обменены, должны быть произведены. Создание благ носит общественный характер, и общество имеет непосредственный, можно сказать, «правовой», интерес в контроле за их распределением и обменом. Участники правового общения кровно заинтересованы в том, чтобы в ходе передвижения (перехода) благ не нарушался принцип эквивалентности и равенства сторон, ибо его нарушение угрожает нормальному, правовому бытию социума. Общественный, всеобщий характер производства с неизбежностью формирует требование всеобщности и подконтрольности правового общения, превращает это требование в принцип всеобщего правового равенства. Отношения по перераспределению материальных и духовных благ, которые сознательно укрываются от общественности, основаны на нарушении принципов эквивалентного, всеобщего правового равенства и составляют суть теневой экономики, которая не признается правовой и преследуется по закону.

⁴⁵ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 87–88; Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955; Алексеев С. С. Механизм правового регулирования. М., 1966. С. 53–54; Матузов Н. И. Личность. Право. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 102.

Именно в социальной контролируемости правового отношения и заложена, вообще говоря, возможность государственного принуждения. Неконтролируемое отношение, следовательно, не может быть урегулировано и законом, ибо за последним в этом случае не стоит государственная власть, способная «принуждать к соблюдению норм права»⁴⁶. Законы подобного рода потому и называются «книжными», что их создатель (государство) не вдохнул в них свою силу, а закон без силы государственного принуждения есть просто клочок бумаги. Потому-то законодатель и требует расписок, дарственных, письменных завещаний, что в них находят отражение внешние действия участников правового общения. «Помимо своих действий, – подчеркивал К. Маркс, – я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»⁴⁷.

Таким образом, общественное отношение, имеющее правовую природу и являющееся вследствие этого предметом законодательного регулирования, характеризуется тем, что оно: а) основано в конечном счете на имущественном неравенстве; б) его участники строят свои отношения на эквивалентных началах; в) базируется на формальном правовом равенстве сторон и делает вытекающее из него фактическое неравенство закономерным, правильным, правовым; г) может нормально функционировать только на принципе всеобщего правового равенства; д) является социально контролируемым отношением и вследствие этого может быть подвергнуто воздействию со стороны закона.

2.2. Проблемы верховенства закона в его соотношении с актами исполнительной власти

В первом разделе было очерчено то социальное пространство, т. е. те общественные отношения, которые потенциально могут быть подвергнуты воздействию со стороны законодателя. При этом понятие законодателя использовалось

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 99.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 14.

в широком смысле слова, равном по объему понятию государства, государственного аппарата. Такой подход не мог оказать негативного воздействия на процесс исследования и повлиять на его результаты, потому что как для законодателя в узком (собственном) смысле слова, т. е. высшего органа законодательной власти, так и для иных субъектов нормотворчества сфера действия права в одинаковой (равной) мере является тем барьером, перешагивать который они не могут ни при каких обстоятельствах. В то же время для уяснения роли и места закона среди иных положительных источников права важно выяснить, какова роль именно закона в заполнении сферы действия права. Вправе ли заполнить ее только сам высший орган законодательной власти и может ли он чисто «физически» это сделать в условиях сложившейся у нас правовой системы?

2.2.1. Верховенство закона в условиях разделения властей

Правовой природе закона, его признакам, месту в системе нормативных правовых актов и его роли в регулировании общественных отношений в юридической науке постоянно уделялось пристальное внимание⁴⁸. Вопросы теории закона

⁴⁸ См.: Турубинер А. Советский закон // Революционная законность. 1926. № 19–22; Архипов К. А. Закон в Советском государстве. М.; Л., 1926; Понтович Э. Э. Понятие закона в Советском государстве // Сов. строительство. 1928. № 7; Резунов М. Советский закон на новом этапе НЭПа // Сов. государство и революция права. 1930. № 4; Ямпольская Ц. А. К вопросу о понятии закона в советском праве // Сов. государство и право. – 1946. – № 10; Петров Г. И. Юридическая природа советского закона // Уч. зап. Ленинград. юрид. ин-т. 1947. Вып. 4; Недбайло П. Е. Советский закон в системе государственно-правовых актов // Уч. зап. Львов. ун-та. Сер. юрид. 1949. Вып. 1, т. 14; Попков В. Д. Советский закон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1952; Цвик М. В. Советский закон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1952; Керимов Д. А. Законодательная деятельность Советского государства. М., 1955; Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. М., 1967; Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968; Дробязко С. Г. Роль законодательства в созда-

с достаточной полнотой излагаются в учебной литературе по теории государства и права, государственному праву⁴⁹.

Центральное, ключевое по своему значению место в теории закона занимает положение о его верховенстве, главенствующей роли⁵⁰ среди всех источников права и в первую очередь – среди нормативных правовых актов. При этом, по справедливому замечанию С. Л. Зивса, само понятие «верховенство закона» складывается из ряда элементов, определяющих качество закона как высшего по своей юридической силе нормативного правового акта⁵¹. Правда, исследователи весьма существенно расходились ранее, да и до сих пор расходятся в вопросе об объеме понятия «верховенство закона», называя разное число признаков, которые предопределяют главенствующее положение закона в правовой системе.

Сейчас, когда реформируется вся правовая система общества, многие проблемы, составлявшие ранее камень преткновения исследователей, уже отошли в историю науки и поэтому не имеют теоретической и практической актуальности.

нии материально-технической базы коммунизма. Минск, 1971. С. 66–73; Зивс С. Л. Источник права. М., 1981; Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982; Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М., 1987; Сильченко Н. В. Количественное соотношение между видами актов и проблемы теории закона // Сов. государство и право. 1988. № 2; Лукьянова Е. А. Закон как источник советского государственного права. М., 1988; Дрейшев Б. В. Проблемы обеспечения качества закона // Правоведение. 1988. № 4 и др.

⁴⁹ См., напр.: Теория государства и права. М., 1962. С. 409–416; Общая теория советского права. М., 1966. С. 129–140; Общая теория права. Л., 1974. Т. 2. С. 242–248; Советское государственное право. М., 1948; Лепешкин А. И. и др. Курс советского государственного права. М., 1962. Т. 2. С. 420–428; Советское государственное право. М., 1975. С. 425–430; Теория государства и права. М., 1983. С. 265–273; Теория государства и права. Л., 1987. С. 373–381 и др.

⁵⁰ Выражения «верховенство закона», «главствующая роль закона», «приоритет закона», «авторитет закона» используются в работе как взаимозаменяемые. Но это не означает, что между ними автор ставит знак тождества.

⁵¹ Зивс С. Л. Источники права. М., 1981. С. 106.

Меняется законотворческий процесс, структура источников права, их взаимосвязи между собой и международным правом. Происходят изменения в признаках и свойствах закона. Многие из них, которые ранее представлялись важными и включались в понятие «верховенство закона», теряют в новых условиях качества существенности. И наоборот, приобретают значение те свойства, признаки закона, которые ранее находились как бы в тени первых и не играли большого значения при характеристике главенствующей роли закона.

Требуется провести исследование изменившейся ситуации, оценить роль и место закона в новых условиях и, по возможности, обозначить то новое качество, те свойства закона, которые определяют ныне его верховенство в системе нормативных правовых актов.

Обозначим вначале те признаки закона, которые составляли содержание понятия «верховенство закона»:

1. Традиционно в состав признаков, определяющих главенствующее положение закона в системе нормативных правовых актов, включают то, что закон принимается в особом, установленном заранее процедурном порядке. Причем он может приниматься либо высшим органом законодательной власти, либо в порядке референдума (всенародного голосования). Важнейшие элементы процедуры принятия закона обозначены Конституцией в качестве обязательных условий. Конституция же предусматривает и форму обнародования принятого закона, что обеспечивает всеобщее ознакомление с ним⁵². Ю. А. Тихомиров даже полагает, что для закона характерно не только нормативное закрепление основных элементов процедуры его принятия, но и нормативное закрепление всех присущих закону признаков⁵³. Установление особой процедуры принятия закона, закрепление основных ее элементов в Конституции как бы подчеркивает особую значимость закона среди других нормативно-правовых актов.

⁵² Недбайло П. Е. Указ. соч. С. 13; Шебанов А. Ф. Указ. соч. С. 145; Зивс С. Л. Указ. соч. С. 106, 107 и др.

⁵³ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 89.

2. Важнейшим признаком, определяющим верховенство закона, многие исследователи считают то, что он регулирует наиболее типичные и устойчивые, ключевые, основные, основополагающие, наиболее важные общественные отношения. Поэтому закон представляет собой основной правовой инструмент решения важнейших задач государственного, политического и социально-культурного строительства⁵⁴. Этот признак закона был подробно рассмотрен нами в первой главе.

3. Определяя ведущее положение закона среди нормативных правовых актов, как правило, отмечают высшую юридическую силу закона⁵⁵. Высшая юридическая сила закона выражается, во-первых, в том, что он имеет приоритет во всей системе правовых актов, которыми руководствуются исполнители, в том, что он непререкаем. Никто, кроме высшего органа законодательной власти, не может отменить либо изменить закон, и наоборот, издание нового закона влечет за собой, как правило, отмену либо изменение актов нижестоящего уровня. Во-вторых, высшая юридическая сила закона проявляется в том, что акты всех нижестоящих органов обязательно должны соответствовать закону, а в случае противоречий между ними и законом приоритет принадлежит закону. Иными словами, акты всех нижестоящих органов носят подзаконный характер.

П. Е. Недбайло дал в свое время весьма интересную формулировку подзаконности нормативных правовых актов: «Подзаконность актов, или иначе, их **закономерность...**» (выделено нами. – *Н. С.*)⁵⁶. Эта формулировка подчеркивает то, что закон является как бы мерилom, мерой для всех иных нормативных правовых актов.

⁵⁴ См., напр.: Недбайло П. Е. Указ. соч. С. 6, 12; Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 89; Лукьянова Е. А. Указ. соч. С. 21; Дробязко С. Г. Указ. соч. С. 66 и др.

⁵⁵ См., напр.: Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 13–14; Шебанов А. Ф. Указ. соч. С. 145; Дробязко С. Г. Указ. соч. С. 66; Николаева М. Н. Нормативные акты министерств и ведомств в СССР. М., 1975. С. 44–45 и др.

⁵⁶ Недбайло П. Е. Указ. соч. С. 14.

С. С. Алексеев при характеристике верховенства закона, желая особо подчеркнуть его высшую юридическую силу и подзаконность иных нормативных правовых актов, высказал мнение о том, что только закон содержит первичное, «изначальное» право, а потому все остальные юридические предписания, закрепленные в подзаконных актах, носят как бы производный характер, т. е. базируются на тех началах, которые установлены в законах, конкретизируют их⁵⁷.

4. Принцип (требование) верховенства закона проводится и закрепляется в Конституции государства посредством придания ему главенствующего и универсального значения. Данный принцип выражается в обязанности всех государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан соблюдать Конституцию и законы государства. Составной частью конституционного принципа верховенства закона является верховенство Конституции среди источников права и осуществление конституционного надзора (контроля)⁵⁸.

5. В контексте концепции различения права и закона, разработанной прежде всего усилиями В. С. Нерсеянца⁵⁹, в юридической литературе, как отмечалось выше, было выдвинуто положение, согласно которому качество верховенства закона присуще не каждому и всякому закону, а лишь тому, который соответствует правовой природе общественных отношений. Закон должен быть особой, специфической формой объективно-необходимого и экономически детерминированного права и только тогда он может приобрести

⁵⁷ Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 60–74.

⁵⁸ Дябло В. К. Конституционный контроль законов за границей и в СССР // Сов. право. 1925. № 3. С. 77–93; Керимов Д. А., Экимов А. И. Конституционный надзор в СССР // Сов. государство и право. 1990. № 9. С. 3–13; Зенкин С. А. Взаимоотношения Конституционного Суда Югославии и Скупщины СФРЮ // Сов. государство и право. 1991. № 1. С. 106–113; Лучин В. О. Источники советского государственного права. Куйбышев, 1976. С. 11.

⁵⁹ Нерсеянц В. С. Право и закон. М., 1983. С. 3–341.

главенствующее положение⁶⁰. Было также выдвинуто положение, согласно которому право есть нормативно закрепленная справедливость, а качество верховенства присуще лишь тем законам, которые справедливы, т. е. имеют правовую природу⁶¹.

6. Принцип верховенства закона отражает верховенство представительных органов власти (Советов), их полномочие⁶². В свою очередь такая роль представительных органов власти в структуре органов государства отражает принадлежность власти народу и осуществление ее либо непосредственно народом (в порядке референдума), либо через представительные органы власти и подотчетные им государственные органы.

Данный признак верховенства закона составляет сердцевину, стержень разработанной в советской юридической науке концепции верховенства закона. Он как бы стягивает, объединяет вокруг себя все остальные свойства закона, придающие ему главенствующее положение среди остальных нормативных правовых актов. Можно сказать, что все остальные свойства, составляющие содержание принципа верховенства закона, являются как бы производными от него (за исключением, пожалуй, признака, обозначенного под № 5), призваны лишь конкретизировать, детализировать и уточнять данный признак. Роль положения о полновластии представительных органов государства в обосновании принципа верховенства

⁶⁰ Нерсесянц В. С. Право и закон: их различие и соотношение // *Вопр. философии*. 1988. № 5; Явич Л. С. О преподавании общетеоретической дисциплины и введении курса политологии // *Правоведение*. 1989. № 5. С. 13, 14; Он же. *Социализм: право и общественный прогресс*. М., 1990. С. 164–165; Деев Н. Н., Четвернин В. А. *Советское государство и перестройка (проблемы теории)*. М., 1990. С. 147, 152, 160 и др.

⁶¹ Батурин Ю. М., Лившиц Р. З. *Социалистическое правовое государство*. М., 1989. С. 108–110.

⁶² См., напр.: Недбайло П. Е. Указ. соч. С. 12; Шебанов А. Ф. Указ. соч. С. 142; Зив С. Л. Указ. соч. С. 106; Лукьянова Е. А. Указ. соч. С. 19; Явич Л. С. *Социализм: право и общественный прогресс*. М., 1990. С. 164–165, 167.

закона столь велика, что позволяет сказать: разработанная у нас концепция верховенства закона выводилась и выводится до сих пор из теоретической конструкции полномочия Советов.

В бывшем СССР не признавался принцип разделения властей. Идея разделения властей всегда противопоставлялась идее Советов, считалось что Советы – это «работающие корпорации», в которых соединяется законодательная и исполнительная власть и что вся власть принадлежит им и только им⁶³. Утверждалось, что практика государственно-правового строительства основана на единстве власти и принадлежности ее народу, который осуществляет всю ее полноту либо непосредственно (референдум, иные формы непосредственного волеизъявления), либо через представительные органы власти (Советы) и подотчетные им государственные органы. Согласно официально признанной и конституционно закрепленной концепции, вся полнота власти концентрировалась в руках Верховного Совета (съезд Советов), местных Советов народных депутатов, а вся исполнительная власть была полностью ответственна, подотчетна и подконтрольна Советам. Самое большее, что допускала эта концепция, сводилось к распределению функций между органами государства, но не могло быть и речи о том, чтобы поставить управление (исполнительную власть), правосудие в один ранг с Верховным Советом, который в соответствии с принципом полномочия Советов являлся единым и единственным высшим органом государственной власти, располагая при этом и исключительным правом на осуществление законодательной власти⁶⁴.

Справедливости ради следует отметить, что в юридической литературе иногда высказывалось мнение, направленное против одностороннего взгляда, упрощающего положение вещей и сводящегося к огульному отрицанию принци-

⁶³ Советское государство и право. 1991. № 7. С. 89.

⁶⁴ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 200; Зивс С. Л. Указ. соч. С. 106.

па разделения властей. Опираясь на тщательно выверенные цитаты из произведений К. Маркса, И. Д. Левин доказывал, что «...ленинская характеристика советской системы, преодолевающей, устраняющей разделение законодательного и исполнительного труда, присущее буржуазному парламентаризму, скорее дает основание предположить наличие в **буржуазном государстве** (выделено нами. – Н. С.) элементов разделения властей»⁶⁵. Но далее этих утверждений И. Д. Левин пойти не решился и вынужден был в конце констатировать, что в отличие от буржуазного парламентаризма организация механизма советской государственной системы основана на устранении разделения законодательной и исполнительной власти и это имеет огромное политическое значение.

Сейчас нет необходимости в доказательстве того, что реальный механизм осуществления власти в стране существенно отличался от того, который официально провозглашался и оформлялся конституционно. Хорошо известно, что при провозглашении полновластия представительных органов власти реальным полновластием обладали прежде всего центральные органы Коммунистической партии, составлявшие основную ось всей советской политической системы и государственного механизма. Советы же фактически и не законодательствовали и не управляли, а лишь оформляли, освящая именем народа, решения партийных органов.

Основанная на официально провозглашенном принципе полновластия представительных органов власти, доктрина верховенства закона вынуждена была очень часто подгонять многие факты и процессы реально функционировавшей правовой системы, которые опровергали господствующее положение закона в системе нормативных правовых актов, под заранее заданные политические клише и штампы. Одни и те же по своему характеру процессы и тенденции в развитии источ-

⁶⁵ Левин И. Д. Современная буржуазная наука государственного права. М., 1960. С. 294.

ников права в буржуазных государствах и в Советском Союзе оценивались диаметрально противоположно.

Так, преобладание нормативных правовых актов исполнительной власти над актами парламента в буржуазных государствах оценивалось не иначе, как подрыв принципа верховенства закона и ослабление роли парламента⁶⁶. В то же время практика постоянного осуществления законодательной функции Верховного Совета в период между сессиями его органом – Президиумом Верховного Совета – преобладание нормативных правовых актов Президиума Верховного Совета и Совета Министров над законами оценивалась прямо противоположным образом. Считалось, что численное преобладание подзаконных актов в советской правовой системе не подрывает престиж, авторитет закона⁶⁷.

Делегирование законодательных полномочий буржуазным парламентом правительству, органам исполнительной власти подвергалось всесторонней критике и оценивалось не иначе, как подрыв роли парламента в политическом механизме буржуазных государств, усиление авторитарных тенденций, подрыв демократических устоев общества⁶⁸. Фактическая же передача части полномочий Верховного Совета Совету Министров, издание последним, даже без прямого поручения высшего органа представительной власти, значительного числа актов по вопросам, которые Конституцией были отнесены к ведению Верховного Совета, оценивались с позиций целесообразности, широко не рекламировались, но и открыто не осуждались. Издание же Президиумом Верховного Совета и Советом Министров совместных с ЦК КПСС, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ не предусмотренных в Конституции постановлений нормативного правового характера характеризовалось как развитие демократических начал в право-

⁶⁶ Зивс С. Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах. М., 1960; Он же. Источники права. М., 1981. С. 115.

⁶⁷ Зивс С. Л. Источники права. М., 1981. С. 26.

⁶⁸ Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М., 1972; Крылова Н. С. Английское государство. М., 1981 и др.

творчестве. Причем считалось, что факт принятия актов совместно с партийными, профсоюзными и комсомольскими органами придает повышенный авторитет этим актам⁶⁹. С. С. Алексеев даже полагал, что у совместных постановлений имеется особая юридическая сила⁷⁰.

Начатый в ходе реформирования правовой системы, провозглашения курса на создание правового государства процесс передачи реальной полноты власти Советам народных депутатов породил среди широких слоев общественности и ученых-юристов надежду на укрепление верховенства закона, повышение его роли в регулировании общественных отношений, преобразовании всех сторон социального бытия⁷¹, ибо «...от полноты власти в руках представительных органов, – подчеркивал Л. С. Явич, – зависит степень реального верховенства закона среди других ... нормативно-правовых актов и вообще среди иных источников права»⁷².

Как всегда дело не обошлось без крайностей. Лозунг «Вся власть Советам!» очень многими был понят буквально. Процесс превращения представительных органов власти в реальных носителей властных полномочий, переход власти от партийных органов к Советам народных депутатов стали абсолютизировать. Из поля зрения многих исследователей как бы стало ускользать то обстоятельство, что наполнение деятельности Советов реальными властными полномочиями составляет лишь одну из составных частей создания правового государства, что процесс передачи власти представительным органам одновременно сопровождается разделением властей. А если признается разделение властей, то Советы уже не могут претендовать на всю полноту

⁶⁹ Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. М., 1976. С. 128.

⁷⁰ Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 53.

⁷¹ Лазарев Л. В., Слива А. Я. Конституционная реформа: первый этап. М., 1989. С. 45.

⁷² Явич Л. С. Социализм: право и общественный прогресс. М., 1990. С. 167.

власти, потому что они составляют лишь одну из ветвей власти – законодательную, наряду с которой существует также исполнительная и судебная ветви власти.

В условиях последовательного разделения властей (какой бы вариант не был взят здесь за образец), включающего, с одной стороны, независимость каждой ветви власти, а с другой – их взаимную связь и взаимные ограничения, ни одна из властей не является главной, поэтому нет и подчиненных властей⁷³.

Вопреки очевидным и хорошо известным историческим фактам, практике функционирования исполнительной власти в демократических правовых государствах, которые свидетельствуют о том, что исполнительная власть занималась ранее и активно занимается до сих пор нормотворчеством, появились утверждения о том, что в правовом государстве исполнительная власть по общему правилу нормотворчеством не занимается⁷⁴, что в принципе исполнительная власть не имеет правотворческих полномочий, не имеет права принимать общеобязательные акты, что она обладает лишь законодательной инициативой⁷⁵.

Доктрина верховенства закона, основанная на признании верховенства (полновластия) представительных органов власти в условиях фактически начавшегося уже после внесенных в 1988 г. изменений в Конституцию бывшего СССР процесса разделения властей, не смогла сразу же внести коррективы в обоснование главенствующей роли закона, продолжает

⁷³ Лившиц Р. З. Современная теория права. Краткий очерк. М., 1992. С. 18; Ершов В. В. Суд в системе органов государственной власти // Государство и право. 1992. № 8. С. 33.

⁷⁴ Деев Н. Н., Четвернин В. А. Советское государство и перестройка (проблемы теории). М., 1990. С. 208; Советское государство и право. 1992. № 10. С. 16; Елеонский В. О. Нормотворчество в органах внутренних дел (теоретические основы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1992. С. 13–14.

⁷⁵ Нерсесянц В. С. Концепция советского правового государства в контексте истории учений о правовом государстве // Социалистическое правовое государство. М., 1989. С. 61.

по-прежнему выводить его из принципа полновластия Советов народных депутатов.

При этом одни авторы полагают, что принцип разделения властей в традиционном смысле не был у нас воспринят, поскольку это не отвечало бы повышению роли представительных органов власти и углублению демократии⁷⁶. Другие же, наоборот, признавая, что без разделения властей не может быть правового государства и правовых законов, продолжают настаивать, что ключевое значение для повышения верховенства закона имеет обеспечение верховенства представительных органов власти – системы Советов. Они полагают, что требование такого верховенства вытекает из принципа народного суверенитета⁷⁷, что без верховенства Советов в системе государственных органов невозможны ни верховенство Конституции и законов, ни государство права⁷⁸.

Особую позицию занимает В. Д. Зорькин. Он считает, что разграничение властей выражается в распределении компетенции, взаимном контроле властей, системе сдержек и противовесов, сбалансированности, что равновесие властей достигается через процессы улаживания и согласования противоречий, возникающих между властями и что для того, чтобы ни один из органов не занял авторитарно-абсолютистского положения, ни одному из них не должна принадлежать вся государственная власть в полном объеме. В то же время В. Д. Зорькин пришел к выводу, что с точки зрения логики правового государства законодательная власть должна все же выйти на первое место, занять верховное положение⁷⁹.

⁷⁶ Лазарев Б. «Разделение властей» и опыт Советского государства // Коммунист. 1988. № 16; Тихомиров Ю. А. Власть в обществе: единство и разделение // Сов. государство и право. 1990. № 2. С. 39.

⁷⁷ Нерсесянц В. С. Пути развития советского государства и права: история и перспективы // Пульс реформ. 1989. С. 42.

⁷⁸ Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. М., 1989. С. 46; Аюпова З. К. Концепция правового государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1992. С. 13 и др.

⁷⁹ Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. М., 1989. С. 99–101.

Поскольку очевидно, что разделение властей становится реальной практикой государственно-правового строительства, то здесь нет необходимости приводить какие-то контраргументы против позиции Б. М. Лазарева и Ю. А. Тихомирова. Выскажем свои соображения по концепции В. С. Нерсесянца и, по сути дела, равнозначной ей позиции В. Д. Зорькина.

Первое, на что следует сразу же обратить внимание в концепции В. С. Нерсесянца, – это ее внутренняя логическая противоречивость. С одной стороны, В. С. Нерсесянец сторонник того, чтобы высшее представительное учреждение было верховной из трех властей, чтобы собственно исполнительная власть (правительственная и в целом вся исполнительная и распорядительная власть) формировалась представительными органами, была подконтрольной и подотчетной законодательной власти, действовала на основе, в пределах и во исполнение законов⁸⁰. С другой стороны, он утверждает, что разделение властей включает в себя организационно-правовой механизм их взаимодействия, взаимных сдержек и противовесов с целью удержания каждой из них своих полномочий и вместе с тем обеспечения ее независимости от других властей в тех же пределах⁸¹.

Но о каких сдержках и противовесах властей, о какой независимости исполнительной власти от законодательной может идти речь, если она формируется властью законодательной, если она подконтрольна и подотчетна ей, действует в пределах и во исполнение законов? Если законодательная власть верховна, значит все остальные ветви власти подчинены ей и только ей и ни о какой самостоятельности (даже относительной) других властей речи быть не может. Если же исполнительная власть имеет хотя бы минимум самостоятельности, то власть законодательная уже по логике вещей не может быть верховной, стоять во всем над другими ветвями власти. Как исполнительная власть может сдерживать

⁸⁰ Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. С. 42.

⁸¹ Там же.

законодательную и удерживать свои полномочия, если она подконтрольна и подотчетна законодательной власти?

В. С. Нерсисянц утверждает, что законодательная власть должна быть выразительницей народного суверенитета и требование ее верховенства вытекает из принципа народного суверенитета, что именно она, как выразительница воли народа, определяет организацию других властей⁸². В то же время он пишет, что в «...системном единстве разделенных властей суверенитет государства находит свое наиболее адекватное организационное воплощение»⁸³. Но если законодательная власть является выразительницей народного суверенитета и вследствие этого обладает всей полнотой государственного суверенитета, то зачем тогда разделение властей? Ведь другие ветви власти суверенитет народа не выражают и должны подчиняться власти законодательной – выразительнице народного суверенитета. Если же только все единые и в то же время разделенные власти наиболее полно выражают государственный суверенитет, а следовательно, и народный (ибо государство черпает свой суверенитет в конце концов из суверенитета народа), то тогда не только законодательная власть, но и наряду с ней все другие ветви власти выражают суверенитет народа. Власть законодательная, таким образом, не имеет первенства, верховенства над другими властями, ибо не только она выражает суверенитет народа. На наш взгляд, следует согласиться с мнением Ю. П. Урьяса, что в соответствии со своей внутренней логикой теория разделения властей не провозглашала верховенства представительных учреждений⁸⁴. Ей чужда идея единства государственной власти, имеющей своим источником представительные учреждения.

⁸² Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. С. 42, 46.

⁸³ Там же. С. 42.

⁸⁴ Урьяс Ю. П. Традиции и современность в буржуазной теории государства (на материалах ФРГ) // Проблемы буржуазной государственности и политико-правовая идеология. М., 1990. С. 12.

Мнение о том, что разделение властей возможно только в таком варианте, когда преобладает законодательная власть, которая только одна и воплощает (выражает) суверенитет народа, осуществляет верховную власть и является, следовательно, полновластной, а исполнительной власти отводится роль «слуги» законодательной власти, не является новым. Еще античные мыслители, а в наиболее полном виде Аристотель, высказывали идеи о рациональном разделении труда по осуществлению функций государства. Аристотель считал, что главной властью в государстве должна быть законосовещательная власть⁸⁵. Отсюда вытекало, что правительственный орган (т. е. управление) должен быть подзаконным, что никакой декрет, изданный магистратами (правителями), не может иметь общего характера и должен лишь детализировать вопросы, урегулированные законом⁸⁶.

Дж. Локк, считающийся основателем буржуазной теории разделения властей⁸⁷, хотя и признавал определенные прерогативы за исполнительной властью, все же исходил из того, что власти не равноправны. Согласно Дж. Локку, законодательная власть является верховной властью и повелевает всеми другими властями. Он утверждал, что «тот выше, кто может предписывать законы»⁸⁸.

В законченном, так сказать, классическом виде учение о том, что законодательная власть сливается с суверенитетом народа, является его единственным и верховным выразителем, было сформулировано Ж.-Ж. Руссо. Руссо не допускал независимости исполнительной власти, он считал ее только доверенным, «службой» суверенного народа-законодателя, который может надзирать за ней, контролировать ее и смещать по своему усмотрению. Народ, по Руссо, поручает осущест-

⁸⁵ Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 518.

⁸⁶ Историю взглядов о разделении властей см.: Барнашов А. М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988.

⁸⁷ Эсмен А. Общие основания конституционного права. СПб., 1898. С. 232.

⁸⁸ Локк Дж. О государстве. СПб., 1902. С. 46.

вление исполнительной власти конкретным уполномоченным лицам, которые должны действовать в строгих рамках закона и подлежат неусыпному контролю со стороны верховной законодательной власти⁸⁹.

Сформулированная Ж.-Ж. Руссо доктрина о господстве, приоритете законодательной власти не была воплощена в жизнь в полном объеме на практике ни в одном из государств с романо-германской правовой системой. Попытки ее реализации во Франции во времена Великой Французской революции окончились кровавой вакханалией. Не была воплощена в жизнь и ленинская концепция полновластия Советов, которая во многом почти дословно повторяла руссоистские рассуждения о Советах как выразителях воли (суверенитета) всего народа. Она превратилась в партийную диктатуру.

Предпринятая в Соединенных Штатах Америки попытка воплощения доктрины разделения властей Дж. Локка с преобладанием законодательной власти над всеми остальными властями также окончилась неудачно. «Горький опыт законодательных бесчинств, – подчеркивает А. А. Мишин, – привел к тому, что политическая мысль штатов разочаровалась в локковской модели разделения властей с ее чисто британской концепцией верховенства парламента»⁹⁰.

Многие исследователи весьма убедительно доказали в свое время и теоретическую несостоятельность доктрины, разработанной Ж.-Ж. Руссо. Нет необходимости приводить здесь хорошо известные аргументы не менее хорошо известных западных мыслителей. Сошлемся на мнение известных у нас русских ученых конца XIX – начала XX в.

Так, русский государствовед Ф. Ф. Кокошкин считал, что доктрина Ж.-Ж. Руссо является отвлеченным учением, которое не считается с реальными условиями политической жизни «Эта теория, – подчеркивал он, – рассчитана

⁸⁹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1960. С. 199–200.

⁹⁰ Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М., 1984. С. 13.

на маленькое государство – общину, вроде античных республик»⁹¹. П. И. Новгородцев писал, что «...управление, осуществляемое исключительно на основании закона, было бы возможно только в государстве, лишенном правительства, а такое государство есть не более, как плод воображения»⁹².

Подробному анализу теории Ж.-Ж. Руссо подверг Н. Ворошилов. Он исходил из того, что реальное разделение властей возможно лишь тогда, когда власти самостоятельны, когда одна власть сдерживает другую. Если же власть будет устроена таким образом, что все ее органы будут зависеть от другой, например назначаться ею (что, собственно говоря, предлагал Ж.-Ж. Руссо и чего до сих пор придерживаются его сторонники), то «...без сомнения, – подчеркивал Н. Ворошилов, – тут не может быть и речи о самостоятельности или разделении властей...»⁹³

Очень существенные аргументы приводил Н. К. Ренненкампф, доказывая ошибочность взглядов Ж.-Ж. Руссо. С одной стороны, полагал он, возлагать на законодательную власть обязанность все исчерпывать и все определять, – значит поручать ей по сути дела неисполнимую задачу. С другой стороны, правительственная власть есть не только служебный орган, но и самостоятельная сила государства, которая имеет не только обязанность, но и право в пределах закона все соединять в единое целое, управлять всеми делами государства, сообщать всему жизнь, движение, а «...иногда принимать и такие меры, которые мало доступны внутреннему законодательству»⁹⁴.

Но, пожалуй, убедительнее всего несостоятельность взглядов современных последователей и сторонников Ж.-Ж. Руссо,

⁹¹ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 234.

⁹² Новгородцев П. И. Государство и право // Вопр. философии и психологии. 1904. № 4. С. 444–445.

⁹³ Ворошилов Н. Критический обзор учения о разделении властей. Ярославль, 1972. С. 47–48.

⁹⁴ Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. Киев; СПб., 1907. С. 123.

полагающих, что верховенство закона может быть обеспечено не иначе, как при верховенстве представительных органов власти, т. е. парламента, доказывает практика функционирования правовой системы Англии. Утвердившийся в Англии принцип парламентского верховенства⁹⁵ означает, что парламент и только парламент имеет право издавать и уничтожать всевозможные законы по любому вопросу и что нет ни лица, ни учреждения, за которыми бы английский закон признавал право преступать или не исполнять закон.

Парламент Англии имеет верховную и бесконтрольную власть издавать, утверждать, ограничивать, отменять законы. Никакое лицо, никакой орган не имеет права издавать акты, которые были бы несогласны с парламентскими актами, пользовались бы судебной защитой вопреки парламентскому акту⁹⁶. Компетенция парламента Англии формально ничем не ограничена. Но даже при таком положении вещей, при практически всеильном парламенте принцип парламентского верховенства отнюдь не привел в Англии к верховенству закона, его главенствующей доминирующей роли среди источников права⁹⁷. Да и сама концепция парламентского верховенства в настоящее время даже многими буржуазными авторами объявляется устаревшей и практически неосуществимой⁹⁸.

Кроме того, реальные нужды функционирования правовой системы Англии обусловили необходимость существования делегированного законодательства, объем которого

⁹⁵ Шаповал В. Н. Британская Конституция (политико-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1992. С. 12.

⁹⁶ Эсмен А. Общие основания конституционного права. С. 243; Дайси А. В. Основы государственного права Англии. М., 1907. С. 46–48; Уэйд Дж., Филлипс Г. Конституционное право. М., 1950. С. 38; Бромхед П. Эволюция Британской Конституции. М., 1978. С. 197–199; Богдановская И. Ю. Закон в английском праве. М., 1987. С. 67,69,71,73; Шаповал В. Н. Указ. соч. С. 12 и др.

⁹⁷ Богдановская И. Ю. Указ. соч. С. 8,73; Марченко М. Н. Правовые средства осуществления власти в современном империалистическом государстве // Сов. государство и право. 1990. № 6. С. 112.

⁹⁸ Барнашов А. М. Указ. соч. С. 74.

со временем необычайно расширился. В настоящее время, отмечают Дж. Уэйд и Г. Филлипс, парламент больше не располагает ни временем, ни иными данными для издания огромного количества деятельных постановлений, необходимых для функционирования современного государства⁹⁹.

Сказанное позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, между принципом верховенства закона и принципом верховенства высшего представительного органа власти нет жесткой, однозначной зависимости. Не всегда и не везде верховенство парламента способно привести к верховенству закона. Во-вторых, даже при неограниченных полномочиях парламента высшая законодательная власть не в состоянии справиться с созданием необходимого объема норм права и вынуждена прибегать к практике делегированного нормотворчества. И, наконец, в-третьих, доктрина разделения властей, утверждающая доминирующую роль законодательной власти над властью исполнительной и закрепление за законодательной властью исключительного права на формулирование общеобязательных норм права, весьма уязвима теоретически. Не была она нигде реализована и на практике. Попытки ее реализации закончились неудачно. Не суждено ее, по всей видимости, воплотить в жизнь и у нас.

Попытка передачи всей полноты власти Советам народных депутатов сверху до низу очень скоро показала, что была полностью парализована исполнительная власть, начался «парад суверенитетов» полномочных Советов, перманентные споры о приоритете актов, был практически подорван принцип законности в правотворчестве и правоприменении. В силу этих и других не менее хорошо известных причин практика государственно-правового строительства пошла по пути отказа от воплощения принципа полномочия Советов. Претерпели трансформацию соответствующие положения Конституции о подконтрольности и подотчетности всех государственных органов Советам народных депутатов, через которые народ осуществляет свою власть.

⁹⁹ Уэйд Дж., Филлипс Г. Указ. соч. С. 388–389.

Возникает вопрос: может ли законодатель (в узком смысле слова) в условиях разделения властей сам заполнить всю сферу действия права?

В условиях провозглашения курса на создание правового государства и разделения властей весьма привлекательна мысль о том, что закон не только должен приобрести подлинное верховенство, но и стать исключительным (единственным возможным) источником положительного права. Представляется, однако, что как само строение нашей правовой системы, так и ее реальное положение сейчас таковы, что ни в ближайшей, ни в более далекой, но обозримой перспективе сделать закон исключительным или хотя бы основным источником права просто невозможно. Укажем вначале на соображения, так сказать, практического характера.

Обновление законодательства в рамках развернувшейся правовой реформы сопровождается очищением действующей нормативной системы от устаревших и неправовых актов. Сокращение подзаконных и прежде всего ведомственных нормативных правовых актов, увеличение удельного веса законов в общем объеме нормативно-правового массива – реальная перспектива. Но процессы повышения авторитета закона, определения подлинного места и роли исполнительной власти в правовом государстве должны быть синхронизированы во времени, происходить эволюционно, как можно менее болезненно. Попытки улучшить деятельность только одного звена власти без учета его отношения и взаимосвязи с другими государственными органами и компонентами политической системы не могут привести к положительному результату¹⁰⁰. Здесь в отличие от иных сфер общественной жизни следует избегать резкой, революционной ломки. Возникновение и развитие новой правовой системы подчинено присущей ей логике. На место отжившим свой век элементам старой системы нормативно-правовой регуляции должны быть обязательно поставлены новые по форме и содержанию,

¹⁰⁰ Сравнительное правоведение и развитие советского законодательства // Сов. государство и право. 1991. № 7. С. 144.

иначе неминуемо произойдет сбой в работе всей системы в целом.

Дефицит нормативных правовых актов может оказаться отнюдь не лучше их инфляции, излишней зарегулированности общественных отношений. Лишение же исполнительной власти, издающей в настоящее время основную массу нормативных правовых актов, нормотворческих полномочий вообще означало бы полный развал и паралич правовой системы.

Совокупность всех осуществляемых верховной государственной властью полномочий, прав и обязанностей есть полновластие. В свою очередь верховная государственная власть реализует всю совокупность ее полномочий посредством осуществления отдельных функций, т. е. она распадается как бы на более мелкие власти. Среди них выделяются следующие: 1) учредительная, т. е. право устанавливать конституцию государства, определять устройство верховной власти, основные права и обязанности граждан¹⁰¹; 2) законодательная, т. е. право устанавливать общеобязательные юридические нормы; 3) исполнительная (правительственная), т. е. право проводить в жизнь общеобязательные правила поведения; 4) контрольная, т. е. право контролировать, проверять осуществление властных полномочий всеми ветвями власти; 5) судебная, т. е. право на осуществление правосудия.

Эти функции могут быть закреплены либо за одним из высших органов государства, либо за несколькими. И тот и другой варианты существовали в истории ранее и существуют сейчас. Смысл теории разделения властей как раз и состоит именно в том, чтобы рассредоточить осуществление всех перечисленных выше функций верховной государственной власти между различными субъектами, высшими органами власти таким образом, чтобы эти функции не были сконцентрированы в каком-то одном органе, осу-

¹⁰¹ Blanc F., Virieux F. M.: Wagué Ph. Grands régimes étrangers. Paris, 1988. P. 90; Чиркин В. Е. Разделение властей: социальные и юридические аспекты // Сов. государство и право. 1990. № 8.

шествующей верховную государственную власть, чтобы не произошло концентрации всей верховной государственной власти в руках какого-то одного органа власти¹⁰². Система разделения властей предполагает, что должны существовать конституционные механизмы, обеспечивающие уравновешенное состояние властей. Причем целостность власти не может обеспечиваться за счет того, чтобы одна власть подмяла под себя другие власти. Это происходит за счет дополняемости властей и взаимного контроля¹⁰³. Закономерность здесь состоит в том, что чем больше органов осуществляют полномочия верховной власти, тем меньше вероятность монополизации власти в руках одного из них¹⁰⁴.

Перечисленные выше функции могут быть распределены между высшими органами государственной власти не одним, а несколькими способами: а) распределение отдельных функций между различными органами; б) совместное осуществление одной и той же функции несколькими органами; в) осуществление различных функций одним органом, но различным порядком¹⁰⁵.

Практика государственно-правового строительства свидетельствует, что никогда не бывает так, чтобы определенная функция верховной государственной власти осуществлялась

¹⁰² Mason A. T., Beaney W. M. American constitution law. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1978. XII. P. 69; Ершов В. В. Судебная власть в правовом государстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 12; Киров А. Н. Государственная власть в гражданском обществе: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 5; Соколов А. Н. Идея правового государства в Германии и механизм ее реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1992. С. 36.

¹⁰³ Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности. СПб., 1991. С. 121.

¹⁰⁴ Шаповал В. Н. Британская Конституция (политико-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1992. С. 29.

¹⁰⁵ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Т. 1. С. 70; Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1904. Т. 1. С. 360; Он же. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. С. 273; Урьяс Ю. П. Традиции и современность в буржуазной теории государства // Проблемы буржуазной государственности и политико-правовая идеология. М., 1990. С. 7.

всецело только одним органом или только одним способом, чтобы один орган осуществлял государственные акты одного рода, без примеси актов другого рода¹⁰⁶. Иными словами, если теоретически и возможно привязать функции верховной государственной власти за строго очерченными органами верховной государственной власти, то практически не удастся возвести жесткие барьеры между органами¹⁰⁷, сделать так, чтобы, скажем, законодательная власть (орган законодательной власти) занималась только тем, чтобы формулировали общеобязательные правила поведения, и ничем другим, а исполнительная только тем, чтобы проводила в жизнь общеобязательные правила поведения.

Обычно отправление означенных выше функций верховной государственной власти происходит таким образом, что все они оказываются в большей или меньшей степени, но рассредоточены между несколькими высшими органами государственной власти. При этом каждый из высших органов власти сосредоточен на выполнении преимущественно какой-то одной из функций, имеет, так сказать, приоритет при выполнении части верховной государственной власти.

Для нормального функционирования исполнительной власти нужна солидная нормативная основа. Но и исполнительная власть в свою очередь может плодотворно действовать, располагая не только индивидуальными, но и нормативно-правовыми средствами и полномочиями. По остроумному замечанию Лоренца Штейна, самостоятельность исполнительной власти равна самостоятельности фактов, с которыми ей приходится иметь дело, она не может выполнять свои задачи механическим служением закону, а должна руководствоваться в своей деятельности не только предписаниями законов, но и непосредственно политическими и культурными задачами государства, выражать общую сущность государства¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Коркунов Н. М. Закон и указ. СПб., 1894. С. 223.

¹⁰⁷ Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 11.

¹⁰⁸ Штейн Л. Учение об управлении и право управления. СПб., 1877. С. 8–25; Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1905. Т. 2. С. 2–3.

Наряду с актами властвования, которые являются простым исполнением велений законов, исполнительная власть издает также такие акты властвования, которые вносят в нормативно-правовое регулирование нечто новое. Если в актах первого вида проявляется подчиненная закону функция властвования, то в актах второго вида – функция творческая, свободная, подчиненная закону только в своих формах¹⁰⁹.

Не дело законодательной власти в правовом государстве определять во всем многообразии деятельность исполнительной власти, предписывать ей все и вся. Если даже и предположить, что теоретически и практически это возможно, то в таком случае исполнительная власть оказалась бы полностью поглощена законодательной, ее существование потеряло бы всякий смысл и она не имела бы никакого значения как самостоятельная власть. Исполнительная власть на то и имеет самостоятельность, отделена от законодательной власти, что вне этой самостоятельности, возможности реализовать самое себя она не мыслима и не возможна как власть.

Из положения о самостоятельности исполнительной власти, невозможности сведения ее роли только к осуществлению предписаний, установленных законодателем, вытекает то, что нормативные правовые акты, издаваемые исполнительной властью, имеют самостоятельное содержание. Если роль исполнительной власти не сводится только к слепому следованию актам законодательной власти, к тому, чтобы подводить частные случаи под общие черты закона, то, следовательно, акты исполнительной власти вполне могут носить нормативный характер, быть общими правилами, которые касаются целого ряда однородных случаев, которых не касается закон¹¹⁰.

Отсюда вытекает, что задача исполнительной власти не может быть исчерпана исполнением законов. Конечно,

¹⁰⁹ Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 3.

¹¹⁰ Градовский А. Д. Закон и административное распоряжение по русскому праву // Сборник государственных знаний. СПб., 1874. С. 5; Он же. Начало русского государственного права. СПб., 1875. С. 1–14.

исполнение законов входит в круг ее обязанностей, но эта сторона исполнительной деятельности есть только лишь часть задач исполнительной власти¹¹¹. Вторая и не менее важная сторона деятельности исполнительной власти состоит в том, чтобы, опираясь непосредственно на Конституцию государства и не нарушая действующего законодательства, стремиться к достижению всех целей государства, в том числе и с помощью издания нормативных правовых актов в пределах установленных Конституцией компетенции исполнительной власти.

Орган конституционно-правового надзора (суда) может в соответствии с Конституцией признать акты исполнительной власти антиконституционными и неправовыми, то же самое он может сделать и с актами власти законодательной, в чем, кстати, проявляется равенство этих властей во взаимоотношениях друг с другом. Но в рамках предоставленных исполнительной власти полномочий она самостоятельна. Подзаконность ее актов вовсе не означает отсутствия права на нормотворчество¹¹², а лишь подчеркивает верховенство, первенство законодательной власти на официальное признание и выражение правовой природы общественных отношений. В то же время верховенство законодательной власти не может быть абсолютным, ее первенство в сфере действия права имеет относительный характер. Она обладает, безусловно, в этой сфере преимуществом перед исполнительной властью, так как формулирование общеобязательных правил поведения составляет для нее основное назначение. В этом состоит ее сущность и вне реализации именно данной функции законодательная власть просто немыслима как самостоятельная власть.

¹¹¹ Градовский А. Д. Закон и административное распоряжение по русскому праву // Сборник государственных знаний. С. 5; Он же. Начало русского государственного права. С. 1–14.

¹¹² Казьмин И. Ф., Поленина С. В. «Закон о законах»: проблемы издания и содержания // Сов. государство и право. 1989. № 12. С. 6–9; Никитинский В. И. Перестройка фундамента законодательства о труде // Сов. государство и право. 1990. № 7. С. 60 и др.

Осуществление законодательной властью части иных функций верховной государственной власти – исполнительных, контрольных и т. д. – не является для нее главным, существенным. Все иные, кроме законодательной, осуществляемые ею функции имеют назначение способствовать наиболее полному выполнению основной задачи – формированию общеобязательных правил поведения. В то же время, как убедительно свидетельствует опыт функционирования правовых государств в современном мире, где последовательно проведено разделение исполнительной и законодательной властей, нигде не удалось лишить исполнительную власть необходимых и предоставленных ей Конституцией нормотворческих полномочий, свести функцию законодательной власти только к установлению юридических норм, а исполнительной – только к их исполнению.

Прочертить границу между законодателем и исполнительной властью в нормотворчестве весьма не просто. Будучи в основных чертах закрепленной в Конституции, она все же подвержена эволюционным изменениям, определяется во многом практикой государственного строительства в результате противодействия и сотрудничества законодательной и исполнительной властей. В самом широком смысле можно, по-видимому, утверждать, что законодательная власть вправе действовать в той части (сфере) имеющих правовую природу общественных отношений, ведение которых отнесено Конституцией высшему законодательному органу государства. Исполнительная же власть вправе издавать нормативные правовые акты по вопросам, отнесенным Конституцией к ведению органов государства, осуществляющих функции исполнительной власти.

В то же время в правовом государстве должен существовать и тот минимум нормотворческих полномочий, поступиться которыми исполнительная власть ни в коем случае не может, а законодательная посягнуть на него не имеет права. Это своего рода «исключительные нормотворческие полномочия» исполнительной власти. Именно этот минимум

нормотворческих полномочий и составляет для законодателя еще один предел – ограничитель организационно-правового характера. В теоретическом отношении он не выходит за пределы очерченных в Конституции полномочий исполнительной власти, хотя, конечно, уже их. В практическом плане этот ограничитель определяется возможностью и способностью исполнительной власти самостоятельно, не нарушая Конституцию и принятые законы осуществить правовое регулирование общественных отношений.

Распределение сферы действия права между законодательной и исполнительной властью не должно закрепляться в Конституции лишь в общих формулировках, как это имеет место сейчас. В условиях правового государства – это принципиальнейший вопрос. И здесь должна быть четкость и полная ясность, исключающая двусмысленность и неопределенность. Вместе с тем следовало бы во избежание излишней жесткости и «конфронтации» властей предусмотреть в Конституции определенную сферу сотрудничества, своеобразную «буферную» зону, имея, в частности, в виду и то обстоятельство, что провести четкие и однозначные границы в их компетенции не всегда представляется возможным. Вряд ли можно именовать данную сферу совместной компетенцией законодательных и исполнительных органов. Законодательная и исполнительная власти в правовом государстве имеют различный характер и разное назначение, так что сотрудничать они могут и вправе, но совместную компетенцию иметь не должны. Кроме того, создание сферы совместной компетенции законодательной и исполнительной властей по существу придавало бы легальные, конституционные основания для вмешательства одной из властей в прерогативы другой власти. А это могло бы привести при определенных обстоятельствах к узурпации значительной части верховной государственной власти в руках одного из органов государства.

Понятие подзаконности актов исполнительной власти в условиях разделения властей приобретает несколько иное, чем это было ранее, содержание. Не является уже безуслов-

ным положение, согласно которому в случае расхождения нормативных правовых актов исполнительной власти с законом должен действовать непременно, как это было ранее, закон. В случае конкуренции нормативно-правовых актов исполнительной власти и закона спор должен решаться третьей силой – органом конституционно-правового контроля (суда), который может признать неконституционными, неправовыми не только акты исполнительной власти, но и законы.

Более того, в условиях разделения властей всегда могут появиться вопросы, которые не отнесены безусловно Конституцией ни к компетенции высшего законодательного органа, ни к компетенции органов исполнительной власти. И если ранее, при провозглашении полновластия Советов народных депутатов, Верховный Совет мог решить по своему усмотрению любой вопрос и Совет Министров в этом случае не мог бы в принципе урегулировать его иначе, то в новых условиях подобная ситуация далеко не бесспорна. Вопрос может быть урегулирован исполнительной властью, но в рамках Конституции государства у высшего органа законодательной власти уже в этом случае нет конституционных оснований урегулировать его в законе. Спор о конституционности актов исполнительной власти и о полномочиях в этом случае опять-таки может решить только орган конституционно-правового контроля (суда). Таким образом, в буквальном смысле слова подзаконными могут считаться только те нормативные акты исполнительной власти, которые изданы во исполнение и развитие законов. В отношении же актов, изданных в порядке реализации собственных полномочий органами исполнительной власти и опирающихся непосредственно на Конституцию государства, понятие подзаконности вряд ли применимо. Более точно здесь использовать понятие конституционности актов.

Анализируя акты, издаваемые высшими органами исполнительной власти, можно выделить следующие их виды:

1. Нормативные акты, издаваемые органами исполнительной власти в порядке реализации собственной компетенции,

закрепленной за ними в Конституции государства. В актах этого вида содержится очень много первичных норм права.

2. Акты, изданные в порядке реализации собственной компетенции, но для проведения в жизнь законов. Эти акты в буквальном смысле слова являются подзаконными, они не могут противоречить законам, отменять их или изменять. В случае расхождения подобного рода актов высшей исполнительной власти и закона действует закон.

3. Акты высшего органа исполнительной власти, изданные по вопросам, временно делегированным ему высшим законодательным органом. Подобного рода акты подлежат последующему контролю не только со стороны органов Конституционного контроля, но и со стороны высших законодательных органов, которые могут отменять их.

4. Акты, изданные высшими органами исполнительной власти для регулирования общественных отношений, входящих в сферу действия права, но не отнесенных безусловно ни к ведению высшего законодательного органа, ни к ведению исполнительной власти. Подобного рода акты подлежат, конечно, контролю со стороны органов конституционно-правового контроля (суда). Они должны носить правовой характер, быть изданы в соответствии с Конституцией государства.

Означает ли сказанное о соотношении актов, издаваемых исполнительной властью с законами, что принцип верховенства закона, само понятие верховенства закона теряют свое значение, не применимы для характеристики системы нормативных правовых актов? Думается, что нет. Все дело в том, что нет единого, универсального, пригодного для любой и всякой правовой системы принципа верховенства закона. Место и роль закона среди источников положительного права зависят от очень многих обстоятельств: формы правления, формы государственного устройства, государственно-правового режима, характера правовой системы, видов источников права и т. д.

Есть принцип верховенства закона как ценность, как идеал. Но наряду с ним есть принцип верховенства закона

как определенная форма воплощения в той или иной системе организации верховной государственной власти, в той или иной правовой системе. В этом смысле выведение, обоснование принципа верховенства закона из полновластия представительных органов власти всего лишь один из множества теоретически, юридически и практически возможных путей (форм) его воплощения. Нет полновластия представительных органов власти, но остается принцип верховенства закона. Он наполняется новым содержанием.

В условиях разделения властей принцип верховенства закона выражается прежде всего в том, что закон остается основным писанным источником положительного права. Важно, что закон при этом издается органом, для которого формулирование общеобязательных правил поведения является основным назначением. В этом состоит одна из существенных черт закона. В руках законодателя сосредоточивается особая «направляющая» миссия, потому что в издаваемых законодательной властью актах формулируются нормативно обязательные для государства в целом стандарты, нормы, рамки поведения, действия. Конечно, законодатель принимает акты и индивидуально-правового характера. Но деятельность законодателя носит в этом случае как бы вспомогательный характер, она не определяет существа высшей законодательной власти. Основная форма (способ) бытия законодательной власти состоит в выражении правовой природы общественных отношений на языке общеобязательных норм права, а не актов индивидуально-правового характера.

В отличие от законодателя исполнительная власть призвана прежде всего проводить в жизнь Конституцию и законы государства и действовать при этом индивидуально-правовыми средствами. И в этом состоит главное, основное назначение исполнительной власти. Конечно, в рамках предоставленных полномочий исполнительная власть вправе издавать и нормативные правовые акты. Но все же издание общеобязательных правил поведения, сколь бы ни было велико их число, для исполнительной власти не является

основным назначением, не выражает, так сказать, ее основного назначения, существа данной ветви власти. Функция нормотворчества имеет для исполнительной власти вспомогательное значение.

Кроме того, исполнительная власть не наделяется правом формирования для самой себя нормативной основы. Основные моменты правового положения исполнительной власти в целом определены в Основном законе государства – Конституции, вносить изменения в которую имеет право лишь высший законодательный орган государства. Исполнительная власть таким правом не наделена. В этом также проявляется верховенство закона среди иных источников права, в том числе и над нормативными правовыми актами исполнительной власти.

Верховенство закона проявляется далее и в том, что изданные в соответствии с Конституцией государства законы являются обязательными для исполнения всей ветвью исполнительной власти. Закон, таким образом, предопределяет характер, основные направления, порядок и формы деятельности исполнительной власти, а соответственно и содержание нормативных правовых актов органов исполнительной власти. В то же время исполнительная власть не вправе издавать общеобязательные для деятельности высшего законодательного органа власти страны нормативные правовые акты, не может регламентировать порядок, основные направления и формы деятельности законодателя.

Очень важное проявление верховенства закона состоит в том, что в законе и только в законе, прежде всего в Конституции государства, закладываются, выражаются отправные, фундаментальные принципы, идеи построения и развития правовой системы страны. И никто, кроме законодателя, не вправе вносить изменения в фундамент правовой системы. Ни теоретически, ни практически в государстве не может быть двух центров, которые бы строили правовую систему на прямо противоположных принципах. Эти

принципы исходят из одного центра, которым выступает законодательная власть. Происходит это благодаря тому, что именно законодательная власть, а не исполнительная располагает учредительными полномочиями. С юридической точки зрения верховенство Конституции и законов основывается на существовании учредительной власти, которую народ, ею обладающий, в конечном счете делегирует одному из органов государства¹¹³. Орган государства, наделенный учредительными полномочиями, получает возможность формировать правовую систему государства путем принятия Конституции государства, внесения в нее изменений и дополнений. Юридическая доктрина рассматривает акты, принимаемые органом, располагающим учредительными полномочиями, имеющими высшее место в иерархии юридических норм¹¹⁴.

2.2.2. Количественное соотношение между видами актов и проблемы верховенства закона

Помимо изучения качественных признаков закона, определяющих его верховенствующее положение, не менее важно исследовать и его количественные параметры. Можно предположить, что численная величина законов оказывает влияние на их качественное своеобразие и соответственно на положение в системе источников права в целом. Отсутствие, например, урегулированности тех или иных общественных отношений законом в тех случаях, когда это необходимо, возмещается обычно регламентированием их нормативными правовыми актами иных видов, что никак не способствует укреплению верховенства закона. Происходит по сути дела скрытое перераспределение полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти в пользу последней.

¹¹³ Демишель А., Демишель Ф., Пикемаль М. Институты и власть во Франции. М., 1977. С. 23.

¹¹⁴ Там же. С. 25.

В этом плане важно выяснить: а) каково соотношение принимаемых законов и других видов нормативных правовых актов, чем оно определяется, каковы тенденции и перспективы изменения данного соотношения; б) влияет ли и в каких направлениях количественная величина законов она их место и роль в системе источников права.

Однако было бы ошибкой полагать, что сами по себе только количественные характеристики закона в состоянии вскрыть его природу и подлинное место в системе источников права. «С помощью закона больших чисел, – подчеркивает С. И. Гончарук, – нельзя вскрыть сущность массовых явлений, причину устойчивости частот в том или ином процессе или тенденцию их изменения. Они не выражаются через усреднение массовых явлений. Закон больших чисел в лучшем случае может характеризовать количественные закономерности суммативных отношений, но он не определяет внутренние, глубинные связи в целостных системах»¹¹⁵.

Использование количественных методов характерно на стадии обнаружения повторяемости явлений и процессов, в разработке отдельных аспектов изучаемого процесса, в обнаружении сферы его действия, в конкретизации отдельных случаев его проявления. Статистика характеризует периоды, темпы развития общественного процесса, степень его распространения, направление движения, смену его форм. Познание качества явлений во всей их конкретности предполагает анализ структуры явлений, их элементов и связей.

Исследование количественных параметров закона проведем следующим образом. Вначале изучаем то, чем характеризовалось количественное соотношение между законами и иными видами актов до реформы политической системы СССР, т. е. до формирования Съезда народных депутатов СССР и постоянно действующего Верховного Совета СССР, до учреждения поста Президента СССР и начала разделе-

¹¹⁵ Гончарук С. И. Законы развития и функционирования общества. М., 1977. С. 45.

ния законодательной и исполнительной власти. Затем рассмотрим, как в количественном плане выглядело соотношение законов с нормативными актами Президента СССР и актами Правительства СССР.

Во втором случае важно выяснить, какая из властей (законодательная или исполнительная) проявляла большую активность в заполнении сферы действия права. При этом следует показать соотношение актов законодательной и исполнительной ветвей власти в тех государствах, где принцип разделения властей давно стал практикой государственно-правового строительства. Иными словами, надо дать сравнительный анализ количественного соотношения актов в разных правовых системах, чтобы выяснить устойчивую тенденцию и на этой основе сделать определенные выводы о путях повышения верховенства закона.

Известно, что с 1938 по 1988 г. было принято 80 «первичных» законов СССР и 150 законов об утверждении указов Президиума Верховного Совета СССР, причем нередко каждым из таких законов утверждалось несколько указов (от 2 до 6). Удельный вес законов составлял не многим более 0,25% от общего числа нормативных правовых актов высших органов власти и управления СССР. По многим областям жизни вообще не было ни законов, ни указов, и они регулировались лишь правительственными постановлениями, содержащими первичные нормы права¹¹⁶.

Ежегодно в стране только на союзном уровне принималось от 400 до 600 нормативных правовых актов. По данным ВНИИСЗ в 1988 г. в СССР действовало свыше 30 тыс. общесоюзных нормативных правовых актов. Массив же республиканского законодательства составлял около 10 тыс. актов. Для сравнения: по состоянию на 1985 г. в стране действовало от 12 до 15 тыс. ведомственных нормативных правовых

¹¹⁶ Тихомиров Ю. А. Закон в социалистическом правовом государстве // Сов. государство и право. 1988. № 10. С. 4; Лазарев Л. В., Слива А. Я. Конституционная реформа: первый этап. М., 1989. С. 68; Лазарев Б. М. Что такое правовое государство? М., 1990. С. 37.

актов¹¹⁷, более точную цифру действовавших ведомственных нормативных правовых актов назвать невозможно, так как в стране практически не было их общеобязательного учета.

Каким же было количественное соотношение важнейших видов нормативных правовых актов в иерархической структуре законодательства: законов, нормативных актов Президиума Верховного Совета СССР, актов Совета Министров? Возьмем для примера нормативные правовые акты, изданные за период с 1969 по 1986 г., за 9 лет до и после вступления в силу Конституции СССР 1977 г.

Анализ показывает, что взятое за единицу количество изданных законов¹¹⁸ дает следующее соотношение между законами и нормативными актами Президиума Верховного Совета СССР, с одной стороны, и между законами и нормативными актами Совета Министров СССР – с другой: 1 : 5,7 : 62. При этом процент законов в общем объеме вновь принимаемых актов составлял 1,46, актов Президиума Верховного Совета СССР – 8,3, актов Совета Министров СССР – 90,24. Но это общие цифры для всего массива законодательства. Что же касается процентного соотношения между видами актов на уровне отдельных отраслей законодательства, то они существенно отличались. В сфере хозяйственного законодательства вес законов не превышал никогда 1%, а удельный вес нормативных актов Президиума Верховного Совета – 2%, поскольку хозяйственные отношения были практически «вотчиной» правительственного нормотворчества и нормотворчества министерств и ведомств.

Иное процентное соотношение между видами актов наблюдалось в области государственного права, где уже в то время ярко проявлялась тенденция ко все большему закреплению отношений в форме закона. Вес законов в системе законодательства об общественном и государственном строе составлял 24%, почти ежегодно в этой области при-

¹¹⁷ Сов. государство и право. 1987. № 3. С. 129.

¹¹⁸ В том числе законов, которыми утверждались Указы Президиума Верховного Совета СССР.

нималось по одному государственно-правовому закону, за период с 1937 по 1976 г. на уровне Союза ССР было принято около 150 актов, содержащих государственно-правовые нормы, из них законов («чистых», без утвержденных законом указов) – 33, или 24%; постановлений Верховного Совета и его палат – 7, или 5%; нормативных указов Президиума Верховного Совета СССР – 60, или 43%; постановлений Президиума Верховного Совета СССР – 25, или 18%; постановлений Совета Министров – 15, или 10%¹¹⁹.

Соотношение между взятыми за единицу законами и нормативными актами Президиума Верховного Совета СССР и нормативными актами Совета Министров СССР за этот период (1969–1986 гг.) выглядит следующим образом – 1 : 9,2. Законодательные акты составляли 9,8%, а акты Совета Министров СССР – 91,2%.

Анализ количественных показателей соотношения законов и нормативных указов Президиума Верховного Совета СССР свидетельствует, что число актов Президиума было в среднем в 5,7 раза больше числа законов. Это в основном было обусловлено различием в характере работы органов, издававших названные виды актов. В то время как Верховный Совет СССР работал в сессионном порядке 2 раза в год, Президиум Верховного Совета СССР был постоянно действующим органом Верховного Совета СССР, подотчетным ему во всей своей деятельности и осуществляющим в пределах, предусмотренных Конституцией, функции высшего органа государственной власти СССР в период между сессиями.

Полученные данные свидетельствуют также о том, что число изданных Советом Министров СССР нормативных актов значительно больше числа законов (в среднем в 62 раза), а также всех законодательных актов (в среднем в 9,2 раза). Однако данное соотношение не было связано с различием в объеме полномочий издававших эти виды актов органов.

¹¹⁹ Лукьянова Е. А. Источники советского государственного права в период между двумя конституциями (1936–1977 гг.) // Сов. государство и право. 1990. № 2. С. 124.

Верховный Совет СССР был высшим органом государственной власти страны, тогда как Совет Министров СССР – высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти. Поэтому, исходя лишь из различий в их полномочиях, логично было бы предположить картину, противоположную той, которая была получена в действительности. Дело в том, что Верховный Совет СССР был правомочен решать все вопросы, которые были отнесены к ведению Союза ССР, и, следовательно, количество принимаемых им актов не могло быть ограничено никем и ничем.

Очевидно, полученное соотношение было обусловлено причинами иного рода. Деятельность высших в то время органов власти и управления была подчинена решению стоящих перед обществом задач на каждом конкретном этапе его развития. Однако если Верховный Совет устанавливал общие направления в решении социально-политических задач как органов власти, так и органов управления, то деятельность Совета Министров была направлена главным образом на выполнение социально-экономических задач. Таким образом, деятельность Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, будучи однородной по существу, отличалась конкретным содержанием стоящих перед ними задач.

Далее, если основной формой работы Верховного Совета СССР были сессии, создаваемые 2 раза в год, то заседания правительства проводились не реже 1 раза в квартал. Кроме того, Совет Министров СССР принимал нормативные акты на заседаниях своего постоянно действовавшего органа – Президиума Совета Министров СССР. Было немало и нормативных распоряжений, которые принимались единолично.

Определенный интерес представляет динамика соотношения показателей при их сопоставлении до принятия Конституции СССР 1977 г. и после ее вступления в силу. Как известно, вступление в силу Конституции СССР 1977 г., Конституций союзных и автономных республик повлекло за собой существенное обновление и совершенствование

правовой основы государственной и общественной жизни. Более активной стала правотворческая деятельность Верховного Совета СССР и его Президиума. Утверждение Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 12 декабря 1977 г. «Плана организации работы по проведению законодательства Союза ССР в соответствии с Конституцией СССР»¹²⁰ придало правотворческой деятельности Верховного Совета СССР, его Президиума и Совета Министров СССР планомерный, более организованный характер. Этому, безусловно, способствовало также принятие «Плана подготовки законодательных актов и постановлений Правительства на 1983–1985 гг.», а также «Плана подготовки законодательных актов СССР, постановлений Правительства СССР и предложений по совершенствованию законодательства СССР на 1986–1990 гг.»¹²¹.

Учитывая то, что процесс обновления и совершенствования законодательства приобрел после принятия Конституции СССР 1977 г. плановый характер¹²², можно предположить, что соотношение исследуемых видов нормативно-правовых актов после 1977 г. было более устойчивым и характерным для них в действовавшей тогда структуре органов власти и управления. С этой целью сопоставим средние показатели соотношения исследуемых видов нормативно-правовых актов с 1969 по 1977 г. и с 1978 по 1986 г. со средним показателем в целом за период с 1969 по 1986 г. (по отношению к взятым за единицу законам):

Период	1969–1977 гг.	1978–1986 гг.	1969–1986 гг.
Нормативные акты Президиума Верховного Совета СССР	6,3	5,4	5,7
Нормативные акты Совета Министров СССР	61	63	62

¹²⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 51. Ст. 764.

¹²¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 39. Ст. 743; 1986. № 37. Ст. 782.

¹²² Самошенко И. С. Планирование законодательства в СССР // Сов. государство и право. 1983. № 3. С. 4.

Подобное сравнение законодательных актов и нормативных актов Совета Министров СССР по отношению к законодательным актам, взятым за единицу, выглядит следующим образом:

Период	1969–1977 гг.	1978–1986 гг.	1969–1986 гг.
Нормативные акты Совета Министров СССР	8,4	9,7	9,2

При этом законы составляли в общем объеме актов за период с 1969 по 1977 г. 1,5%, за период с 1978 по 1986 г. – 1,4%, за период с 1969 по 1986 г. – 1,46%. Те же данные в отношении актов Президиума Верховного Совета СССР: соответственно 9,2%, 7,9%, 8,3%. В целом законодательные акты в общем объеме исследуемого массива за указанные периоды – 10,6%, 9,3%, 9,8%.

Анализ средних показателей количественного соотношения законов и нормативных правовых актов Президиума Верховного Совета СССР выявил, что средний показатель соотношения за период с 1978 по 1986 г. (5,4) меньше не только среднего показателя такого соотношения за период с 1969 по 1977 г. (6,3), но и среднего показателя в целом с 1969 по 1986 г. (5,7). Это свидетельствует о том, что после принятия Конституции СССР 1977 г. в системе действовавшего тогда законодательства наметилась тенденция возрастания числа законов. Аналогичный средний показатель количественного соотношения законов и нормативно-правовых актов Совета Министров СССР (63) больше среднего показателя такого соотношения для этих видов актов в целом с 1969 по 1986 г. (62) и больше того показателя за период с 1969 по 1977 г. (61). Таким образом, после 1977 г. Совет Министров СССР, так же как и Верховный Совет СССР, значительно усилил свою правотворческую деятельность, число его актов по отношению к законам возросло.

Но самое важное, пожалуй, состоит в том, что при анализе полученных данных обнаруживается снижение удель-

ного веса законов в общем объеме нормативных правовых актов верхнего законодательного эшелона в период после принятия Конституции СССР 1977 г. Так, если процент законов в общем объеме вновь принимаемых актов до 1978 г. был равен 1,5, то после 1977 г. – 1,4. Одновременно в рассматриваемый период произошло снижение удельного веса законодательных актов в целом. До 1978 г. они составляли 10,6%, а после 1977 г. – 9,3%. Наблюдался рост нормативных правовых актов Совета Министров СССР: до принятия Конституции СССР 1977 г. – 89,51%, а после 1977 г. – 90,65%.

Вступление в действие Конституции СССР 1977 г., последовавшее за этим обновление и совершенствование законодательства привели к росту числа законов в системе нормативных правовых актов. В силу этого обстоятельства у ученых-юристов и практиков появилась надежда на то, что роль закона в регулировании общественных отношений усилится. Однако очень скоро стало ясно, что такого рода ожидания не состоятельны. Дело в том, что абсолютный рост числа законов, как это наглядно видно из приведенных выше данных, не изменил (и это очень важно!) общего соотношения законов, законодательных актов и нормативных правовых актов Совета Министров СССР в пользу законов.

Произошло это, как представляется, потому, что наряду с абсолютным ростом числа законов увеличилось и число нормативных правовых актов Президиума Верховного Совета СССР, и особенно Совета Министров СССР. При этом рост абсолютного числа последних происходил гораздо быстрее, чем законов. И как следствие – небольшое возрастание удельного веса законов по отношению к нормативным правовым актам Президиума Верховного Совета СССР, но его снижение по отношению к актам Совета Министров СССР и нормативным правовым актам высших органов государственной власти в целом.

Иного и не могло произойти в ранее существовавшей системе законодательства, которая была, в свою очередь, лишь проекцией действовавшей структуры органов власти

и управления, при которой Верховный Совет СССР и его Президиум по существу своему были лишь внешней декорацией реального механизма осуществления власти в стране. Фактическая власть принадлежала высшим эшелонам Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР был рабочим инструментом, который осуществлял нормативное оформление проводимой политики, издавал основную массу нормативных правовых актов в СССР.

Законы Верховного Совета СССР и очень многие Указы Президиума Верховного Совета СССР, внешне как будто венчавшие всю пирамиду нормативных правовых актов в стране, не могли в тех условиях регулировать общественные отношения во всей полноте и конкретно. Содержание издаваемых ими актов характеризовалось большой степенью абстрактности, в них было много норм большой степени общности, конкретное же регулирование общественных отношений осуществлялось актами Совета Министров СССР. Наличие значительного числа норм обобщенного характера в законах и указах (хотя указы и отличались все же более конкретным содержанием) требовало с неизбежностью их конкретизации в актах нижестоящего уровня, в том числе ведомственных.

Такая практика правотворчества привела к тому, что сформировалась одна из тенденций правового регулирования общественных отношений: обобщение правовых предписаний неизбежно требовало последующей их конкретизации. Если в актах высшей правовой силы увеличивалось число норм обобщенного характера, то это неизбежно должно было сопровождаться ростом числа подзаконных актов.

Указанная тенденция была присуща не только советской правовой системе, но и развитию законодательства тех государств, которые сформировали свою политическую систему, скопировав ее с политической системы СССР. Так, венгерский ученый М. Кором, например, отмечал, что, хотя законодатель в Венгрии и стремился к тому, чтобы все большее число основополагающих вопросов жизни реша-

лось посредством законов, одновременно возрастало и число проблем, для решения которых требовались правовые нормы более низкого уровня¹²³.

Кроме того, следует иметь в виду и то обстоятельство, что с введением в действие Конституции СССР 1977 г. произошло усиление союзного начала в законодательстве, а это неизбежно привело к тому, что в союзных законах увеличилось число норм высокой степени общности. Особенно это было заметно в сфере совместной союзно-республиканской компетенции, где решение ряда вопросов по существу было передано в ведение Союза ССР. Но если ранее их регулирование обычно осуществлялось в форме республиканских законов, то после 1977 г., как правило, – актами Совета Министров СССР и реже – актами Президиума Верховного Совета СССР. На уровне Союза ССР это привело к увеличению нормативно-правовых актов Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, но практически не оказало заметного влияния на число общесоюзных законов.

Активность Совета Министров СССР в сфере правотворчества и соответственно этому рост числа его нормативных правовых актов объясняются, кроме всего прочего, еще и тем, что высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти фактически монопольно регулировал всю сферу хозяйственных отношений, которые всегда отличаются исключительной степенью подвижности и постоянно требуют изменений в их нормативном правовом регулировании.

Представляется, что все вышеозначенные обстоятельства вместе взятые и обусловили снижение удельного веса законов после принятия Конституции СССР 1977 г.

Конечно, полученное выше соотношение между исследованными видами актов могло меняться как в сторону повышения удельного веса законов, так и в обратном направлении, но вряд ли в тех условиях можно было ожидать резкого

¹²³ Кором М. Актуальные вопросы законодательства в ВНР // Сов. государство и право. 1978. № 2. С. 44.

изменения пропорционального соотношения в пользу законов. Такое изменение было возможно лишь в определенных, весьма незначительных пределах, поскольку факторы, лежащие в основе полученного соотношения между видами нормативных правовых актов, носили не сиюминутный, а долговременный характер.

Ситуация с количественным соотношением между видами нормативных правовых актов верхнего законодательного эшелона резко изменилась после того, как в ходе коренного реформирования советской политической системы была существенным образом изменена структура высших органов власти и управления. Создание постоянно действующего высшего органа законодательной власти – Верховного Совета СССР, а затем и разделение законодательной и исполнительной власти, учреждение поста Президента СССР, возглавившего всю ветвь исполнительной власти, привели к существенным изменениям в законотворческом процессе, во взаимоотношениях между органами высшей власти, в количестве издаваемых ими нормативных правовых актов.

За два года работы (с 3.06.1989 г. по 3.06.1991 г.) Верховный Совет СССР и Съезд народных депутатов СССР приняли 113 законов¹²⁴. С момента учреждения в марте 1990 г. поста Президента СССР по 3 июня 1991 г. были изданы 62 нормативных указа Президента СССР¹²⁵. Число нормативных правовых актов, издаваемых Правительством СССР (вначале Советом Министров, а затем Кабинетом Министров СССР), несколько сократилось по сравнению с предыдущими годами, но в среднем составляло не менее 250–300 актов в год.

Каким же стало количественное соотношение важнейших видов нормативных правовых актов в иерархической структуре законодательства: законов, указов Президента СССР, актов Правительства СССР?

¹²⁴ Как подписывать договор // Известия. 1991. 4 июня.

¹²⁵ Данные взяты из Ведомостей Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР.

Анализ показывает, что взятое за единицу количество изданных Съездом народных депутатов СССР и Верховным Советом СССР законов дает следующее соотношение между законами и актами Президента СССР, с одной стороны, между законами и нормативными правовыми актами Правительства СССР – с другой: 1 : 0,71 : 5. При этом удельный вес законов в общем объеме вновь принятых нормативных правовых актов составил 15,6%, актов Президента СССР – 10,8%, актов Правительства СССР – 73,6%.

Соотношение между взятыми за единицу законами и нормативными правовыми актами исполнительной власти (акты Президента СССР плюс акты Правительства СССР за тот же период) выглядит следующим образом – 1 : 6. Причем законы составляют 15,6%, а акты исполнительной власти – 84,4%.

Анализ количественных показателей соотношения законов и нормативных правовых актов Президента СССР свидетельствует, что число законов было в среднем в 1,4 раза больше числа актов Президента СССР.

Таким образом, перемены в структуре высших органов власти и управления, и в особенности в характере их деятельности, привели к тому, что законодательная деятельность Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов СССР значительно активизировалась, очень сильно вырос удельный вес принятых ими законов в общем объеме нормативных правовых актов, изданных всеми высшими органами власти и управления. Увеличение было в среднем в 16 раз.

Если в прежней системе органов власти и управления численная величина законов никогда не превышала 1%, то после их реформирования она увеличилась до 15,6%. Причем рост удельного веса законов в общей массе актов законодательства одновременно сопровождался увеличением их числа и роли в тех отраслях законодательства, где традиционно ощущался недостаток или даже полное их отсутствие. Так, если в сфере хозяйственного законодательства

удельный вес законов был минимальным, то среди вновь принятых нормативных правовых актов удельный вес законов, регулирующих хозяйственные отношения, вырос до 11,3%. Число же законов в области государственного права, хотя и было традиционно высоким, возросло еще больше. Если ранее удельный вес их здесь был равен 24%, то вырос он до 87%.

В то же время, как это вытекает из полученных данных, даже превращение Верховного Совета СССР в постоянно действующий орган законодательной власти не привело к устранению из сферы нормотворчества исполнительной власти. Число нормативных правовых актов, издаваемых этой ветвью власти, оставалось весьма значительным в общем объеме нормативных правовых актов, издаваемых всеми высшими органами власти страны. Их удельный вес составлял 84,4%. Если учесть еще и то обстоятельство, что министерства и ведомства продолжали издавать значительное число нормативных правовых актов, то окажется, что и в новых условиях основная часть сферы действия права по-прежнему заполнялась не законодательной, а исполнительной властью.

Можно, конечно, предположить, что процесс последовательного разделения властей, отмена устаревших и утративших свое значение нормативных правовых актов правительства, министерств и ведомств (а этот процесс набирал силу!) привело бы к дальнейшему росту удельного веса законов в общем объеме нормативных правовых актов.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что рост числа законов в общей массе нормативных правовых актов не привел автоматически к укреплению его верховенствующего положения в системе законодательства. Более того, авторитет права вообще и законов в частности значительно упал. Конечно, падение авторитета закона произошло отнюдь не потому, что значительно увеличилось их число. Здесь не просматривается какой-либо прямой зависимости. Но такая картина с верховенством закона наводит на мысль о том, что только количественные перемены в соотношении законов

и иных видов нормативных правовых актов не могут сыграть определяющей, ведущей роли в повышении его верховенства.

Проблема повышения верховенства закона охватывает широкий спектр вопросов и поэтому не может быть сведена только к изменению пропорционального соотношения между видами актов в пользу закона. Если верно то, что количественное преобладание подзаконных актов никак не означает снижения роли, значения, престижа закона¹²⁶, то, наверное, только количественный рост законов не может быть единственным и самым важным средством повышения его авторитета и верховенства.

Увеличение удельного веса законов как вида актов — лишь один из аспектов решения этой задачи. Вместе с тем в поисках путей повышения верховенства закона следует, безусловно, учитывать и количественную сторону проблемы, в частности, тот факт, что в результате проведенных преобразований в структуре и характере деятельности высших органов власти бывшего СССР наметилась тенденция увеличения удельного веса законов в общем объеме вновь принимаемых актов и в то же время падение авторитета закона.

При исследовании вопроса о количественном соотношении между видами актов и влияния количественных параметров на верховенство закона следует, безусловно, учитывать и опыт законоотворчества в тех странах, где сложились стабильные, устоявшиеся правовые системы, давно утвердилась практика разделения правотворческих полномочий между законодательной и исполнительной властью. Практика законоотворчества в таких государствах, как США, Франция, ФРГ, однозначно свидетельствует о том, что исполнительная власть там играет очень важную роль в создании общеобязательных правил поведения.

Во всех этих государствах число законов, принятых по правительственным проектам, значительно превышает объем

¹²⁶ Зивс С. Л. Источники права. М., 1981. С. 26. При этом как аксиома признается факт отсутствия противоречий между законом и подзаконными актами.

законодательства по инициативе парламентов¹²⁷. Широко распространена практика делегированного законодательства, а также правительственного нормотворчества на основе конституционных полномочий правительства, исполнительной власти в целом, а нередко и при отсутствии таких полномочий. Причем число принятых правительствами правовых норм, регулирующих важные проблемы общественной жизни, существенно превышает количество законов¹²⁸.

С формально-юридической точки зрения акты парламента в Великобритании имеют высшую юридическую силу и непререкаемый авторитет. Однако на деле в количественном отношении (удельный вес в законодательном массиве) пальма первенства в правовой системе страны принадлежит прецедентному праву. Закон же (статут), как свидетельствуют исследования, играет в английском праве второстепенную роль, ограничиваясь лишь внесением коррективов или дополнений в прецедентное право¹²⁹.

Начиная с 1958 г. законотворческий процесс во Франции характеризуется тем, что число законопроектов, инициатива которых исходит от правительства, непрерывно возрастает по сравнению с числом законодательных предложений, инициатором которых является парламент. В период между 1959 и 1965 гг. было принято 467 законов, инициатором которых выступало правительство, и лишь 48 законов, инициатором которых был парламент; соотношение в данном случае составляет 1 : 10¹³⁰. Если учесть еще и то, что значи-

¹²⁷ Olson D. M. *The legislative process: a comparative approach*. Cambridge etc.: Harper & Row, 1980. X. P. 400–450.

¹²⁸ Урьяс Ю. П. Традиции и современность в буржуазной теории государства (на материалах ФРГ) // Проблемы буржуазной государственности и политико-правовая идеология. М., 1990. С. 13; Марченко М. Н. Правовые средства осуществления власти в современном капиталистическом государстве // Сов. государство и право. 1990. № 6. С. 112.

¹²⁹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967. С. 306; Марченко М. Н. Указ. соч. С. 112; Olson D. M. *Op. cit.* P. 412–414.

¹³⁰ Демишель А., Демишель Ф., Пикемаль М. Институты и власть во Франции. М., 1977. С. 124.

тельную часть нормативных правовых актов во Франции издают президент и правительство, то окажется, что удельный вес актов, издаваемых парламентом Франции, будет составлять не более 10%.

Примерная картина с количественным соотношением актов сложилась и в Федеративной Республике Германии, хотя по форме правления она, безусловно, отличается от Франции. На 18 февраля 1977 г. за время существования ФРГ вступили в силу 1480 законов и 2280 постановлений на федеральном уровне. Огромное число актов было принято на уровне земель. Например, в земле Баден-Вюртенберг – 280 законов, 1100 постановлений и 80 000 административных актов¹³¹. На конец 1980-х гг. в ФРГ действовало свыше 1300 федеральных законов; причем ежегодно в среднем издавалось около 130 федеральных законов, 20 законов земель, 480 федеральных указов, 400 указов земель¹³². Пропорциональное соотношение между актами законодательной и исполнительной власти в ФРГ – 1 : 6. Оно, безусловно, отличается от того положения дел, которое сложилось во Франции, но в принципиальном плане общая картина с численным соотношением актов законодательной и исполнительной власти во Франции, равно как и в ФРГ, складывается явно не в пользу законодательной власти.

Президенты США также широко применяют свое право издавать приказы, указы, директивы, инструкции и распоряжения, реорганизационные планы, которые нередко регулируют вопросы, входящие в компетенцию конгресса США, или даже конкурируют с законами по своей юридической силе. Причем наблюдается заметный рост таких актов¹³³.

¹³¹ Kaufman F.-X. Rechtsgefuehe, Verrechlichung und Wandel des Rechts / Hrsg. von E.-J. Lampe. Opladen, 1985. S. 185–199.

¹³² Кленнер Г. От права природы к природе права. М., 1988. С. 246.

¹³³ Барнашов А. М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988. С. 88; Лазарев Б. М. Что такое правовое государство? М., 1990. С. 18–19.

Количественное соотношение между законами и нормативными актами исполнительной власти в Республике Беларусь в принципе ничем не отличается от «среднеевропейского» уровня. Акты исполнительной власти в численном отношении преобладают над законами. Так, примерно за два года работы Верховный Совет Республики Беларусь принял 119 законов¹³⁴ (т. е. в среднем 60 законов за год). В то же время Совет Министров принимал ежегодно не менее 400 нормативных правовых актов. Таким образом, соотношение между законами и актами Совета Министров в Республике Беларусь составляет примерно 1:7.

Два важных обстоятельства (фактора) определяют, как представляется, сложившееся соотношение между видами актов в пользу актов, издаваемых исполнительной властью как в других государствах, так и у нас в стране.

Во-первых, даже постоянно действующие высшие органы законодательной власти не в состоянии принимать неограниченное число нормативных актов. Это невозможно чисто физически. Так, постоянно действующий Верховный Совет СССР принимал в год в среднем не более 50 законов. Парламент ФРГ издает ежегодно не более 130 федеральных законов¹³⁵, парламент Франции – 65–70 законов¹³⁶, английский парламент принимает ежегодно не более 70–80 публичных биллей¹³⁷. Парламент России за два года работы принял 131 закон (27 законов в первом чтении и 153 постановления), т. е. в среднем 65 законов в год¹³⁸. Во-вторых, для современных государств характерно значительное возрастание роли государства вообще и исполнительных органов, в частности, в решении социально-экономических и политических проблем и, соответственно, возрастание объема нормотворческой

¹³⁴ Нар. газета. 1992. 9 крас.

¹³⁵ Кленнер Г. Указ. соч. С. 246.

¹³⁶ Демишель А., Демишель Ф., Пикемаль М. Указ. соч. С. 124.

¹³⁷ Богдановская И. Ю. Закон в английском праве. М., 1987. С. 37.

¹³⁸ Хасбулатов Р. И. Какая власть нужна России // Социол. исследования. 1992. № 11. С. 18.

деятельности. Возрастание роли исполнительных органов власти и рост нормативных правовых актов исполнительной власти – два тесно сопряженных процесса. Нельзя усиливать роль исполнительной власти, лишая ее правотворческих прерогатив. Такого просто не может быть, ибо государство действует не иначе, как разговаривая на языке нормативной логики, т. е. закона.

В связи с этим повышение верховенства закона должно выражаться в укреплении его господства в иерархической структуре законодательства как центра всей системы законодательства. Думается, что одним из возможных путей к этому послужило бы увеличение среди законов числа нормативных правовых актов кодифицированного типа, сочетающих в себе одновременно увеличение числа обобщенных норм и регулирование общественных отношений по существу. В кодифицированных актах, как показывает практика, удается тесно увязать нормы права большой степени общности с более конкретными нормами. Но самое главное состоит, пожалуй, в том, что при сохранении общего пропорционального соотношения между законами и иными видами нормативных правовых актов происходит, во-первых, расширение круга регулируемых законом общественных отношений и, во-вторых, наряду с регулированием в законе общих сторон отношений их конкретная регламентация.

Особую роль кодифицированных актов стали понимать уже в 20-е годы XX в.¹³⁹ При этом подчеркивали их более высокую юридическую силу. Здесь следует указать на Постановление 2-й сессии ВЦИК X созыва от 7 июля 1923 г. «О порядке изменения кодексов, утвержденных ВЦИК»¹⁴⁰. По этому постановлению кодексы выделялись в особую группу законов, они могли быть изменены только сессиями ВЦИК. Лишь в особо исключительных случаях Президиум ВЦИК имел право утверждать поправки к кодексам, которые

¹³⁹ Турубинер А. Советский закон // Революционная законность. 1926. № 19–22. С. 42.

¹⁴⁰ СУ. 1923. № 24. Ст. 530.

вносились ведомствами через Наркомюст СССР. Окончательное же утверждение поправок к кодексам производилось на очередной сессии ВЦИК.

По-видимому, при определении того, насколько конкретный закон в состоянии непосредственно регулировать общественные отношения, следует исходить из его функциональной характеристики. Дело в том, что, занимая верховенствующее положение в системе нормативных правовых актов, закон призван выполнять не только чисто регулятивные, но и другие возложенные на него «обязанности». Речь идет прежде всего об «управленческих» задачах, которые призван решать закон по отношению к иным видам нормативных правовых актов. Реальность законов, их действительность, эффективность непосредственно связаны с наличием соответствующих детализирующих, конкретизирующих и устанавливающих порядок применения законов актов исполнительной власти. Таким образом, удельный вес регулятивного воздействия закона еще не обеспечивает его определяющее влияние в системе общего нормативного регулирования¹⁴¹.

Как регулятивная, так и «управленческая» функции (отличия между ними условны и в известной мере относительны) требуют для своей реализации специфических правовых механизмов и норм права. Регулятивная функция обуславливает наличие в содержании закона конкретных правовых предписаний непосредственного действия, «управленческая» – норм-принципов, норм-целей, т. е. предписаний обобщенного, более абстрактного характера, в которых определяются лишь главные направления и принципы правового регулирования общественных отношений.

При общем количественном росте нормативных правовых актов повышается роль и значение законов как организующих, исходных начал всего правового массива. В тех структурных частях законодательства, где наряду с законом имеются в значительном количестве нормативные правовые акты иных уровней и видов, задачи закона состоят преимуще-

¹⁴¹ Васильев Р. Ф. Акты управления. М., 1987. С. 9–10.

ственно в том, чтобы быть организующим началом, центром, ядром всего нормативного массива, определять виды и состав нормативных правовых актов, решать коллизионные вопросы, формулировать задачи, принципы и цели правового регулирования, иными словами, «управлять» системой актов. Понятно, что регулятивный потенциал закона в подобных случаях будет меньшим.

Одна из причин того, что закон в последние годы значительно потерял свое верховенствующее положение, и состоит как раз в том, что закон во многом утратил свою «управленческую» функцию. Данную функцию в основном выполняли заглавные, отраслевые и межотраслевые законы кодификационного характера. Именно в них содержались сквозные для отраслей законодательства идеи и принципы, определялась структура отрасли, формулировались механизмы разрешения противоречий в системе законодательства, т. е. те «скрепы», которые придавали закону особое значение среди иных нормативных правовых актов.

Строгое следование ранее действовавшего законодателя принципу создания заглавных, отраслевых кодифицированных актов позволяло ему поддерживать «управленческую» функцию законов на должном уровне даже тогда, когда удельный вес законов был незначительным. Реформирование же законодательства, происходящее в настоящее время, характеризуется как раз тем, что резко возросло количество не отраслевых, а комплексных законов, т. е. законов, содержащих нормы разноотраслевой принадлежности. Это способствовало, безусловно, усилению регулятивного потенциала закона, укрепило его регулятивную функцию, но значительно ослабило управленческий потенциал законов в системе нормативных правовых актов.

В условиях существующего ныне пропорционального соотношения между законами и иными видами нормативных правовых актов возлагать на закон функцию непосредственного регулирования общественных отношений в полной мере

возможно лишь в тех сферах общественной жизни, где закон является исключительной или преобладающей формой правовой регламентации. В этом плане укреплению регулятивной функции закона способствовало бы четкое закрепление в законодательном порядке тех сфер общественных отношений, где все вопросы правового регулирования решались бы преимущественно в форме закона¹⁴².

Исключительно важно, чтобы акты, адресованные гражданам, закрепляющие их права и обязанности, издавались высшим законодательным органом власти. Опыт правотворчества свидетельствует, что многие страны бывшего социалистического содружества стали на этот путь уже давно. Так, параграф 54 ранее действовавшей Конституции Венгрии содержал общее правило о том, что вопросы, относящиеся к основным правам и обязанностям граждан, должен был устанавливать закон, хотя на практике это правило и не всегда выдерживалось¹⁴³.

Как известно, в законе не всегда удается сбалансированно решить вопросы и материального, и процессуального характера. И если проблемы наделения граждан правами и обязанностями находят свое отражение чаще всего в законах, то процедура их реализации, порядок защиты нарушенного права далеко не всегда получают должное разрешение в законе.

Выше указывалось, что законы значительно разнятся между собой в плане соотношения регулятивной и «управленческой» функций, а также содержания норм права. Одни из них конкретны, другие более абстрактны. Задача юридической науки – выяснить, как и в каких направлениях осуществление той или иной функции влияет на структуру законов, состав норм и их содержание. Понятно, что снижение уровня, занимаемого актом в системе законодательства, означает, что акт теряет организационные функции, в его содержании уменьшается число норм права обобщенного

¹⁴² Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982. С. 166–178.

¹⁴³ Кором Л. М. Указ. соч. С. 44.

характера и, напротив, увеличивается объем конкретных нормативных предписаний. В более широком плане следует, по всей видимости, более основательно исследовать проблему функциональной характеристики не только законов, но и других важнейших видов нормативных правовых актов. Такой подход позволит полнее сориентировать научные исследования источников права в интересах правотворческой практики. В идеале ни один нормативный правовой акт нельзя вводить в действие без учета его функциональной характеристики. Это значительно повысило бы качество подготавливаемых проектов актов.

В свете сказанного о количественном соотношении законов и нормативных правовых актов исполнительной власти, которое характеризуется численным преобладанием актов исполнительной власти над актами законодательной власти, становится понятным, что основное направление повышения верховенства закона должно состоять в том, чтобы законы на практике стали той частью системы нормативных правовых актов, которая бы выполняла роль управленческого центра. Ни в коем случае не следует допускать того, чтобы управленческие задачи были переданы нормативным правовым актам исполнительной власти. Можно было бы в этих целях в законе о нормативных актах, который рано или поздно нам придется принять, четко и ясно закрепить перечень задач по управлению системой законодательства, которые должны быть возложены на высший орган законодательной власти. Это было бы важной гарантией того, чтобы в условиях количественного преобладания актов исполнительной власти не происходил подрыв авторитета и верховенства закона.

Поскольку в основе любого управленческого процесса лежит понятие цели, то важнейшей характеристикой закона является определение его цели. Еще Ш. Монтескье утверждал: «Никогда не следует рассматривать законы независимо от цели, ради которой они были изданы»¹⁴⁴. А Р. Иеринг

¹⁴⁴ Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 648.

подчеркивал, что «...цель есть творческая сила всего права, что нет правового положения, которое бы не было обязано своим происхождением какой-либо цели»¹⁴⁵.

Конечно, сам по себе закон как акт-документ никаких целей иметь не может. Цели закона – это цели законодателя, государства, общества. Отсюда понятно, что когда речь идет о целях закона, то понимается нечто иное, а именно: какие цели может достичь общество, облекая свои решения, устремления в оболочку закона?

Поскольку закон, с одной стороны, призван регулировать общественные отношения, а с другой – осуществлять управление всей системой законодательства, то можно соответственно этому выделить, во-первых, регулятивные цели закона, а во-вторых, цели организационные (или управленческие).

Что касается организационных целей закона, то они должны формулироваться исходя из особого положения законов в системе нормативных правовых актов. Законы призваны гармонизировать, придавать внутреннее единство, целеустремленность всей системе законодательства. Законы, собственно говоря, переводят цели законодательной, в более широком плане – правовой политики в плоскость должного, делают их общеобязательными для всех правотворческих и правоприменительных органов. По большому счету в системе законодательства не должно быть иных целей, кроме тех, которые вводятся в нее законодателем. Они должны пронизывать все виды нормативных правовых актов, в особенности акты исполнительной власти, ибо цель субъекта, «...как закон определяет способ и характер его действий»¹⁴⁶.

Ни в коем случае нельзя допускать того положения дел, когда бы в систему законодательства привносились такие цели, которые не согласуются (а тем более противоречат!) с целями, установленными в законе. Монопольное право законодателя на установление целей правового регулирования

¹⁴⁵ Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1. С. 2.

¹⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189.

следовало бы закрепить в Основном Законе государства. Это послужило бы важной гарантией верховенства закона. Это, во-первых, а во-вторых – значительно облегчило бы задачи конституционного надзора по проверке нормативных правовых актов на предмет их соответствия Конституции и законам государства.

Регулятивные цели закона вытекают из природы и особенностей действия социальных законов. Известно, что сами по себе общественные законы безразличны к целеполаганию. Они прокладывают свой путь через социальные связи, которые объективно воссоздаются деятельностью людей независимо от того, чем руководствуются люди, понимают ли они общественные последствия своей деятельности, как они организованы, насколько активны¹⁴⁷.

В наиболее общем плане смысл деятельности законодателя состоит здесь в том, чтобы выразить требования социальных законов и тем самым сориентировать деятельность масс в соответствии с этими требованиями. Иными словами, регулятивные цели закона есть не что иное, как придание общеобязательности требованиям социальных законов. В юридическом законе нет необходимости регламентировать все детали регулируемых социальных процессов. Важно определить те требования, которым должна подчиняться деятельность участников общественных отношений, общие тенденции, все необходимые интегральные характеристики социальных процессов. Учет деталей вполне можно возложить на иные виды актов.

Исторический опыт правотворчества свидетельствует, что в законе оказывается гораздо больше конкретных норм права тогда, когда с издания закона начинается правовое регулирование соответствующей группы общественных отношений. Если же закон венчает процесс правового регулиро-

¹⁴⁷ Плетников Ю. К. Некоторые исходные категории исследования механизма действия общественных законов // Филос. науки. 1973. № 2. С. 32; Он же. Специфика законов развития социалистического общества // Вопр. философии. 1973. № 2. С. 21.

вания, то в нем оказывается больше норм права обобщенного характера. Помимо иных причин, слишком общий характер многих законов, принимаемых в настоящее время, объясняется еще и тем, что они очень часто сводят воедино те нормы права, которые уже действовали в системе законодательства, в том числе и на уровне ведомственных нормативных правовых актов, и не вносят в правовое регулирование соответствующих общественных отношений существенных правовых новаций.

Отсюда следует, что законодатель сможет значительно повысить регулятивный потенциал закона, его авторитет, если будет активнее вмешиваться в процесс правового регулирования общественных отношений, а его нормы будут носить первичный характер, если в законах будет меньше нормативных положений, уже содержащихся в действующем законодательстве.

Понятие первичности норм права следует рассматривать, по-видимому, не только по отношению к нормам права нижестоящих видов актов. Будучи первичными по отношению к ним, нормы законов не всегда могут выступать в этом качестве по отношению к тем нормам, которые ранее были закреплены в законе. Очевидно также, что те нормы права, которые ранее были сформулированы в нижестоящих по отношению к закону актах, а в последующем путем «генерализации» включены в закон, первичными в своей основе не являются. Такое понимание первичности норм законов ориентирует законодателя на рациональное и экономное использование формы закона при регулировании общественных отношений, что весьма существенно в свете отмеченного выше количественного преобладания нормативных правовых актов исполнительной власти в системе законодательства. Кроме того, чем полнее реализуется законодателем право первичного регулирования, тем меньше вопросов по существу решается в нормативных правовых актах исполнительной власти, укрепляются связи иерархии и соподчинения в системе законодательства, повышается престиж закона.

Проблема соотношения абстрактных и конкретных норм в законе может быть поставлена и в иной плоскости. Вопрос о том, где и как следует увеличить число конкретных нормативных предписаний либо как повысить его организационную функцию закона, есть по существу вопрос об эффективном использовании формы закона как особого вида актов, причем с сугубо юридических, внутризаконодательных позиций, а именно: о роли закона в регулировании общественных отношений по сравнению с иными видами актов при выполнении как регулятивной, так и «управленческой» функции закона.

В проблеме эффективности закона с этих позиций возможен весьма любопытный поворот в оценке законов, получивших в теории права название «мертворожденных». Все дело в том, что понятие «мертворожденный закон» было сформулировано для оценки регулятивных возможностей закона, способности оказывать непосредственное результативное воздействие на социальные процессы, возможности применения его при решении конкретных фактических ситуаций. А если поставить вопрос иначе? Поскольку у закона как акта высшей юридической силы, акта, стоящего на вершине системы нормативных правовых актов, акта, отражающего самые глубинные основы права, цели и задачи не могут быть сведены только к возможности применения и оказания результативного воздействия на общественные отношения, то и о его эффективности нельзя судить лишь по тому, как часто он применяется и какие изменения в регулируемых им отношениях происходят. Надо оценивать его действия «объемно», в плане выполнения им всех возложенных на него задач.

В свете изложенного становится ясно, что о «мертворожденности» того или иного закона речь может идти лишь тогда, когда он не выполняет ни одной из возложенных на него задач и не достигает ни одной из поставленных перед ним целей. Если же закон при всей своей ущербности при выполнении регулятивной функции вполне удовлетвори-

тельно выполняет «управленческую» функцию, то считать его «мертворожденным» было бы неправильно.

При определении эффективности закона с этих позиций главное – найти оптимальное соотношение законов и иных видов нормативных правовых актов в отраслях, подотраслях и институтах законодательства с тем, чтобы закон при этом не потерял ни регулятивной, ни организационной мощи. Соответственно требуется определить, какие факторы влияют на соотношение в законах конкретных и абстрактных (обобщенных) норм права. Не претендуя на исчерпывающее освещение данного вопроса, попытаемся выяснить некоторые из факторов.

Во-первых, соотношение общих и конкретных норм права в законах и иных видах нормативных правовых актов находится в определенной зависимости от видового состава соответствующей структурной части законодательства. Так, для уголовного законодательства, ограниченного в своем видовом составе законодательными актами, характерно наличие в законах большего количества конкретных норм права. Иное соотношение конкретных и обобщенных норм права наблюдается в области гражданского и хозяйственного законодательства. Очень часто в законах, регулирующих отношения в рамках целых институтов, содержатся лишь самые общие нормы-принципы, нормы-дефиниции, а конкретные нормы неоправданно помещаются в ведомственных актах. Ясно, что, скажем, сужение гражданского и хозяйственного законодательства до актов правительства способствовало бы наполнению законов в данных отраслях законодательства конкретными нормативными предписаниями, подняло бы их регулятивную силу и авторитет.

Во-вторых, соотношение общих и конкретных норм права зависит от компетенции органа, издающего акт, а точнее – от способа определения компетенции. Правотворческая практика свидетельствует, что в законах, изданных в сфере исключительных полномочий высшего законодательного органа, число конкретных норм права значительно больше, чем в за-

конах, изданных по тем вопросам, которые одновременно регулируются высшим органом законодательной власти и актами исполнительной власти. Повышению в законах норм права конкретного содержания способствовало бы более четкое и более жесткое разграничение полномочий между высшими органами власти государства.

В-третьих, соотношение конкретных и обобщенных норм права в законе зависит от его типологических особенностей. Опыт законодательства свидетельствует, что так называемые статутные законы (закон о прокуратуре, закон о милиции и т. п.), как правило, регулируют в полном объеме те общественные отношения, для упорядочения которых они изданы, и очень редко нуждаются в развитии содержащихся в них положений в иных видах актов. Отсюда следует, что целесообразно шире использовать форму закона для определения правового статуса органов государства и звеньев государственного аппарата.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛОГИКО-ДОГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА

Верховенство закона во многом зависит от того, насколько точно и полно отражаются в нем регулируемые отношения, от того, насколько эффективен сам процесс познания в законотворчестве. Важно иметь научные доказательства реальных возможностей законодателя в постижении сути регламентируемых им общественных отношений, роли науки и ее законов.

Известно также, что социальная реальность, на регулирование которой направлен тот или иной закон, характеризуется определенной степенью противоречивости. Но точно так же известно, что закон не должен быть противоречивым, ибо в противном случае он не может быть применен на практике. Все эти положения считаются почти аксиоматичными в юридической науке и практике. Проблема же состоит в том, как совместить логически стройный и непротиворечивый юридический закон и «обремененную» противоречиями социальную реальность. Важно проследить также то, насколько практика законотворчества следует основным требованиям логики закона.

Закон не может занимать верховенствующее положение среди иных источников права, если он не вписывается в логические рамки действующей системы законодательства и если он не воспринимается населением именно как закон – акт высшего органа законодательной власти.

3.1. Гносеологические вопросы верховенства закона

В философской литературе можно считать устоявшимся мнение о том, что законы науки существуют относительно самостоятельно, представляют собой особую группу законов. Будучи сформулированными, они в той или иной мере обособляются от реальной, отражаемой ими действительности, а часто и противопоставляются ей как особые, независимые явления¹.

Значительное внимание законам науки уделил известный философ М. Бунге². Он пришел к выводу о том, что следует различать законы природы, мышления, общества – имманентные законы и утверждения о законах – конструкты (гипотезы), т. е. научные законы, которые являются различными воспроизведениями объективных законов на уровне рационального мышления. Законы науки, по мнению М. Бунге, никогда полностью не воспроизводят и не исчерпывают объективных законов. Это доказывается тем, считает он, что законы науки постоянно совершенствуются, в то время как объективные законы природы и общества постоянны.

Имманентные законы и законы науки различаются между собой по своей объективной природе. Законы природы, мышления и общества действуют независимо от того, знаем мы их или нет, имеем ли мы о них какое-либо представление или не имеем³. Что же касается объективности законов науки, то она не похожа на объективность имманентных законов. Законы науки, будучи по своей природе истинами, имеют двойственную природу. Они объективны по своему содержанию и субъективны по форме выражения. Законы науки

¹ Рачков П. А. Главная задача научного исследования // Проблемы законов общественных наук. М., 1989. С. 8; Pavlowski H.-M. Methodenlehre für Juristen: Theorie der Norm und des Gesetzes. Ein Lehrbuch. Heidelberg; Karlsruhe: Muller jur. Verl., 1981. Vol. XXIII.

² Бунге М. Причинность. М., 1962. С. 234–285.

³ Сириян А. Д. Закон как философская категория // Вопр. марксистской философии и эстетики. Иркутск, 1971. С. 49.

есть копия, образ, отображение реальных отношений, существуют в понятной форме, в форме знаков и символов. Вне и помимо человека никаких законов науки вообще не существует⁴.

Законы науки отличаются от имманентных законов и по содержанию. Это различие выражается прежде всего в том, что законы науки не могут в полной мере и в полном объеме выразить то, что составляет содержание объективных социальных законов. И дело здесь не только в том, что процесс человеческого познания бесконечен, а законы науки выражают лишь достигнутый уровень познания объективных социальных законов и, следовательно, знания о них постоянно углубляются и уточняются. Такое понимание несовпадения объективных социальных законов и законов науки по их содержанию совершенно правильное, но и достаточно тривиальное. В. Г. Голованов дополняет это положение мыслью о том, что законы науки выражают содержание объективных социальных законов не только не полно, но и не точно⁵.

Можно указать по крайней мере на два обстоятельства, вследствие которых отражение содержания объективных социальных законов в законах науки страдает не только неполнотой, но и неточностью. Они имеют гносеологическую природу и характеризуют сам процесс (способ) познания. Суть их можно кратко сформулировать в следующих положениях.

Во-первых, научное познание в строгом смысле слова является не просто отражением действительности, а ее воспроизведением. Имея в виду именно это обстоятельство, М. Бунге подчеркивает, что научное познание есть скорее всего процесс построения моделей реальности, чем процесс ее копирования, о чем свидетельствуют факт использования наукой множества абстрактных объектов, не имеющих

⁴ Сирин А. Д. Указ. соч. С. 49.

⁵ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. М., 1967. С. 64.

реального прообраза, и центральная роль, которую играют в ней гипотезы⁶.

Если же речь идет о законах общественных наук, к высказанным соображениям следует, на наш взгляд, добавить еще и то, что неполнота и неточность отражения в законах науки содержания объективных социальных законов во многом обусловлена тем, что здесь вольно или невольно сказывается разнообразие социальных интересов, так называемый «социальный заказ» и мировоззренческие установки исследователей. Особенно заметен фактор интереса в познании политических и правовых закономерностей. В. А. Козлов справедливо отмечает, что знания, которые зафиксированы в нормах права с помощью законодательных определений, являются не просто результатом обобщения опыта социальной деятельности, но и служат продуктом идеологического осмысления социальных отношений сквозь призму классовых интересов⁷.

Во-вторых, наши знания об объективных социальных законах неполны и неточны вследствие того, что для проникновения в их содержание приходится использовать гносеологические средства, соотносясь, с одной стороны, с природой изучаемого объекта⁸, с другой – со сложившейся логикой понятийного аппарата науки. Иными словами, приходится переводить «язык» природы того или иного объективного социального закона на язык, который выработан наукой и доступен человеческому пониманию. Хорошо, однако, известно, что даже при переводе с одного литературного языка на другой никогда не удастся достичь полного смыслового и образного тождества, хотя у самых различных языков и наречий очень много схожих принципов и норм построения и функционирования.

⁶ Бунге М. Указ. соч. С. 286.

⁷ Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989. С. 18.

⁸ Голованов В. Н. Указ. соч. С. 63.

Когда же речь идет о том, чтобы выразить природу социального закона в терминах, символах и знаках человеческого языка, дело намного усложняется. Мысленный образ закона, облекшись в знаково-терминологический материал, представляет собой относительно верную копию объективного закона⁹. Несоответствие прообраза и его копии (законов науки) как бы запрограммировано заранее, поэтому неполнота и неточность воспроизведения в законах науки содержания объективного социального закона не являются лишь следствием искажений, происходящих по причине человеческой ограниченности или незрелости науки, а есть своего рода объективная закономерность познания.

В. Н. Голованов факт несоответствия законов науки объективным социальным законам называет своеобразным «люфтом»¹⁰. Представляется, что применительно к процессу познания в законотворчестве и созданию юридических законов уместно говорить о двойном «люфте». Дело в том, что об объективных социальных законах законодатель в основном знает только то, что содержится в законах науки. Переводя данные научного знания на язык юридического закона, законодатель тем самым еще более искажает в юридическом законе точность и полноту содержания объективного социального закона. Таким образом, оказывается, что по полноте и точности отражения в своем содержании объективных социальных законов юридический закон отстоит от них еще дальше, чем законы науки. Более подробно вопрос о взаимосвязи юридического закона и законов науки, а также теоретические и практические соображения по данной проблеме будут изложены несколько ниже. Здесь же лишь подчеркнем, что современный законодатель, вынужденный использовать в своей практике законы науки, конечно, приобретает в ее лице солидного надежного помощника, но в то же время и заведомо профессионального «лжеца».

⁹ Голованов В. Н. Указ. соч. С. 63.

¹⁰ Там же. С. 62.

Здесь целесообразно сделать два замечания. Первое состоит в том, что известное предубеждение законодателя против законов и иных данных науки вполне оправдано. Важно только, чтобы оно не перерастало в недоверие к науке и пренебрежение ее данными. Понимание законодателем того обстоятельства, что искажение в науке подлинной картины объективных социальных процессов происходит в силу естественных, свойственных научному и иному познанию вообще объективных законов, что оно неизбежно, а сила научного познания велика, но все же ограничена, ориентирует его на иные пути получения знания о регулируемых им общественных отношениях – собственный и зарубежный опыт законотворчества, иные способы познания мира.

Второе замечание касается смягчения неточности и неполноты отражения социальных процессов уже в юридических законах, т. е. устранения второго «люфта». К сожалению, законодатель очень часто использует лишь часть научных данных и пренебрегает полнотой научного видения тех или иных социальных проблем. Такой подход к использованию науки в законотворческом процессе искажает существо и содержание регулируемых общественных отношений. Использование законодателем всего объема научных данных несомненно предпочтительней использования их части. В этом плане очень важной и практически неразработанной проблемой общей теории права является вопрос о том, как происходит искажение общенаучных данных в процессе их перевода на законодательный язык и каковы пути и способы смягчения, а по возможности и устранения всякого рода неточностей и искажений.

Как уже отмечалось, объективные социальные законы имеют огромное множество неповторимых, специфических форм своего проявления. Законы же, которые формулируются наукой, представляют собой не что иное, как чистую абстракцию. В обществе, равно как и в природе, нет законов вообще. Они органически слиты с явлениями¹¹. Закон науки

¹¹ Голованов В. Н. Указ. соч. С. 62.

всегда един, он отвлекается от различных модификаций объективного социального закона, от реальных конкретных связей и поэтому он беднее, грубее, проще социального закона¹².

В рассматриваемом плане юридический закон занимает промежуточное положение между законами науки и объективными социальными законами. Подобно законам науки, юридический закон имеет абстрактный характер. Он отвлекается, абстрагируется даже от некоторых свойств объективного социального закона, которые представляют несомненный интерес для науки. В то же время абстрактность юридического закона имеет важное отличие от абстрактности закона науки. Даже у самого общего по своему содержанию юридического закона есть предел (граница) абстрактности. Он очерчивается хотя бы минимальными регулятивными возможностями закона, выход за рамки которых превращает юридический закон в голую декларацию, а его существование в качестве юридического закона становится бесполезным и бессмысленным. Предела же абстрактности законам науки поставить практически нельзя.

Абстрактность юридического закона имеет однобокий, избирательный характер. Это означает, что юридический закон не может не учитывать и не отражать тех или иных конкретных форм проявления и действия объективных социальных законов. Юридический закон не может слиться, подобно социальному закону, с явлениями, «раствориться» в многообразии социальных связей. Он отвлекается от одних форм проявления социальных законов (и здесь он ближе к законам науки), но учитывает в полной мере те формы, которые представляют интерес для общества и законодателя (и в этом отношении юридический закон ближе к закону социальному).

Из положения о закономерности, объективной обусловленности неполного и неточного отражения в законах науки объективных социальных законов вытекает несколько очень важных для теории и практики законотворчества выводов.

¹² Сирин А. Д. Указ. соч. С. 50.

Прежде всего следует отметить, что, ориентируясь на законы науки, законодатель никогда не сможет до конца воплотить в практике законотворчества требование об адекватности юридических законов реальным общественным отношениям вообще и объективным социальным законам, в частности. Не слабость науки, не ошибки и некомпетентность законодателя (в чем его очень часто упрекают и что, конечно же, имеет место на самом деле) тому причиной, а особенности самого процесса познания социальной действительности и перевода объективной логики содержания социальных законов вначале на язык законов науки, а затем и на язык юридического закона, в ходе чего точность и полнота отражения нарушаются все более и более.

Следовательно, проблема адекватного отражения в юридическом законе регулируемых общественных отношений состоит вовсе не в том, чтобы постигнуть в полной мере их природу, выяснить содержание и т. д. Это задача не столько законодателя, сколько общества в целом и науки в частности. Существо проблемы, как представляется, состоит в выяснении того, как и насколько искажается реальная картина социальной действительности в результате сначала ее научной интерпретации, а затем и юридического оформления. Такое понимание вопроса позволяет сориентировать законодателя на то, чтобы предусмотреть в законах и правовой системе в целом механизмы и процедуры, позволяющие по возможности блокировать неизбежные в законотворчестве искажения подлинной природы регулируемых общественных отношений.

К числу механизмов, о которых здесь идет речь, можно отнести, на наш взгляд, ряд известных в теории и истории источников права – прецедент, правовой обычай, договор, ибо с их помощью правовая система получает дополнительные возможности более точного и полного выражения в ней подлинной природы общественных отношений. Закон как исключительно рациональная форма права не в состоянии охватить всего многообразия форм действия социального

закона. Сухой, рациональный закон обречен на то, что он должен быть не только приживлен и адаптирован к живой ткани социальной действительности, но вовремя скорректирован без нарушения основных принципов и положений еще до того, как в него будут внесены законодателем соответствующие изменения. Все это и позволяют сделать как раз иные источники права и прежде всего – правовой прецедент и договор нормативного содержания. Они, с одной стороны, позволяют свести к минимуму отрицательные последствия неизбежного искажения в законе регулируемых общественных отношений, а с другой стороны, усиливают стабильность самого закона и позволяют сохранить регулятивное воздействие на социальные процессы. Так что и в рассматриваемом контексте проблема иных, кроме закона, источников права решается вполне положительно.

Если в силу своей природы юридический закон не в состоянии адекватно выразить содержание регулируемых им общественных отношений, то и возлагать всю ответственность (как это принято сейчас) на законодателя было бы не только неправильно, но и несправедливо. Ее должны в равной мере разделить как общество в целом, так и наука вообще и юридическая наука в частности. Законодатель может отвечать лишь за то, что пренебрегает научными данными, либо неверно их интерпретирует и переводит неквалифицированно на язык юридического закона. Следовательно, верховенство закона определяется не только деятельностью законодателя, его местом в системе органов государства. Не в меньшей мере оно зависит от строения правовой системы государства, ее способности быстро и гибко отреагировать на неизбежные недостатки закона, смягчить их проявление, поддержать тем самым престиж закона в глазах населения. Зависит оно также от общего состояния общественных и юридических наук, от общего уровня образованности общества, его правосознания, понимания того обстоятельства, что качество и верховенство закона – понятия не только правовые, но и социально-психологические.

Законы науки обладают тенденцией к некоторому консерватизму, к отставанию от проявления и действия имманентных законов¹³. Законы науки «сгущают» знания; они уплотняют знания лишь в определенном отношении, а именно в отношении устойчивости объективных социальных процессов и не охватывают тех разнообразных изменений, которыми богаты объективные социальные законы¹⁴. В своей совокупности законы науки – грубая, односторонняя схема социальных процессов. Именно потому, что законы науки представляют собой столь «жесткую» категорию, они и включают в себя некий «фиктивный момент»¹⁵.

Отмеченное свойство законов науки в их сопоставлении с объективными социальными законами позволяет несколько под иным углом зрения посмотреть и на такое свойство юридического закона, как его стабильность. Когда говорят и пишут о том, что юридический закон должен быть стабильным, то допускают, на наш взгляд, очень существенную ошибку. Суть ее состоит в том, что юридическому закону почему-то заранее, как бы изначально приписывается данное качество и от законодателя требуется во что бы то ни стало издавать такие законы, которые бы отличались устойчивостью и стабильностью. Происходит это во многом потому, что юридической наукой было некорректно заимствовано положение о стабильности законов из философской литературы. При этом совершенно было выпущено из виду то обстоятельство, что как в философии, так и в иных общественных науках речь идет прежде всего о законах науки, о том, как они себе представляют имманентные законы, а не об объективных социальных законах. Иными словами, не было принято во внимание различие между законами науки и объективными социальными законами.

¹³ Сирин А. Д. Указ. соч. С. 53.

¹⁴ Голованов В. Н. Законы в системе научного знания. М., 1970. С. 78.

¹⁵ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. М., 1979. С. 69.

В данном случае мы имеем дело с гносеологическими «чудесами», когда символическая и терминологическая форма отождествляется с самими объективными социальными законами. Отмечая данное обстоятельство, В. Н. Голованов подчеркивает, что игнорирование гносеологической природы законов науки приводит к тому, что законы науки проецируются на объективную действительность, которой в результате приписывается то, что является лишь моментом познавательного процесса¹⁶.

Авторы, выступающие за стабильность закона и видящие в этом чуть ли не главный путь повышения его верховенства, не замечают того обстоятельства, что гибкость, т. е. изменяемость закона не менее значимое его свойство, и поступают нелогично, когда укреплению и реализации одних свойств закона приписывают магическую силу, способную поднять верховенство закона, игнорируя при этом другие, не менее значимые свойства. Такая позиция если и способна (что, впрочем, весьма проблематично) укрепить отдельные свойства закона, в конечном счете приводит к разрушению целостности закона и объективно направлена на подрыв верховенства закона, а не на повышение. Все свойства закона должны быть укреплены и обеспечены как в законотворчестве, так и в ходе реализации закона.

По нашему мнению, нельзя требовать от законодателя невозможного и выдвигать при этом ложные перспективы, не способствующие повышению верховенства закона. Закон не может и не должен быть «вечно» стабильным и полностью адекватным регулируемым им общественным отношениям. У него есть мера стабильности и мера адекватности, выход за пределы которых подрывает верховенство закона. Можно предположить, что мера стабильности закона может быть определена путем изучения естественного цикла его действия, а мера адекватности – выражена через понятие эффективности.

¹⁶ Голованов В. Н. Указ. соч. С. 83.

Законы науки – одно из необходимых среди множества других не менее важных средств создания юридических законов. Законодатель не может и не должен связывать себя в законотворческом процессе данными науки, равно как и пренебрегать ими, он должен четко представлять, что регулирует не законы науки, а реальные общественные отношения, движением которых управляют объективные социальные законы. В образной форме один из классиков правовой науки Р. Иеринг выразил эту мысль так: «Наука должна оставить кесарю кесарево, но и кесарь науке – научное»¹⁷.

Далеко не каждый юридический закон отражает закономерное, а значит – устойчивое в регулируемых общественных отношениях. Это может подтвердить либо опровергнуть только практическое осуществление юридического закона. Только практика способна показать, будет ли тот или иной юридический закон стабильным или же нет. Поэтому о юридическом законе можно говорить как о стабильном акте лишь в том смысле, что он должен отражать закономерную устойчивую связь явлений, понимая в то же время всю условность такого определения закона в юридической науке.

В начале XX в. известный русский ученый-юрист Н. М. Коркунов писал: «...юридические законы и закон в научном или философском смысле – понятия совершенно разнородные... и многие юристы до сих пор продолжают, увлекаясь сходством названий, смешивать законы юридические с законами в научном смысле»¹⁸. Н. М. Коркунов указал и на основные различия закона юридического и закона научного. В его понимании закон в научном смысле – общая формула, выражающая подмеченное единообразие явления, он выражает не то, что должно быть, а то, что есть в действительности, научный закон есть лишь обобщенное выражение действительности. Юридический закон есть, в отличие от закона научного, правило должного, а не сущего.

¹⁷ Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. С. 83.

¹⁸ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. С. 52–53.

Научный закон, доказывал Н. М. Коркунов, объясняет нам, не почему явления совершаются, а только как они совершаются. «Закон не причина, – подчеркивает ученый, – он скорее результат, нежели причина»¹⁹. Юридические законы, по его мнению, соответствуют не законам в обыкновенном научном значении, а частным явлениям, закон которых путем обобщения требуется еще установить.

В юридической литературе данная проблема обсуждалась в работах С. Ф. Кечежяна²⁰, Д. М. Шаргородского²¹, Е. В. Бурлая²², а в философской – в трудах Ж. Туленова²³ и А. Д. Сирина²⁴.

Законы науки, как отмечалось выше, представляют собой лишь копии, модели, отражения реальных общественных процессов, они объясняют, но сами по себе ничего не создают. Данное положение не нуждается в дополнительной аргументации. Точно так же можно считать аксиоматичным положение о том, что юридические законы воздействуют на поведение участников общественных отношений и, следовательно, участвуют в их преобразовании. И в этом некоторые авторы видят существенные отличия юридических законов от законов науки. Е. В. Бурлай пишет, что ошибка в абстрактном теоретическом мышлении (исследовании) может остаться безобидной, ошибка же в законотворческом процессе может повлечь нежелательные последствия²⁵. Д. М. Шаргородский также полагал, что юридические зако-

¹⁹ Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 48.

²⁰ Кечежян С. Ф. Норма права и правоотношения // Сов. государство и право. 1955. № 2.

²¹ Шаргородский Д. М. Право и объективные законы общественной жизни // Правоведение. 1972. № 5.

²² Бурлай Е. В. Нормативный акт как научная ценность // Проблемы правоведения. Киев, 1986. Вып. 47.

²³ Туленов Ж. Закон как философская категория. Алма-Ата, 1959.

²⁴ Сирин А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979.

²⁵ Бурлай Е. В. Указ. соч. С. 15.

ны сами по себе не являются ни объективными социальными законами, ни законами науки²⁶.

На наш взгляд, в широком, философско-правовом понимании, если речь идет, с одной стороны, о процессах формулирования законов науки и юридических законов и, с другой стороны, о воздействии их в свою очередь на происходящие в обществе процессы, между законами науки и юридическими законами все же больше того, что их объединяет, нежели того, что делает их различными.

При всем различии и специфике познавательных процессов в науке и законотворческом процессе их объединяет то, что они обязательно предшествуют результатам познания. В одном случае – формулированию законов науки, в другом – законам юридическим. Юридический закон как акт-документ, подобно законам науки, представляет собой копию, модель тех общественных отношений, на регулирование которых он направлен. Различия между ними лишь в способе построения модели, словесном (терминологическом) и знаковом способах ее создания, но по сути своей и юридический и научный законы – это прежде всего модели, копии реальных социальных процессов, которые лишь воспроизводят, изображают, но не отражают всей подлинной природы социальных процессов²⁷. Ошибки в юридическом и научном законах в этом отношении нежелательны, но они неизбежны. Стоит иметь в виду и то обстоятельство, что законы в науке формулируются не только и не столько для «внутринаучного» пользования. Конечная и основная их цель – служить преобразованиям в обществе. Ошибки и недобросовестность в научном познании приводили, да и приводят до сих пор к не менее тяжким и нежелательным последствиям, чем ошибки в законотворчестве.

По основным своим параметрам юридические законы весьма схожи с законами науки и их вполне можно считать

²⁶ Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 102–103.

²⁷ Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. С. 83–85.

разновидностью последних. То, что их выделяет из среды иных законов науки и превращает в относительно самостоятельный вид (группу) законов, может быть сведено к следующим моментам.

Во-первых, в отличие от формулирования законов науки процесс создания юридических законов подчинен заранее поставленной цели и протекает в определенных, заформализованных, заранее установленных процедурах. Законодатель заранее знает, какой закон ему нужен и для чего. Он, правда, не в состоянии запрограммировать абсолютно точно его содержание. Но заранее поставленная цель определяет пути и формы получения необходимой информации и во многом предопределяет способы и средства решения поставленной задачи. Заранее установленная процедура разработки и принятия закона жестко связывает законодателя в поиске ответов на стоящие перед ним вопросы.

Процесс формулирования законов науки, если не брать, конечно, в расчет ее функционирование в условиях тоталитарных и иных недемократических политических режимов, не может в принципе быть подчинен каким-либо заранее сформулированным целевым установкам либо программам. Научная методология и методика проведения исследования, необходимая информация, материально-техническая база – условия функционирования науки и предпосылки формулирования системы законов, конечно же, оказывают воздействие на процесс научного творчества. Но в этом процессе нет и не может быть заранее поставленной цели и результаты научного творчества поэтому не запрограммированы так жестко, как это имеет место в законотворческом процессе.

Во-вторых, в отличие от формулирования законов науки процесс познания социальной действительности в законотворческом процессе происходит главным образом нормативно-оценочным способом. Элементы чисто научного и художественного способов познания могут присутствовать в этом процессе и оказывать серьезное влияние на его результаты, но в любом случае завершающие этапы законотворческого

процесса и непосредственное формулирование текста юридического закона осуществляются единственно возможным в этом деле нормативно-оценочным путем.

В-третьих, процесс реализации юридического закона заранее обречен на то, что он так или иначе, прямо или косвенно, в той или иной форме замыкается на государстве. Юридический закон создается государством и прекращает свое существование по воле государства. Законы же науки в процессе своей реализации не имеют жесткой связи с государством. Находя отражение в программах, мероприятиях, осуществляемых государством, они не утрачивают своей природы как законы науки. Точно так же они остаются законами науки и тогда, когда их использование в преобразовании социальных процессов происходит в иных, не имеющих связи с государством формах.

В-четвертых, важной особенностью собственно законов науки является то, что у них есть особая предсказательная (прогностическая) функция²⁸. Известный русский ученый-естествоиспытатель Н. А. Умов писал: «...венец научной работы есть предсказание. Оно раскрывает нам даль грядущих явлений и исторических событий...»²⁹ Суть предсказательной функции законов науки состоит в том, что, отражая некоторую устойчивую, необходимую связь между явлениями и их свойствами, он допускает продолжение (экстраполяцию) на будущее. Опираясь на его справедливость в будущем, можно делать выводы относительно хода событий³⁰. У юридического закона такой функции нет. Вряд ли она присуща даже всей системе законодательства.

В юридической литературе указывалось и на иные различия юридического закона и закона науки. Е. Бурлай считает, что в отличие от закона науки, формулировка которого

²⁸ Виноградов В. Г., Гончарук С. И. Законы общества и научное предвидение. М., 1972. С. 13–27; Андреев И. Д. Наука как форма организации научного знания. М., 1979. С. 36, 43, 44.

²⁹ Умов Н. А. Собр. соч. СПб., 1916. Т. 3. С. 251.

³⁰ Виноградов В. Г. Научное предвидение. М., 1973. С. 117–118.

отвечает на вопрос, какие последствия влекут за собой те или иные условия, основанный на научном юридический закон одновременно дает ответ и на вопрос, что и как нужно изменить (выработать или преодолеть) в поведении людей для достижения социально необходимого или предотвращения социально вредного результата³¹. Представляется, однако, что отмеченное автором различие между этими видами законов имеет несущественное, второстепенное значение. Ведь если закон науки указывает на определенные причины, которые ведут к не менее определенным следствиям, тем самым он дает ответ и на вопрос о том, что надо сделать, чтобы устранить или же, наоборот, вызвать (в зависимости от оценки общества и законодателя) то или иное следствие – устранить соответствующую причину или же создать для нее благоприятные условия реализации. Юридический закон отличается в этом плане от научного закона лишь тем, что, будучи связанным с государством и формулируясь в результате нормативно-оценочного способа познания социальной действительности, он отвечает на те же самые вопросы более жесткими, чем закон науки, запретами, дозволениями и обязываниями. Но это различия по форме, а не по существу затронутого вопроса.

Большинство законов в развитых правовых системах формируется в результате изучения закономерностей, тенденций в подлежащих регулированию общественных отношениях, открытия необходимых, причинно-следственных связей. «Законодатель же, – подчеркивает К. Маркс, – должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений. Мы должны были бы бросить упрек законодателю в безграничном произволе, если бы он подменил сущность дела своими выдумками»³². В другом

³¹ Бурлай Е. В. Указ. соч. С. 13.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. I. С. 162.

месте он пишет: «Законодательная власть не создает закона, она лишь открывает и формулирует его»³³. Обычно эти мысли К. Маркса интерпретируют таким образом, что он требовал от законодателя постижения сущности регулируемых отношений. И это действительно так. Но коль скоро законодатель сравнивается с естествоиспытателем, вправе ли он ограничивать себя лишь протоколированием, «формулированием» законов общественного развития? Ведь формулирование результатов – лишь логическое следствие проведенного исследования, его необходимый результат. А кто же тогда проводит само исследование и добывает результаты?

Специфика познания в законотворческом процессе обусловлена тем, что законодатель, как правило, имеет дело уже с накопленной обществом и наукой совокупностью знаний, сведений об интересующих его социальных процессах. Интересующие его закономерности развития общества чаще всего выявляются и непосредственно осознаются не самим законодателем, а в результате развития науки либо осваиваются в непосредственном практическом опыте людей или через уже действующие социальные нормы³⁴.

Соотношение научного и опытного знания, используемого законодателем в различные эпохи, менялось. Первым законодателям гораздо чаще приходилось использовать не научные, а опытные данные в силу слабой развитости науки. И делали они это весьма умело. Не располагая сколько-нибудь широкими и достаточно обоснованными научными данными о законах общественного бытия, древние законодатели довольно успешно справлялись с созданием действенных и эффективных юридических законов. «У нас, – отмечал П. И. Стучка, – конечно, во всех странах имеются примеры мертворожденных законов, но все-таки на первый взгляд может показаться странным, что их так мало, даже в те времена, когда о каких-либо законах развития никто ничего

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. I. С. 285.

³⁴ Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск. 1987. С. 13.

не подозревал и не знал. Это объясняется... из самого хода возникновения законов. Первые законодатели были весьма осторожны и объявляли законом лишь то, что вошло в обычай или было уже проведено»³⁵.

Современный законодатель, несмотря на то что он имеет возможности опираться не только на обычай, но и на данные науки, тем не менее находится в более сложном положении, чем законодатели прошлого. Обычай, служивший ранее своеобразным материалом для законотворческой деятельности, устраивал в обществе всех или почти всех, интересы различных социальных сил находили в нем баланс, уравнивались, обычай выражал, как сказали бы сейчас, общественный компромисс, или консенсус. Общественные науки, данными которых о закономерностях развития социальных процессов вынужден пользоваться законодатель, менее, чем обычай, способны в классовом обществе выработать общие подходы к интересующей законодателя проблеме, а зачастую и вообще не могут высказать сколько-нибудь обоснованную позицию по тому или иному вопросу. Обычай в современном индустриальном обществе при динамизме социальных процессов потерял свое былое значение и не имеет широкого распространения. Возможности законодателя в проведении самостоятельных, независимых исследований крайне ограничены и он прибегает к ним в очень редких случаях по особо важным и сложным проблемам общественной жизни. Законодательный эксперимент требует больших материальных и финансовых затрат, длителен во времени, а во многих случаях он просто невозможен.

Таким образом, процесс познания в законотворческом процессе, поиск закономерностей, управляющих развитием интересующих законодателя общественных отношений, имея некоторые схожие моменты с формулированием законов науки, имеет в то же время и свои особенности. Законодатель не может и не должен опираться в деле создания юридиче-

³⁵ Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 107.

ских законов только на законы науки. Не пассивное фиксирование данных науки и социального опыта людей, не слепое следование полученным наукой и обществом результатам познания, а их взвешенная оценка, сопоставление данных, во многих случаях – интуиция и опыт самого законодателя в постижении сути интересующих его социальных процессов позволяют создать закон, выражающий и отражающий объективную социальную закономерность. Кроме того, законодатель должен учитывать и считаться, с одной стороны, с закономерностями регулируемых общественных отношений, а с другой стороны, действовать так, чтобы не нарушить закономерности построения и функционирования системы законодательства. Иными словами, в своей деятельности законодатель должен опираться на оба вида относительно самостоятельных закономерностей, органически увязывая и согласовывая их.

Проблема соотношений законов науки и юридического закона многопланова. Представляет интерес вопрос о том, какие именно стороны общественных отношений находят свое отражение в законах науки и законе юридическом. В. А. Козлов полагает, что в отличие от научного познания в законотворчестве не ставится задача проникнуть в глубинные закономерности, в сущностные структуры социальной деятельности, что специфика закона как регулятора общественных отношений ограничивает пределы отражения лишь внешней формой общественной жизни. Связь истины с задачами и целями правового воздействия, полагает В. А. Козлов, определяет эмпирический характер знаний, заключенных в правовых нормах³⁶.

Конечно, природа юридического закона такова, что он не может регулировать сущностные, глубинные связи, воздействует лишь на внешние стороны человеческого поведения. И с этим трудно не согласиться. Но возникает вполне закономерный вопрос: какие именно внешние стороны общественных отношений регулирует закон? И самое главное –

³⁶ Козлов В. А. Указ. соч. С. 17–19.

каковы при этом цели закона? Поставив вопросы именно таким образом, мы неизбежно приходим к выводу о том, что для достижения своих целей, создания эффективного, действенного акта законодатель должен регулировать лишь такие внешние стороны, которые позволяют направить поведение людей в русло социальных закономерностей.

С. В. Поросенков правильно подчеркивает, что когда говорится об отражении в социальных нормах объективных законов, то производится абстрагирование, выделение только определенных связей в ряду других конкретных связей, присущих каждому виду деятельности³⁷. Но чтобы выбрать эти определенные, конкретные связи, законодатель должен иметь четкие представления об общих закономерностях, глубинных связях общественных отношений, обеспечению которых как раз и подчинено создание того или иного юридического закона. Вовсе не обязательно, чтобы законодатель сам стремился постигнуть характер и природу этих взаимосвязей. Знания о них могут быть почерпнуты законодателем из уже имеющихся научных разработок, накопленного обществом социального опыта, иных источников. Но знания о глубинных связях должны обязательно присутствовать при создании закона.

Закономерности общественных отношений, как было отмечено выше, выражаются и в правовом обычае (обычное право) и прецеденте (прецедентное право), но лишь в законе это должно происходить не стихийно, а осознанно. Законодатель не может и не должен позволять себе ничем не оправданные эксперименты, деятельность наобум, вслепую. Закон как форма права получил широкое распространение в эпоху рационализма. И основное его назначение в обществе и государстве состояло и состоит в том, чтобы выразить и сформулировать в законе устойчивые, закономерные взаимосвязи.

Отсюда понятно, что изучение непосредственно самого текста закона вне исторических обстоятельств, послуживших основой его принятия, вне суммы накопленного обще-

³⁷ Поросенков С. В. Социальные нормы как форма отражения действительности // Филос. науки. 1982. № 5. С. 138.

ством и наукой знания о регулируемых отношениях, о тенденциях и закономерностях их развития только и может привести к выводу о том, что закон есть сумма эмпирических сведений об объекте правового регулирования, знания, описывающего объект, но не содержащего объяснения³⁸. В то время как эмпирические сведения об объекте правового регулирования, содержащиеся в законе, представляют собой лишь ту часть эмпирических знаний о правовой действительности, которые наиболее полно соответствуют закономерностям, которые присущи регулируемой законодателем сфере общественных отношений.

Именно потому, что в законе содержится тщательно «адсорбированная» часть эмпирических знаний, исторической науке и удастся, знакомясь с источниками права государств древности, «реставрировать» с большой долей достоверности закономерности государственных и правовых систем давно минувших дней, судить о них не только на чисто эмпирическом уровне, а подниматься до обобщений высокого уровня.

В условиях динамизма и усложнения социальных связей эффективное законодательное регулирование можно обеспечить только тогда, когда процесс создания законов основывается на знаниях, выходящих за пределы чисто внешних, доступных живому созерцанию связей и отношений, проникающих в глубинные, сущностные свойства общественных отношений, раскрывающих объективные тенденции и закономерности развития общественных отношений³⁹.

Другое дело, когда законодателю приходится регулировать такой круг общественных отношений, природа и закономерности которых еще не исследованы. Он попадает здесь в очень сложное положение, ибо не вправе, ссылаясь на отсутствие глубинных знаний и представлений об общественных отношениях, откладывать на этом основании их правовое

³⁸ Козлов В. А. Указ. соч. С. 19.

³⁹ Козюбра Н. И. Социалистическое право и общественное сознание. Киев, 1979. С. 108.

регулирование. Н. И. Козюбра четко подметил данное обстоятельство и подчеркнул, что человечеству пришлось бы очень долго стоять на месте, если бы оно ждало, пока потребность общества в социальном (в том числе и правовом) регулировании будет осознана и подтверждена на теоретическом уровне⁴⁰.

Эмпирические знания, накопленный законодателем опыт, его интуиция, изучение аналогичных случаев регулирования в других странах могут позволить принять верное решение и урегулировать общественные отношения.

Чаще всего в таком положении законодатель оказывается в переломные эпохи, в моменты проведения крупных реформ, охватывающих все сферы человеческого бытия. Неустойчивость в общественных отношениях, их динамизм, отсутствие в силу этого сложившихся научных представлений о тенденциях (закономерностях) регулируемых им общественных отношений вынуждают законодателя двигаться на ощупь, ставят перед необходимостью руководствоваться в законотворческой практике в основном эмпирическими знаниями. Излишне доказывать, что такое состояние общества отнюдь не способствует улучшению законотворчества и повышению верховенства законов, которые очень быстро девальвируются, многие устаревают, не успев выйти за стены парламента. Эпоха реформ не лучшее время для законодателя, она, как правило, не способствует укреплению верховенства закона.

Закон по своей природе носит обобщающий характер, охватывает устойчивое в процессах. Между тем исключительный динамизм общественных отношений в периоды реформ не дает необходимого материала для такого рода обобщений⁴¹. Одним из выходов из подобных ситуаций для законодателя может быть более широкое использование законов-рамок, суть которых состоит в том, что законы определяют лишь самые общие, принципиальные, узловые моменты в регулируемых отношениях и не столь жестко воздействуют на их содержание. Законодатель тем самым

⁴⁰ Козюбра Н. И. Указ. соч. С. 100, 112, 119, 120.

⁴¹ Там же. С. 17.

дает возможность утвердиться и устояться какой-то тенденции в регулируемых им общественных отношениях, а уж затем более подробно формулирует содержание закона с учетом данной тенденции.

Представляет интерес в связи с этим мнение В. А. Оболонского, высказанное им по вопросам выборности руководящих работников предприятий, учреждений, организаций. Поскольку теории выборности у нас нет и поэтому остаются нерешенными многие конкретные вопросы (например, защита претендентов), В. А. Оболонский предложил действовать на основе временных положений о порядке выборов, которые должны быть достаточно «просторными» и допускать различные варианты. Через 2–3 года, после теоретического осмысления эмпирического материала и научных разработок, можно установить более определенное и постоянное законодательство⁴². Издание временных положений можно было бы использовать при регулировании и других вопросов жизни общества, таких, например, как деятельность политических партий и иных общественных организаций, общественных движений.

При проведении крупномасштабных реформ законодательства, как об этом свидетельствует практика, весьма важно, чтобы с самого начала был ясен замысел преобразований, цели, этапы и средства проведения реформы. Тогда деятельность законодателя может быть подчинена определенной логике, ее можно спланировать, разработать стратегию развития законодательства. Приняв узловые законы, тщательно их проработав, законодатель в состоянии с помощью науки и иных форм общественного сознания уловить основные стороны закономерностей общественного бытия и закрепить их в законе.

Но если реформа законодательства проводится так последовательно и нерешительно, с зигзагами и поворотами, которые трудно заранее предвидеть, когда ее ориентиры часто меняются в течение года, то вряд ли можно рассчи-

⁴² Сов. государство и право. 1988. № 1. С. 63.

тывать на качество законов. Возможно, с чисто технической (техничко-юридической) стороны они могут выглядеть и вполне прилично, но с регулятивных позиций, с точки зрения устойчивости и качества воздействия на общественные отношения они просто не выдерживают критики.

3.2. Проблемы логики закона

В первой главе, рассматривая вопросы соотношения социальной закономерности и юридического закона, мы отмечали, что законодательство должно опираться на познанные наукой закономерности общественного развития, а законодатель призван учитывать их в законотворческом процессе. Вместе с тем следует иметь в виду, что социальные закономерности проявляются в форме противоречивых сторон и тенденций. Причем объективные противоречия, лежащие в основе социальных закономерностей, с одной стороны, являются источником и движущей силой развития общественных процессов, а с другой стороны – составляют всеобщий момент механизма действия любого объективного закона, экономического или социального⁴³.

Следовательно, стремясь к созданию цельной, логически непротиворечивой системы законодательства, мы должны, с одной стороны, представлять себе механизм «трансформации» противоречивой социальной действительности в логически стройный и внутренне непротиворечивый юридический закон, а с другой стороны – считаться с тем, что процесс реализации логически цельного закона происходит в обремененной противоречиями социальной среде. При этом возникает ряд вопросов как теоретического, так и практического характера: каким образом, не нарушая формально-логических правил в построении юридического закона, цельность и согласованность его содержания, обеспечить максимально возможное отражение в нем противоречий

⁴³ Жеребин В. С. Диалектика социальных противоречий при социализме и право. М., 1986. С. 710.

общественных отношений и обеспечить результативное воздействие закона на общественные отношения?

Иными словами, речь идет о том, как совместить между собой закономерности бытия юридического закона как акта-документа, построенного по правилам и законам формальной логики, с объективными закономерностями, присущими регулируемым им общественным отношениям, жизнедеятельность которых имеет свою логику бытия, противоречивую и далеко не совпадающую с правилами и законами формальной логики.

3.2.1. Противоречивость права и логика закона

В юридической науке достаточно давно было обращено внимание на проблему противоречий в праве и законодательстве. В самой общей форме П. И. Стучка сформулировал ее как противоречие «материального неравенства и гражданского равенства»⁴⁴. Он полагал, что данное противоречие является основным противоречием права. Однако в силу целого ряда достаточно хорошо известных сейчас причин идеологического и политического характера исследование данной проблематики было свернуто. И лишь начиная с 60-х годов XX в. наблюдается активизация научной юридической мысли в изучении проблем противоречивости правовой системы⁴⁵.

⁴⁴ Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 527.

⁴⁵ См., напр.: Строгович М. С. Методологические вопросы юридической науки // Вопр. философии. 1965. № 12; Рудинский Ф. М. Формы проявления закона единства и борьбы противоположностей // Вопр. теории сов. права. Новосибирск, 1966; Дагель П. С. Диалектика правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 1971. № 1; Баймаханов М. Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата, 1973; Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972; Бабаев В. К. Советское право как логическая система. М., 1978; Кененов А. А. О противоречиях права // Методологические и теоретические проблемы государства и права развитого социализма. М., 1983; Кененов А. А., Чернобель Г. Т. Логические основы законотворческого процесса // Правоведение. 1991. № 6. С. 71–76 и др.

В юридической литературе высказаны прямо противоположные взгляды по вопросу о том, противоречиво ли право. Суть первой точки зрения сводится к тому, что право воспроизводит противоречия регулируемых им общественных отношений и потому само является противоречивым (В. К. Бабаев, В. С. Жеребин, Л. С. Явич и др.). Наиболее обстоятельно смысл противоречивости права обосновал В. К. Бабаев⁴⁶. Он полагает, что право, определяясь общественными, и прежде всего экономическими, отношениями, следует за их движением, воспроизводит единство и борьбу противоположностей в общественном развитии, что источником развития права выступает главное его внутреннее противоречие, содержание которого состоит в противоречии между общественными отношениями и регулирующей их системой права.

Два обстоятельства, по его мнению, обуславливают единство и в то же время противоречивость права: 1) единство и противоречивость системы экономических отношений в обществе; 2) степень соответствия правовых норм регулируемым ими общественным и прежде всего экономическим отношениям. Кроме того, противоречивость права объясняется тем, что само познание правовой действительности, как и всякое отражение, является противоречивым. В. К. Бабаев ссылается при обосновании своей позиции на известное письмо Ф. Энгельса к К. Шмидту от 27 октября 1890 г., где Ф. Энгельс писал, что в «современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением внутренне согласованным, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий. А для того чтобы этого достичь, нарушают точность отражения экономических отношений все более и более»⁴⁷.

⁴⁶ Бабаев В. К. Указ. соч. С. 48.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 418.

Вторая точка зрения по обсуждаемому вопросу (А. Ф. Черданцев, Р. О. Халфина, А. А. Кененов, Н. А. Власенко и др.)⁴⁸ сводится к тому, что противоречия, возникающие между правовыми нормами и общественными отношениями, не являются противоречиями самого права, ибо они лежат за его пределами, что противоречия между общественными отношениями и нормами права – это противоречия не права, а противоречия иной сферы, лежащей вне права⁴⁹. Соответствие права регулируемым общественным отношениям, отражение реальных противоречий, присущих социальным процессам, не предопределяет, однако, противоречивость самого права. Все дело, по мнению Н. А. Власенко, состоит в особенности правового регулирования, суть которого сводится к тому, что законодатель не воспроизводит противоречивости отдельных общественных отношений. Последние же переводятся на язык юридических норм посредством логических моделей⁵⁰.

Правда, одни сторонники непротиворечивости права (А. А. Кененов, Р. О. Халфина) полагают, что внутренняя согласованность права достигается не за счет нарушения точности отражения экономических отношений, а наоборот, благодаря точности выражения экономических связей⁵¹, в то время как другие считают, что «создаваемая законодателем модель вряд ли может полностью отражать действительность»⁵². Что же касается приведенной выше мысли Ф. Энгельса из его письма к К. Шмидту, то Р. О. Халфина считает, что Ф. Энгельс исследовал положение, при котором

⁴⁸ Черданцев А. Ф. Логическая характеристика права как система // Правоведение. 1983. № 3. С. 20; Халфина Р. О. Диалектические противоречия и право // Сов. государство и право. 1988. № 1; Кененов А. А. Указ. соч.; Власенко Н. А. Логика в изучении согласованности системы советского права // Логические и математические методы в правовой теории и практике. Л., 1989.

⁴⁹ Халфина Р. О. Указ. соч. С. 33.

⁵⁰ Власенко Н. А. Указ. соч. С. 46.

⁵¹ Халфина Р. О. Указ. соч. С. 33; Кененов А. А. Указ. соч. С. 76.

⁵² Власенко Н. А. Указ. соч. С. 46.

право выражало интересы господствующего класса в обществе с антагонистическими интересами. А поскольку это непримиримое противоречие должно было включаться в правовую систему, провозглашающую иные принципы, то это и влекло неполноту, неточность отражения экономических отношений в правовых нормах.

На наш взгляд, правильный ответ по обсуждаемому вопросу лежит в плоскости различения права и закона, так как в рамках узконормативного понимания права, при сведении права к закону, аргументы сторонников как одной, так и другой точки зрения, хотя и выглядят убедительно, но взаимоисключают друг друга. Складывается «патовая» ситуация. Признать обусловленность права глубинными, по своей сути противоречивыми экономическими отношениями, требовать адекватного отражения правом противоречивых общественных отношений, считать, что право не может быть выше экономического и культурного (противоречивого!) уровня развития общества и не признавать его противоречивости – просто нелогично. Но в то же время совершенно неоспоримо и то, что противоречивая система права (= закона) – неработающая, неэффективная система. Отсюда вывод: надо выйти на иной уровень обсуждения вопроса, выбрать другие исходные посылки обсуждения проблемы.

Право и юридический закон относятся к двум взаимосвязанным, но все же качественно разнородным сферам человеческого бытия. Право – порождение сферы материального производства, товарно-денежных отношений, закон же есть продукт осознания правовой действительности и деятельности законодателя. И если движущая сила права, источник его саморазвития коренится в конце концов в отношениях собственности (противоречия отношений собственности и являются по сути дела противоречиями права), то закон создается осознанными усилиями законодателя. Центральное поле проявляющихся при этом противоречий права расположено там, где происходит развитие действительного содержания всех социальных (в том числе и правовых) норм, –

в общественных отношениях, задающих новые требования, параметры, приоритеты в устройстве социальных связей людей, их общении, совместной деятельности, а общественное сознание в результате противоречивого процесса признает или не признает конкретные, типичные, повторяющиеся в общественной жизни структуры и ситуации в качестве правовых норм⁵³.

Право, будучи объективно присущей формой товарно-денежных отношений, объективируется, «извлекается» из реальных отношений путем их духовного, прежде всего интеллектуального, освоения. Причем познание права в условиях государственно-организованного общества характеризуется тем, что оно подчинено заранее поставленной цели: регулированию правовых по своей природе отношений с помощью закона. Организованная мощь государства направляется на то, чтобы сгладить реальные противоречия правовой действительности, а по возможности и обуздать их.

Для права, как было показано во второй главе настоящей работы, характерно стремление к установлению эквивалентного начала в функционировании товарно-денежных отношений. Вообще говоря, эквивалентность и есть сердцевина права. Если допустить, что эквивалентность органически (так сказать, «сама собой») присуща товарно-денежным отношениям, то необходимость в таком социальном регуляторе, как право, отпала бы. Но дело-то и заключается как раз в том, что в реальной действительности эквивалентность в отношениях складывается как результат множества отклонений от нее, в ходе столкновения всего многообразия сталкивающихся между собой потребностей и интересов вступающих в общественные отношения индивидов, социальных групп, слоев, классов. Таким образом, эквивалентность (а значит, право) есть противоречивая тенденция развития и функционирования товарно-денежных отношений. Участ-

⁵³ Пеньков Е. М. Социальные нормы в условиях перестройки // Философия. 1989. № 8. С. 26.

ники товарно-денежных отношений кровно заинтересованы в том, чтобы придать эквивалентному началу всеобщий характер, в то время как повседневная практика товарно-денежных взаимосвязей постоянно ставит под вопрос их усилия.

В лице государства общество получило реальную силу, способную придать всеобщий характер основе права – эквиваленту. Очень скоро было найдено для этого и соответствующее средство – закон. Создаваемый по правилам формальной логики акт-документ казался древним и представляется очень многим современным законодателям вершиной права. Полагали ранее, да и считают до сих пор, будто бы с помощью закона можно устранить противоречия правовых по своей природе общественных отношений и построить их на принципе всеобщего эквивалента, понимаемого, конечно, по-разному в различные эпохи. Происходит своеобразная аберрация юридического мышления. Возможность создать, руководствуясь законами и правилами формальной логики, непротиворечивый, логически цельный закон стала питательной почвой стойкой иллюзии построения непротиворечивой системы права. Парадокс же состоит в том, что непротиворечивой системы права в природе попросту не существует, в то время как непротиворечивая система законодательства вполне может быть создана.

Закон не может быть полностью адекватен правовой природе общественных отношений. И дело здесь вовсе не в гносеологических трудностях, не в том, будто бы нельзя во всех тонкостях и нюансах постичь правовую действительность. Правовые формы и принципы как раз имеют всеобщий характер, они едины для всякого общества, знающего, что такое собственность, рынок, товарно-денежные отношения. Подлинная дилемма здесь такова: или логически цельный и непротиворечивый закон, игнорирующий реальные противоречия права, или адекватный правовой природе, а следовательно, противоречивый и непригодный для применения закон. Сама природа юридического закона, логика его построения и бытия заставляют творца-законодателя созна-

тельно или неосознанно игнорировать реальные противоречия права.

Таким образом, с одной стороны, существует объективно противоречивая система права, а с другой – ее отражение в форме непротиворечивого юридического закона. Это обстоятельство ведет к разрыву между правовой реальностью и ее отражением в законе⁵⁴. И чем совершеннее система законодательства в формальнологическом отношении, тем дальше она от противоречивой системы права, тем быстрее ее моральное старение и необходимость замены новой. С этой точки зрения чем ближе общество к идеалам создания стройной и непротиворечивой системы законодательства, тем дальше оно от подлинной правовой природы общественных отношений, чем грубее искажение правовой природы вещей в законе, тем дальше общество от идеалов правового государства.

В правовых системах, где писаный источник права не является единственным, а тем более исключительным, где наряду с законом официальными источниками права признаются правовая обычай, и в особенности правовой прецедент, округлению и «округлению» правовой природы общественных отношений в законе противостоит более или менее широкое поле правовых отношений, противоречивое бытие которых не сглаживается или по крайней мере не подвергается однолинейной логической обработке, как это происходит при отражении их в законе. Оторвавшийся от подлинной, противоречивой природы общественных отношений закон органически дополняется иными источниками права, которые по возможности амортизируют издержки в функционировании правовой системы, возникающие в ней в результате выравнивания в законе противоречивых тенденций в развитии права. Это способствует значительному увеличению «продолжительности жизни» подкорректированного таким образом закона.

⁵⁴ Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании. М., 1987. С. 76.

В правовых же системах с преимущественно писаными источниками права (законом), к которым относится правовая система Республики Беларусь, доведенная до логического совершенства система законодательства попросту не успевает за противоречивым ходом правового развития и очень быстро морально и физически устаревают. И как это ни странно, в правовых системах с высокой степенью согласованности и непротиворечивости законодательства у законодателя, как правило, больше хлопот по поддержанию законодательства в состоянии высокой функциональной готовности, интенсивность его деятельности не уменьшается, а увеличивается в чисто физическом отношении. В «отточенной» системе законодательства «поле», количество системоприобретенных связей как у отдельных нормативных предписаний, так и законов в целом оказывается значительно шире и больше, ведь в ней подогнаны в единое целое практически все компоненты. И, таким образом, изменение хотя бы в одном из них вызывает с неизбежностью цепную реакцию по всем линиям как чисто юридического, нормативного, так и идейно-теоретического характера. Чем более высокое место в иерархии нормативных правовых актов занимает подвергнувшееся изменению то или иное нормативное предписание, чем более общим оно является по своему идейно-теоретическому уровню, тем длиннее цепь нормативных правовых актов, в которые должны быть внесены изменения.

Если на нижних этажах пирамиды нормативных правовых актов процесс изменений отдельного нормативного предписания чаще всего на нем и заканчивается, то изменения конституционной нормы, даже ее отдельных частей, формулировок, как правило, требуют внесения изменений в несколько десятков нормативных правовых актов и очень часто вызывают потребность в разработке новых законов. Отнюдь не случайно большинство писанных конституций современных государств являются жесткими, т. е. требуют для своего изменения особых процедур, квалифицированного большинства голосов членов высшего органа законодателей власти

и т. д. В подобных механизмах выражается осознанное или не всегда до конца осознаваемое обществом и законодателем понимание всей сложности организации логического механизма системы законодательства. Подобно тому, как жизненно важные центры человека находятся под особой анатомической и физиологической защитой организма, подобно тому, как наиболее важные узлы механизма (или ЭВМ), средоточие всех основных взаимосвязей, всячески предохраняются от возможного внешнего воздействия и повреждения, для защиты конституции государства, этого узла сосредоточения всех существенных логико-юридических связей, создаются особые юридические и организационные системы защиты.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что полнота и точность отражения права в юридическом законе обратно пропорциональны логической стройности и непротиворечивости закона. В этом плане распространенное сейчас требование создания правового законодательства в буквальном смысле слова означает не что иное, как требование противоречивой системы законодательства.

Отмеченные различия между правом и законом наиболее ярко проявляются при сопоставлении правовых понятий, в которых воспроизводится развитие и функционирование права, с языком, понятийно-терминологическим аппаратом закона.

В философской и юридической литературе убедительно показано, что противоречия реальных правовых отношений отражаются в правовых понятиях, что само противоречивое движение не может не отражаться в диалектически связанных противоположных понятиях⁵⁵. «Научные юридические понятия, – подчеркивает Д. А. Керимов, – могут и должны «схватить», «вобрать», «включить» в себя реальные противоречия объективного движения и изменения отражаемой

⁵⁵ Библер В. С. Понятие как элементарная форма движения науки // Анализ развивающегося понятия. М., 1967. С. 112; Бабаев В. К. Указ. соч. С. 119.

правовой действительности. Только тогда они будут диалектическими, смогут выразить сущность, закономерности развития этой действительности»⁵⁶. Правовые понятия не являются постоянными, они изменчивы, обладают гибкостью и подвижностью, обусловленными единством противоположностей. Логика правовых понятий соответствует логике социальных отношений⁵⁷.

Что же касается языка закона, то он выделяется в особый вид (стиль) литературного языка⁵⁸, в котором высокий элемент «искусственности», потому что язык закона в определенной степени формализован, многим терминам законодатель придает по сравнению с правовыми, научными, да и обыденными понятиями более широкое или, наоборот, более узкое значение⁵⁹. Для текста нормативного акта характерно широкое использование штампов и стереотипных трафаретов, а сам он является официально-документальным текстом⁶⁰. Понятия, используемые законодателем, отмечал в свое время русский ученый Е. В. Васьковский, отличаются двумя важными особенностями – определенностью и постоянством⁶¹.

Язык закона, его понятийно-терминологический аппарат таковы, что с их помощью просто невозможно не то чтобы выразить, но даже по возможности точно сформулировать диалектическое противоречие права.

⁵⁶ Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 71.

⁵⁷ Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 88.

⁵⁸ См.: Законодательная техника. Л., 1965; Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967; Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972; Научные основы советского правотворчества. М., 1981; Gizbert-Studnicki T. *Jezyg prawny z perspektywy soziolingwistycznej*. Warszawa; Kraków, 1986.; Sherman B. *Hermeneutics in law // Mod. law rev. L.*, 1988. Vol. 51, №. 3. P. 386–402.

⁵⁹ Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 85.

⁶⁰ Научные основы советского правотворчества. С. 293–295.

⁶¹ Васьковский Е. В. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 322.

Характерной чертой системы понятий и терминов законодательства является ее внутренняя замкнутость, т. е. способность охватить только определенный фрагмент правовой действительности и правовых понятий. С чисто логической точки зрения замкнутость этой системы терминов и понятий проявляется в неизменности и устойчивости признаков данных понятий и терминов⁶², в отсутствии между ними внутренних противоречий, в невозможности скольконибудь существенно изменить хотя бы одно из входящих в нее понятий без того, чтобы не нарушить весь понятийно-терминологический строй закона.

Все понятия, составляющие закон, логически взаимосвязаны и образуют одно логическое целое, которое и определяет точный смысл каждого отдельного понятия, так как смысловое значение каждого понятия находится в определенной связи со значениями других понятий, влияющих друг на друга⁶³. Данная особенность языка закона приводит к тому, что терминологический и понятийный аппарат законодательства в состоянии охватить лишь определенный срез права. Язык закона не принимает в расчет и как бы «отбрасывает» от себя все те знания о праве и те факты правовой действительности, которые не вписываются в определенную, логически заданную и непротиворечивую систему понятий, юридических конструкций и схем.

Закон – цивилизованный источник права. Он устроен таким образом, что с его помощью законодатель не просто «шлифует» правовую природу отношений, а проводит своеобразную хирургическую операцию с заранее заданной уста-

⁶² Вълканов В. За съответствията, в които трябва да се намира законът. Правна мисъл, С., 1980. Кн. 2. С. 515; Wroblewski I., Dascol M. Transparency and doubt: Understanding a. interpretation in pragmatics and law // Law and philisophy. Dordrecht; Boston, 1988. Vol. 7, № 2. P. 203–225.

⁶³ См.: Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 138, 144; Кененов А. А., Чернобель Г. Т. Логические основы законотворческого процесса // Правоведение. 1991. № 6. С. 71–76; Goodrich P. Reading the law: A crit introd to legal method a technigues. Oxford, 1988. P. 220.

новкой на «ампутацию» тех частей права и отражающих их правовых понятий, которые не вписываются в логический строй языка законодателя. В культурологическом отношении возникшая в Новое время идея верховенства закона означала превознесение его способности выразить природу любых общественных отношений. Но оказалось, что рационалистический по духу и методу юридический закон отражает ограниченное число типичных правовых ситуаций. За его пределами неизбежно оказывается огромное число далеко не второстепенных для правовой системы явлений.

То, как однолинейно препарируется действительность с помощью языка вообще, убедительно показал Э. Сепир. «Язык, – пишет он, – служит руководством к восприятию социальной действительности... мы бессознательно переносим установленные языком нормы в область опыта. В этом отношении язык напоминает математическую систему, которая также в самом точном значении слова фиксирует опыт только в самых исходных своих положениях, но со временем превращается в независимую систему понятий, заранее учитывающую любой возможный опыт в соответствии с определенными принятыми формальными правилами... (Значения) не столько открываются в опыте, сколько накладываются на него в силу той титанической власти, которой обладает языковая форма над нашей ориентацией в мире... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения»⁶⁴.

Подобно тому как грамматика является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений, их синтеза⁶⁵, язык закона расчленяет правовую природу общественных отношений в направлении, подсказанном способом его организации, теми особенностями, которые превращают язык законода-

⁶⁴ Новое в лингвистике. М., 1960. С. 117, 135.

⁶⁵ Уорф Л. Бенджамен. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. С. 174.

теля в особый вид литературного языка. Он фиксирует и отражает только то, что воспринимается его системой. Законодатель не ограничивается механической систематизацией жизненного материала, а строит свои произведения путем сознательного отбора определенных сторон обобщаемого жизненного материала⁶⁶. Законодательные понятия и определения отражают действительность, выделяя из множества элементов лишь те, которые важны для закона, увязывая их в более или менее жесткое концептуальное единство⁶⁷.

С самого начала законодательного процесса законодатель мыслит по правилам и законам формальной логики, отличительная особенность которой, как хорошо известно, состоит в том, что она запрещает противоречия в процессе мышления, которые связаны с нарушением формально-логических законов. Законодатель не может мыслить противоречиво, и потому вся система закона должна быть истолкована как система логически согласуемых друг с другом понятий⁶⁸. Формальная логика не может связывать себя утверждениями о природе вещей. Чтобы быть универсальной (действительной для любых утверждений), она основывается исключительно на свойствах логической структуры мысли и оставляет для себя открытыми вопросы о том, могут или не могут вещи обладать одновременно противоположными свойствами⁶⁹. Отсюда понятно, что диалектические противоречия, которыми обременено развитие правовых по своей природе отношений и отражающих их правовых понятий и категорий, во-первых, не могут быть разрешены с помощью логически непротиворечивого закона, а во-вторых, они просто не могут быть выражены на языке законодателя.

⁶⁶ Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве // Уч. зап. № 147 (юрид. науки). Пермь, 1966. С. 118.

⁶⁷ Козлов В. А. Проблема предмета и методологии общей теории права. Л., 1989. С. 19.

⁶⁸ Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного закона. Пг., 1917. С. 128–129.

⁶⁹ Ведин Ю. П. О логической форме отображения мышлением предметных противоречий // Проблема диалектики. Л., 1973. Вып. 3. С. 172.

Формально-логический характер закона приводит к тому, что в нем содержится лишь определенная модель права, которая всегда беднее самого права и теоретических представлений о нем, ибо невозможно полностью формализовать ни одну содержательную теорию. За пределами закона (модели) всегда остается определенная неформализованная и просто не поддающаяся формализации теоретическая часть, остаток правовых знаний, понятий, представлений⁷⁰. «В задачу формальной логики, – пишет М. Бунге, – не входит поднимать вуаль, скрывающую лицо мира, ее назначение – заострять рациональные инструменты, с помощью которых такая задача выполняется науками ... проблема причинности (т. е. противоречивости. – Н. С.) не может быть разрешена в сфере чистой логики, потому что она относится к нелогическому (или нелингвистическому) миру»⁷¹.

Нельзя согласиться с мнением о том, что в сущности законодательства коренятся диалектические противоречия, воспринятые в процессе перевода противоречивых общественных отношений в юридическую форму⁷². Суть диалектического противоречия состоит в отношении предмета к самому себе (отношение самоотрицания), отношении не противоположных «сторон», а противоположных процессов, тенденций в едином предмете, которые находятся в постоянно изменяющейся борьбе, но существуют в предмете, процессе одновременно, которые адекватно отражаются в теоретических положениях, которые построены не по принципу «или, или», а по принципу «как то, так и другое»⁷³.

⁷⁰ Козлов В. А. Указ. соч. С. 19.

⁷¹ Бунге М. Причинность. М.: Иностранная литература, 1962. С. 275, 279.

⁷² См.: Заяц А. П. Система советского законодательства (проблемы согласованности). Киев, 1987. С. 30; Вълканов В. Някои противоречия в правото // Филос. мысли. С., 1980. Кн. 3. С. 46–56.

⁷³ См.: Вьяккерев Ф. Ф. Предметное противоречие и его теоретический «образ» // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 68; Он же. Современное состояние исследований по проблеме противоречия и пути их дальнейшего развития // Филос. науки. 1985. № 2. С. 52–53.

Теоретически невозможно, а практически неосуществимо законодательство, в котором одновременно что-то запрещается и оно же разрешается (по принципу «как то, так и другое), ибо закон должен быть согласен с самим собой и со всею системой действующих законов. Еще Н. К. Ренненкампф подчеркивал, что все законы, все их части «...должны быть проникнуты одним духом, приведены в самую близкую взаимную связь, – иначе потеряется единство юридической жизни, обеспеченность прав и возможность однообразного и равного приложения законов»⁷⁴.

Каким же образом происходит перевод диалектически противоречивой природы общественных отношений в формально непротиворечивый юридический закон?

Происходит это превращение путем осознания социальных противоречий с помощью определенной совокупности (системы) концептуально связанной, логически непротиворечивой системы идей и принципов, освещающих социальные процессы под определенным углом зрения. Идейное освещение регулируемых общественных отношений характеризуется тем, что многообразие жизненных обстоятельств, реальных противоречий рассматривается только сквозь призму определенных, заранее заданных теоретических постулатов, охватывающих реальность некоторыми общими для них логическими схемами. При этом между логическими схемами устанавливается строгая субординация, согласно которой наибольшей логической силой обладают те из них, которые служат в качестве исходных посылок для дальнейших выводов. С их помощью теоретические постулаты располагают все сведения и знания о правовой действительности по определенной системе.

В идейно-теоретическом освещении реальные противоречия и жизненные факты субординируются между собой не в силу их реальной природы и фактического положения дел в правовой действительности, а в той последовательности

⁷⁴ Ранненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. Киев, 1907. С. 72.

и в том видении, как они субординированы и взаимосвязаны в созданной логической схеме, концепции.

Законодательство переводит волевые социально-психологические категории в литературно-языковые, вследствие чего содержание нормативного акта существует в виде темы, идеи, проблемы, а не только выраженной в нем воли законодателя⁷⁵. Текст же нормативного правового акта построен по правилам и законам формальной логики, исключающей какие бы то ни было противоречия между суждениями, выраженными в нормативных предписаниях. Причем различные словосочетания, предложения, высказывания, слова представляют между собой иерархию логических зависимостей по принципу нанизывания, когда каждая последующая часть текста вытекает по правилам формальной логики из предыдущей и одновременно предопределяет содержание последующей. Строгая субординация, взаимосвязь и логическая зависимость частей текста закона и нормативных предписаний основаны на зависимости содержания конкретных юридических конструкций и норм от более общей идеи, принципа, заложенных в основание закона⁷⁶.

Логическая цельность и непротиворечивость закона напрямую зависят от того, насколько последовательно проведены, раскрыты в тексте закона соответствующий принцип, та или иная идея. Анализ практики законотворчества показывает, что в тексте закона далеко не всегда удается раскрыть идею, теоретический принцип, не исказив его существо, не нарушив тем самым логику закона.

Характерен в этом плане проект Конституции Республики Беларусь⁷⁷.

⁷⁵ Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 63.

⁷⁶ В. К. Бабаев рассматривает право с точки зрения логической завершенности в виде следующей цепочки структурных элементов: принципы, закрепленные в наиболее общих правовых нормативных предписаниях, – правовые нормы – нормативные правовые положения, не являющиеся юридическими нормами (см.: Бабаев В. К. Указ. соч. С. 222).

⁷⁷ Нар. газета. 1992. 21 жн.

В статье 3 проекта Конституции закрепляется идея (принцип), согласно которой «носителем суверенитета и **единым источником** (выделено нами. – *Н. С.*) государственной власти является белорусский народ». Данная идея предполагает, что только белорусскому народу принадлежит вся полнота государственной власти, что народ и только народ является ее источником, причем единственным (в тексте проекта неудачно использован термин «единый»), а высшие и местные органы власти призваны ее осуществлять, они, следовательно, не вправе ее присваивать. Государственная власть исходит от народа, органы же государства осуществляют ее от имени и по поручению народа. Идея, собственно говоря, не отличается новизной, в той или иной форме она фиксируется в большинстве конституций развитых западных государств – США, Франции, Италии и др.⁷⁸

В нарушение же исходного принципа проекта Конституции статья 129 закрепляет правило, согласно которому судебная власть в Республике Беларусь принадлежит только судам. По смыслу статьи 129 получается, что судебная власть уже исходит не от народа, а от суда, который является ее источником. Итак, или народ не является единственным источником власти и таковым наряду с ним выступает еще и суд, или все же народ – единственный источник власти, а суд призван реализовать на практике одну из ветвей принадлежащей народу власти, а именно судебную власть.

Логическая связь и зависимость между статьей 3 и статьей 129 проекта может быть восстановлена указанием на то, что судебная власть исходит от народа и осуществляется судами, как это сделано, например, в статье 117 Конституции Испании⁷⁹. Более точной формула статьи 129 выглядела бы в таком виде: «Судебная власть в Республике Беларусь исходит от народа и осуществляется судами». Термин «осуществляется» подчеркивал бы, что судебная власть не просто не принадлежит судам, но что они лишь признанные

⁷⁸ Конституция буржуазных государств. М., 1982. С. 19, 88, 124.

⁷⁹ Там же. С. 306.

Конституцией институты реализации судебной власти, принадлежащей по смыслу и в соответствии со статьей 3 проекта народу наравне с иными ветвями власти: законодательной и исполнительной.

Вот еще один пример из практики конституционного строительства в Республике Беларусь. В принятом Верховным Советом постановлении «О проекте Конституции Республики Беларусь»⁸⁰ закрепляется правило, согласно которому государство основывается на принципе разделения властей (пункт Ia). В то же время в данном постановлении признается, что высшим органом государственной власти является Верховный Совет. Налицо, как представляется, серьезное идейно-логическое противоречие. Дело в том, что принцип разделения властей как раз не предполагает ситуаций такого рода, когда какой-то из органов власти, осуществляющий ту или иную ветвь власти, был бы высшим органом власти в государстве. Ибо это означало бы тем самым возвышение осуществляемой им ветви власти над иными властями, а следовательно, и упразднение принципа разделения властей. Как можно выйти из данного противоречия? Это можно было бы сделать путем указания на то, что Верховный Совет является высшим органом **законодательной** власти.

Логическая целостность и непротиворечивость закона быстрее всего достигаются тогда, когда он построен на минимальном числе исходных научных идей и принципов. При этом, если в математике из малого числа идей и принципов может быть выведено много точных положений, в законотворчестве все выглядит наоборот: из многих принципов выводится немного точных суждений. Поэтому нет никакой необходимости при создании закона помещать в его содержание как можно больше идей. Самое главное здесь не число принципов, а обеспечение их полноты и непротиворечивости, их ранжирование, потому что, будучи субординированными, они перекрещиваются, пересекаются и взаимно ограничивают действие друг друга. Без ранжирования

⁸⁰ Нар. газета. 1993. 8 лют.

идей и принципов невозможно логическое дедуцирование юридических выводов⁸¹. Своеобразие закона определяется главным образом характером включенных в него идей и принципов. Нормативные предписания тем теснее связаны между собой, чем ближе по своему содержанию исходные идеи, на которые они нанизываются и которые конкретизируются и уточняются с их помощью. Сознательно сформулированный в законе принцип позволяет раскрыть его наименьшим числом нормативных предписаний, значительно сократить физический объем текста закона и уменьшить, таким образом, объем всего нормативно-правового массива. «Отдельные правоположения, – отмечал Р. Иеринг, – в которых законодатель бессознательно проводит какой-нибудь принцип, относятся к последнему как отдельные точки окружности к центру. Принцип – та точка, которую ищет законодатель, но пока ему еще не удалось овладеть ею, он вынужден лишь кружиться около нее, описывать ее с помощью отдельных казуистических постановлений»⁸².

Одно из существенных качеств закона, позволяющих говорить о его реальном верховенстве, и состоит как раз в том, что именно в форме закона закрепляются основные идейно-теоретические основы системы законодательства, правовой системы в целом. Именно тогда принципы и идеи, заложенные в законе, смогут предопределять внутреннюю логику развития всей системы законодательства, служить направляющим звеном в совершенствовании правовой системы⁸³. Укреплению верховенства закона в этом аспекте и призвано служить, в частности, правило, закрепленное в конституциях и правовых системах почти всех развитых государств, согласно которому за парламентом (представительными органами власти) закрепляются исключительные

⁸¹ Общественные науки за рубежом. Сер. 4. 1986. № 3. С. 13.

⁸² Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. С. 59.

⁸³ См.: Тихомиров Ю. А. Проблемы теории социалистической Конституции // Сов. государство и право. 1978. № 2. С. 75; Батурич Ю. М., Лившиц Р. З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. М., 1989. С. 173.

полномочия по решению основополагающих для жизни общества вопросов. Сравнительный анализ конституций Испании, Итальянской Республики, Французской Республики, Японии при всем своеобразии правовых систем этих государств показывает, что в перечне вопросов, регулирование которых отнесено исключительно к ведению парламента, относятся самые фундаментальные; среди которых: основные права и основные гарантии права; гражданство, состояние правоспособности лиц, семейные отношения, порядок наследования и дарения; распределение ставок налогов, порядок выпуска денег; режим собственности, вещных прав, гражданских и торговых обязательств, вопросы трудового права, профсоюзного права и социального обеспечения; определение доходов и расходов государства, определение целей экономической и социальной политики; вопросы организации национальной обороны и т. д.

Располагая исключительными полномочиями в решении фундаментальных, основополагающих для правовой системы государства вопросов, парламенты формулируют в издаваемых ими законах отправные идейно-теоретические положения всей правовой системы, а законы, издаваемые ими, несмотря на активное нормотворчество исполнительной власти, занимают верховенствующее положение в системе законодательства.

В юридической науке идейно-теоретическое первенство законов в системе нормативных правовых актов подчеркивается указанием на то, что закон формулирует, как правило, первичные нормы права⁸⁴. Но идейно-теоретические основы законодательства и первичные нормы права – не взаимозаменяемые понятия. Дело в том, что первичные нормы права, как показали исследования, издаются не только законодателем, а практически всеми государственными органами, наделенными в той или иной мере нормотворческими полномочиями⁸⁵.

⁸⁴ Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 60–74.

⁸⁵ Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М., 1987. С. 84–93.

Другое дело – понятие идейно-теоретических основ законодательства. Практика законодательства убедительно доказывает, что невозможно создать жизнеспособную, логически и иерархически стройную систему законодательства, если идейные и теоретические основы ее формулируются не в Конституции и законах государства, а на более низких уровнях системы законодательства, например в ведомственных нормативных правовых актах. «Война законов» есть не что иное, как проявление нарушений идейно-теоретических начал функционирования системы законодательства, когда одну идею, принцип верховенства союзного закона стали подменять другим принципом – верховенством республиканских законов. Оказалось, что все иные принципы и идеи при замене только одного принципа не в состоянии обеспечить целостность и единство всей системы законодательства.

Из заложенных в законе идей (принципов) нельзя изъять хотя бы одну или ввести как равнозначную ей новую, не нарушив всего логического строя, содержания закона. Новые противоположения могут быть введены в текст закона с учетом субординации сформулированных в нем идей, их взаимосвязей. Введение в текст закона хотя бы одной новой основополагающей идеи меняет логические зависимости в содержании закона, что требует изменения всего текста, его новой редакции.

Системность принципов и основных идей, сформулированных в законе, их логическая субординация, выведение частных положений закона из более общих норм и является как раз проявлением в законе его собственных закономерностей бытия, «собственного движения»⁸⁶, внутренней логики развития⁸⁷, не совпадающей с логикой развития и функ-

⁸⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 418.

⁸⁷ Nuber E. Die Realien der Gesetzgebung // Schweizerische Beiträge zur Rechtssoziologie: Ausw. / Hrsg. von Rehinder M. Berlin, 1984. S. 36–40; Krawitz W. Recht und Systemtheorie // erneut und Erfahrung im Rechtsdenken der Gegenwart / Hrsg. von Eckhoff T. [et al.]. Berlin: Dunker u. Humblit, 1986. S. 281–309.

ционирования регулируемых им общественных отношений. Суть ее состоит в том, что развитие системы законодательства лишь отчасти связано с изменениями регулируемых общественных отношений. Развитие системы законодательства «запрограммировано» системой идей и принципов, составляющих его каркас. При этом идеи определяют деятельность законодателя как бы изнутри, т. е. содержатся в его рациональном сознании. Изменения же в регулируемых отношениях отражаются в законодательстве не иначе, как преломляясь сквозь систему идей и принципов.

Закон основывается не только и не столько на тех реальных общественных отношениях, которые он призван регулировать, а на реальности тех общих идей и принципов, в которых в обобщенной форме отражена реальность социального бытия, а конкретные нормативные предписания логически должны вытекать из других понятий, основных норм, принципов, закрепленных в законе и в целом в системе законодательства⁸⁸. Между законодателем и реальными социальными процессами лежит другая реальность в виде принципов и идей, пронизывающих всю систему законодательства. Именно эти общие идеи и принципы и формулируют допустимые и возможные рамки поведения законодателя. Они незримо присутствуют с самого начала законотворческого процесса. Социальная реальность воспринимается поэтому законодателем не как сумма конкретных жизненных обстоятельств, а как реальность, находящаяся в правовой сфере и подпадающая поэтому под некоторое общее юридическое (законодательное) определение, конструкцию, схему.

Любопытен в связи этим диалог, состоявшийся на 3-м Съезде народных депутатов СССР при обсуждении вопроса об изменении редакции статьи 6 Конституции СССР между народными депутатами СССР К. Д. Лубенченко и В. Н. Кудрявцевым⁸⁹:

⁸⁸ Козюбра Н. И. Социалистическое право и общественное сознание. Киев: Навук. думка, 1979. С. 74.

⁸⁹ Известия. 1990. 15 марта.

«К. Д. Лубенченко: Соответствует ли юридической логике начало статьи 6 Конституции, в которой приводится название лишь одной партии? Не означает ли это опять выражение особой роли партии в обществе? Ведь если следовать этой логике, то тогда в статье 124, где говорится о праве народных депутатов на запрос, мы запишем, например: «Егор Кузьмич Лигачев и другие народные депутаты имеют право обращаться с запросом».

В. Н. Кудрявцев: Егор Кузьмич – не единственный народный депутат. Их более двух тысяч. А Коммунистическая партия Советского Союза единственная. Поэтому здесь отражена реальность».

Прав в этом диалоге, безусловно, К. Д. Лубенченко, так как реальность, на которую ссылается В. Н. Кудрявцев, относится к физической, а не логической стороне закона. Закон же состоит не из жизненных фактов, а складывается из логических суждений, конструкций и определений. В чистом, не обобщенном логическими заключениями виде ни один факт сам по себе не может быть выражен на языке закона⁹⁰. Он мыслится на языке логики, а следовательно, и закона только тогда, когда подпадает под некоторое логическое обобщение.

3.2.2. Вопросы логики закона в практике законотворчества

Конкретный закон в логическом отношении начинается не с набора (системы) идей, которые составляют его каркас, определенное нормативное содержание. Начало закона следует искать в тех общих идеях, принципах, логических обобщениях, которые лежат в основе всей правовой системы в целом и системы законодательства в частности⁹¹. Начало

⁹⁰ См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С. 51; Nunez L. L. Lenguaje jridico y ciencia social. Madrid, 1977. P. II; Pawlowski H.-M. Methodenlehre fur Juristen: Theorie der Norm und des Gesetzes. Ein Lehrbuch. Heidelberg; Karlsruhe, 1981. Vol. XXIII. S. 84–89.

⁹¹ Котелевская И. В. Правовое регулирование информации в законодательном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 16.

закона – это еще не его концепция, но это его необходимые предпосылки. Без привязки закона к исходным, основным началам системы законодательства невозможно построить логически последовательный, органически вписывающийся в правовую систему закон.

Развивая по правилам формальной логики отправные идеи и принципы системы законодательства, выводя из более общих логических обобщений частные со строгим соблюдением их субординации и ранжирования, закон тем самым осуществляет их конкретизацию. Конкретизацию норм права, таким образом, можно рассматривать как процесс преобразования, перевода абстрактного содержания идеи, юридического принципа, общей нормы на более конкретный уровень путем перевода понятий с высокого уровня общности и абстрактности на более низкий уровень, результатом чего выступает менее конкретная идея, принцип, норма права⁹².

Отдельный закон в то же время не может менять или подменять наиболее общие идеи, принципы системы законодательства на прямо противоположные, ибо это привело бы сразу же к неразрешимым противоречиям в нормативном содержании системы законодательства. Вот почему так важно, чтобы самые фундаментальные идеи и принципы, так сказать, «высшая идеология» законодательства была четко сформулирована в Основном Законе государства, который обладает наибольшим авторитетом и особой юридической силой.

Практика законотворчества в Республике Беларусь, других странах СНГ обнажила в логико-теоретическом отношении целый ряд недостатков. Среди них – скороспелость и недостаточная научная обоснованность законодательных решений, непродуманность общей стратегии развития и совершенствования законодательства, отказ от проверенных многовековым опытом и убедительно доказанных теоретических положений. Но если на уровне текущего законода-

⁹² Шмелева Г. Г. Конкретизация социалистического права как фактор совершенствования правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1982. С. 5–8.

тельства многие недостатки вновь принятых законов заметны порой лишь в узком кругу специалистов, то при рассмотрении общего хода реформы законодательства, в особенности при разработке фундаментальных, узловых законов, они проявляются намного рельефнее. Теоретико-методологический анализ разработанных в некоторых государствах СНГ проектов Основных Законов (Конституций) показывает, что их составителям часто не хватает взвешенности и тщательной проработки многих очень важных положений.

С легкой руки журналистов и публицистов⁹³ на страницах юридических изданий⁹⁴, в заявлениях и интервью народных депутатов⁹⁵ получил хождение тезис о том, что Основной Закон государства должен быть свободен от идеологических установок⁹⁶.

В проекте Конституции Российской Федерации формулируется положение, согласно которому никакая идеология не может устанавливаться в качестве официальной государственной идеологии. Почти такая же формула помещается и в проект Конституции Республики Беларусь⁹⁷.

Авторы, отстаивающие и всячески пропагандирующие данный тезис, по-видимому, полагают, что идеология есть нечто такое, от чего общество может легко и безболезненно отказаться, если на то будет воля народных депутатов. Но идеологические отношения столь же объективны, сколь

⁹³ См.: Феофанов Ю. Лозунги вместо аргументов // Известия. 1990. 7 марта; Никитинский Л. За Россию обидно // Комсомольская правда. 1990. 4 нояб.; Пугачев Б. Возможен ли «брак по любви?» О двух проектах устройства нашей государственности // Известия. 1990. 5 дек.

⁹⁴ См.: Мамут Л. С. Проект Конституции Российской Федерации: теоретич. послышки // Сов. государство и право. 1991. № 3. С. 14; Обсуждение проекта новой Конституции РСФСР в Институте государства и права // Сов. государство и право. 1991. № 3. С. 46, 47, 50 и др.

⁹⁵ Есть у Конституции отцы // Нар. газета. 1990. 6 нояб.

⁹⁶ Mayer-Maly Th. Rechtsidee Rechtswissenschaft Rechtspolitik // *Recht und Rechtsbesinnung: Hedachtnisschrift für Gunter Kuchenhoff (1907–1987)* / Hrsg. von Just M. [et al.]. Duncker u. Humblot, 1987. S. 141–148.

⁹⁷ Нар. газета. 1992. 21 жн.

объективна сама деятельность людей, которая в конечном счете и определяет содержание данных отношений. Идеологические отношения зависят от сознания и представляют собой в этом смысле реальный продукт общественной жизни⁹⁸. Независимо от нас идеологические установки в той или иной мере неизбежно присутствуют в любом законе, ибо идеология – не прихоть тех или иных законодателей, а объективная, а потому и неизбежная форма осознания социальных процессов и отношения к ним. Отсутствие строгой идеологии законодательства ведет к противоречивости законов. Нет четкой идеологии реформы системы законодательства, нет четкости и последовательности в регулировании отношений⁹⁹.

Ю. Феофанов, пытающийся показать, что «...привнесение в правотворческий процесс идеологических догм и штампов... это все равно, что некую с большим трудом полученную величину, некое положительное число умножать на ноль», тем не менее исходит в своих рассуждениях из того положения, что «...от своего мировоззрения ни один парламентарий, как и любой другой человек, освободиться не может»¹⁰⁰. Но если парламентарии и их избиратели не свободны от определенного мировоззрения, в том числе от догм и штампов, то как же можно освободить от идеологии правотворческий процесс?

На более высоком теоретическом уровне тезис о «деидеологизации» Конституции отстаивает Л. С. Мамут. В то же время он признает, что проект Конституции Российской Федерации зиждется на прочных идейных основах, которыми, по его мнению, являются выстраданные и выверенные человечеством в ходе истории всей мировой цивилизации уни-

⁹⁸ Плетников Ю. К. Некоторые исходные категории исследования механизма действия общественных законов // Филос. науки. 1973. № 2. С. 25.

⁹⁹ Законодательство Российской Федерации: теоретич. вопросы, проблемы, перспективы развития // Государство и право. 1992. № 11. С. 4.

¹⁰⁰ Феофанов Ю. Указ. соч.

версальные гуманистические ценности, нормы, идеалы¹⁰¹. Правда, выступая в Институте государства и права РАН при обсуждении проекта Конституции Российской Федерации, он уточнил свою позицию и утверждал, что проект Конституции «носит либерально-социалистический характер»¹⁰². Аргументируя свою позицию, Л. С. Мамут выводит отрицание любой официальной государственной идеологии из признания и конституционного закрепления принципа политического плюрализма.

Ошибочность позиции Л. С. Мамута состоит, во-первых, в том, что идеология либерального социализма вовсе не тождественна универсальным гуманистическим ценностям, имеет иную социальную опору в обществе, иные цели и идеалы. Во-вторых, признание принципа политического плюрализма не означает отрицание любой официальной государственной идеологии. Из признания принципа политического плюрализма логично вытекает признание многопартийности, борьбы за власть в цивилизованных формах, в рамках действующей системы законов.

Подобно тому, как политический плюрализм и многопартийность не отрицают единства и целостности государства, а свобода слова и убеждений предполагает своим следствием множество идеологических систем, они не отменяют единой для всего общества официальной государственной идеологии. Закрепление в Основном Законе единственно возможной в условиях социально неоднородного общества единой для всего общества, универсальной формы его бытия и официального представительства – государства, которое само является идеологической силой¹⁰³, с неизбежностью приводит к тому, что в любом классовом обществе с множеством идеологий функционирует единая для него официальная государственная идеология. Точно так же сравнительный и исторический анализ правовых систем современных госу-

¹⁰¹ Мамут Л. С. Указ. соч. С. 14–15.

¹⁰² Сов. государство и право. 1991. № 3. С. 47.

¹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 311.

дарств показывает, что они являются конкретизацией системы ценностей данного общества в сфере права и системе законодательства¹⁰⁴.

Претензии авторов проекта Конституции Российской Федерации на ее деидеологизацию означают лишь отрицание ранее признаваемой в обществе в качестве официальной государственной идеологии социалистической (коммунистической), стремление провозгласить в качестве официальной иную идеологическую систему. За лозунгом деидеологизации Конституции вырисовываются контуры нескольких классических конституций капиталистических государств со всей их идеологической атрибутикой¹⁰⁵. В социально-неоднородном обществе законодательство всегда пронизано определенной идеологией; каждая его составная часть, а тем более такая, как Конституция, – это определенный континуум мыслей, взглядов¹⁰⁶.

Идеология есть прежде всего внутренне согласованное и логически стройное, систематизированное и концептуальное знание. Она включает в себя также ценности, нормы, идеалы, программы действия¹⁰⁷. В то же время идеология (причем любая!) отражает положение человека в обществе, определенных социальных групп, наций и т. д., способствует выражению и реализации их интересов, достижению поставленных целей. Важно отметить, что связь идеологии с интересами была установлена задолго до появления марксизма. «Вот чем объясняется, – подчеркивал Т. Гоббс, – что учения о праве и несправедливости постоянно оспаривают-

¹⁰⁴ Mayer-Maly Th. S. 141–148.

¹⁰⁵ См.: Михалева Н. А. Конституция, политика и социальный прогноз // Сов. государство и право. 1991. № 3. С. 37; Сов. государство и право. 1991. № 3. С. 50.

¹⁰⁶ См.: Чернобель Г. Т. Идеологические основы советского законодательства // Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1989. № 45. С. 5; Мицкевич А. В. Становление основ конституционного строя в Российской Федерации // Государство и право. 1992. № 8. С. 15.

¹⁰⁷ Яковлев М. В. Идеология. М., 1979.

ся как пером, так мечом, между тем как учения о линиях и фигурах не подлежат спору, ибо истина об этих последних не задевает интересов людей, ни сталкиваясь ни с честолюбием, ни с их выгодой или вожделениями. Я не сомневаюсь, что если бы истина, что три угла треугольника равны двум углам квадрата, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии»¹⁰⁸.

Понятия суверенного, демократического, социального правового государства, которыми оперируют авторы проекта Конституции Российской Федерации и проекта Конституции Республики Беларусь, безусловно же, затрагивают в той или иной мере интересы людей, выражают идеалы, к которым стремится общество, они лежат в основе определенных юридических процедур и механизмов. Но если эти понятия лежат в основе проектов, пронизывают все их содержание, то вправе ли мы считать, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве официальной государственной идеологии. Если Конституция государства создается не для декорации, является действующей, обязательной для всех граждан, учреждений, организаций и государства в целом, то процесс ее реализации (осуществления) и означает уже сам по себе, что в соответствующем государстве определенная идеология не просто устанавливается в качестве официальной государственной идеологии, но она еще и защищается всей мощью данного государства.

Таким образом, вопрос заключается не в том, быть или не быть какой-то идеологии официальной государственной идеологией, а в том, какой должна быть официальная государственная идеология. Будет ли это идеология узкоклассовая, воинственная, отрицающая право на существование иных мировоззрений и взглядов (мнений) или такая система

¹⁰⁸ Гоббс Т. Избр. произв. М., 1964. Т. 2. С. 132–133.

взглядов, ценностей, идеалов и норм, которая бы на практике обеспечивала равные права и возможности граждан, их групп и объединений независимо от их взглядов, социального, национального, имущественного и иного положения в обществе и гарантировала развитие его на принципах подлинно правового государства.

Тезис о деидеологизации Основного Закона и законодательства в целом обосновывается тем, что «...никакая совокупность взглядов или ценностей не может никому навязываться»¹⁰⁹.

Представляется, однако, что есть такие ценности, взгляды, нормы, которые непременно навязываются или должны навязываться в любом обществе. И делается это вовсе не потому, что в таком навязывании заинтересованы какие-то отдельные группы людей (классы), а вследствие особой природы ценностей, взглядов и норм, потому что они интегрируют все общество в целом, обеспечивают его целостность и жизнедеятельность, являются его своеобразными «кровеносными сосудами», без нормального функционирования которых невозможно бытие общества как такового. Иными словами, речь идет о том, что можно именовать вечными императивами, которые должны быть навязаны именно всему обществу, всем его структурам. На функцию идеологии как организационного орудия бытия людей одним из первых обратил внимание А. А. Богданов¹¹⁰. «Современные Конституции, – пишет Б. С. Эбзеев, – независимо от социального типа не могут не закреплять присущих всему обществу ценностей и интересов, имеющих общее значение для всех классов и социальных слоев»¹¹¹.

Необходимость государства и права в обществе, закона, единства прав и обязанностей – эти и многие другие подобные им ценности, нормы и взгляды составляют «родовую пу-

¹⁰⁹ Кудрявцев В. Н. Нужна ли нам идеология // Правда. 1990. 26 окт.

¹¹⁰ Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Политиздат, 1990. С. 324.

¹¹¹ Эбзеев Б. С. Сущность Советской Конституции в свете нового политического мышления // Сов. государство и право. 1990. № 12. С. 4.

повину» бытия любого общества независимо от того, признаются они теми или иными членами или группами (слоями) общества. Во имя сохранения целостности общества они должны и будут всегда навязываться его членам в той или иной форме, так как они способны интегрировать общество и направить активность его различных социальных структур в русло общих целей социального исторического прогресса.

К элементам, входящим во все правовые системы, можно отнести также священный характер человеческой жизни, святость кровных уз, различие «моего» и «твоего», принудительную силу данного обещания, некоторые элементарные обязанности человека по отношению к другим людям¹¹².

Можно по-разному относиться к тому или иному политическому режиму, государству, праву, закону, но обойтись без них не в состоянии ни одно социально неоднородное общество. Так что любая серьезная идеология лишь формулирует свое видение этих реальностей, но не может вовсе не принимать их во внимание. Ни одна относительно взятая социальная группа людей не вольна решать быть или не быть государству, праву, закону¹¹³.

Наряду с классово ориентированными, национальными и т. п. системами идеологий есть универсальная система взглядов, ценностей, норм, в которых выражается самооценочность общества, государства и права как таковых, независимо от их конкретных форм бытия. И чем полнее будут выражены эти ценности и взгляды в Конституции государства, тем ближе она будет к тому, чтобы стать действительно Основным Законом общества и государства.

В Конституции должен содержаться тот оптимум идеологии, тот остаток взглядов, ценностей, идей, который не растворяется ни в одной из действующих в данном обществе и сориентированных на какую-то его часть, но не все обще-

¹¹² Вильсон В. Прошлое и настоящее конституционных учреждений. М., 1905. С. 535.

¹¹³ Мамут Л. С. Проблемы теории государства в современной идеологической борьбе. М., 1976. С. 21.

ство в целом идеологий. Данный оптимум нельзя заимствовать, привнести извне, он – следствие долгого развития, эволюции взглядов, норм, ценностей именно того или иного конкретного социума. Задача науки как раз и состоит в том, чтобы на основе исторического опыта конкретного общества найти оптимум идеологии, сформулировать те идеи, ценности и нормы, которые найдут почву во всем обществе и смогут лечь в основание Основного Закона государства.

Текущие законы находятся, с одной стороны, в силовом поле общегосударственной идеологии, сформулированной в концентрированном виде в Конституции государства, а с другой – под воздействием иных систем идеологий, в особенности той, которая взята на вооружение партией или партиями, составляющими большинство в законодательном органе (парламенте). В этом плане возникает весьма важная проблема взаимодействия различных систем идеологий, идеологических установок, подходов в законотворческом процессе.

В самом общем плане можно сформулировать положение, согласно которому ни одна из существующих в обществе систем идеологий не может подменять собою общегосударственную идеологию. Возможные попытки такой подмены общегосударственной идеологии иными идеологическими системами должны быть надежно блокированы различного рода конституционными и иными государственно-правовыми механизмами. Особая роль здесь должна принадлежать органам конституционного надзора (или конституционным судам), которые призваны следить за соответствием текущего законодательства не только букве, но и духу, идеологии Конституции.

В то же время нельзя отрицать и того очевидного факта, что в текущем законодательстве в той или иной форме выражаются и закрепляются идеологические установки парламентского большинства. Важно, чтобы эти идеологические установки не отменяли и не подменяли идей и принципов, сформулированных в Конституции (Основном Законе) госу-

дарства. Понятно, что текущее законодательство, в котором формулируются идеологические установки политических сил центристского толка, сил, поддерживающих идеологические доктрины, близкие по своему содержанию к официальной государственной идеологии, имеет большую стабильность. И наоборот, законодательство, в котором находят выражение идеи радикально настроенных кругов общества или же идеи крайне консервативного толка, обычно подвергается реформированию значительно чаще, его стабильность, как правило, невелика. Такие законы подвергаются изменению сразу же после смены правящего большинства в законодательном органе¹¹⁴. Чем дальше были идеологические установки предыдущего парламентского большинства от идей общегосударственного характера, тем глубже будут и реформы законодательства.

Идеологические концепции, содержащиеся в Конституции государства, обладают определенным «полем» подвижности, т. е. допустимыми рамками их развития и изменения. Законодатель призван действовать в этих и только в этих рамках.

Реформирование текущего законодательства, таким образом, вызывается не только тем, что оно морально устаревает, и не только тем, что существенным образом изменились регулируемые им общественные отношения. При в общем-то прежнем характере и содержании общественных отношений реформы законодательства, правда, разной степени глубины проводятся в многопартийных политических системах парламентским большинством.

Очень важная проблема, с которой сталкивается законодатель, состоит в том, как согласовать между собой выражаемые и защищаемые им интересы и закономерности (тенденции) регулируемых им общественных отношений. Проблем не возникает, если они совпадают в своих основных параметрах: направлении и содержании. Иное дело, когда

¹¹⁴ Богдановская И. Ю. Закон в английском праве. М., 1987. С. 14–15.

они расходятся. Поскольку любая социальная закономерность проявляется в реальной действительности не иначе, как через интересы людей, то данная проблема может быть сформулирована так: чьи интересы должен выражать и защищать законодатель? И правомерна ли вообще постановка вопроса о выражении и защите интересов?

В юридической литературе высказано несколько точек зрения по данному вопросу. Если отвлечься от отдельных, несущественных для понимания сути вопроса деталей, то суть высказанных соображений выглядит следующим образом. Первая позиция состоит в том, что из двух сторон объективно возникшего противоречия закон должен непременно защищать и поддерживать ту, которая состоит из общественных интересов, личные же интересы закон призван защищать лишь в той мере, в какой они не противоречат интересам общественным¹¹⁵. Суть второй точки зрения сводится к прямо противоположным утверждениям. Р. Е. Гукасян считает, что правовое регулирование во всех случаях должно быть ориентировано в конечном счете на личные интересы, так как в механизме правового регулирования ведущее место принадлежит им¹¹⁶.

Эти две крайние точки зрения имеют вместе с тем общее, так как исходят, по сути дела, из одного методологического принципа, суть которого И. Ф. Рябко выразил так: «Позитивное право закрепляло и охраняло одну из борющихся противоположностей в жизни общества, одно из состояний общественного противоречия»¹¹⁷.

Известным компромиссом между двумя изложенными выше точками зрения является позиция Н. Н. Деева и Р. Ш. Шарафетдинова, которые полагают, что в правовом государ-

¹¹⁵ Баймаханов М. Т. Указ. соч. С. 280; Сурилов А. В. Теория государства и права. Киев; Одесса, 1989. С. 286–287.

¹¹⁶ Гукасян Р. Е. К вопросу о повышении эффективности правовой науки // Сов. государство и право. 1990. № 3. С. 113.

¹¹⁷ Рябко И. Ф. Правосознание и правовое воспитание. Ростов н/Д, 1969. С. 94.

стве закон служит основой для разрешения противоречий и конфликтов путем особой конституционной процедуры согласования в нем многообразных социальных интересов и придания доминирующим из них статуса всеобщей государственной воли¹¹⁸. Высказана также точка зрения, согласно которой следует стремиться к учету в законах различных интересов и отысканию компромиссов между ними, ибо суть управления обществом состоит в нахождении согласия, компромисса¹¹⁹. Б. С. Эбзеев применительно к Конституции государства высказал точку зрения, согласно которой Конституция может и должна выступать в качестве юридически законного баланса интересов всех классов и социальных слоев общества, а также наций и этнических групп, образующих единую государственно-правовую общность¹²⁰.

Представляется, что для правильного ответа на данный вопрос следует исходить из того положения, что закон как акт-документ, вообще-то говоря, не может претендовать на разрешение социальных противоречий, так как он относится не к сфере сущего, а к сфере должного. Реализация же непротиворечивого должного, которое формируется путем препарирования реальных общественных отношений, приводит к тому, что закон просто не в состоянии обеспечить реализацию возможных тенденций общественного развития¹²¹, связаны ли они с доминированием личных либо общественных интересов. Если даже теоретически предположить, что законодатель встал бы на те позиции, суть которых сводится к доминированию личных либо общественных интересов, то тем самым в законодательстве создавались бы

¹¹⁸ Деев Н. Н., Шарафетдинов Р. Ш. Социалистический плюрализм и политика // Сов. государство и право. 1989. № 4. С. 4.

¹¹⁹ См.: Чинчиков А. А. О роли права в обеспечении сочетания интересов в социалистическом обществе // Вопр. теории государства и права. Саратов, 1991. С. 176–183; Лившиц Р. З. Современная теория права. Краткий очерк. М., 1992. С. 31.

¹²⁰ Эбзеев Б. С. Указ. соч. С. 5.

¹²¹ Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. М., 1965. С. 53.

«правовые основы» для гражданской войны, так как действия, направленные на разрешение противоречий общественной жизни таким образом, всегда направлены против действий других людей, других видов деятельности¹²².

Если исходить из той посылки, что законодатель должен воплощать в законе разумный компромисс различных политических сил, разных направлений общественной мысли, то закон легко может быть превращен в инструмент произвола, а все законодательство в легализацию силы. Часть населения, получив всякий раз большинство в законодательном органе и по-своему, естественно, понимая консенсус и пределы компромисса, всякий раз и на свой манер кроила бы и перекраивала правовую систему по своему образу и подобию, не считаясь с теми принципами, которые были заложены в систему законодательства ранее. И такое поведение большинства с точки зрения сторонников логики компромиссов было бы вполне правомерным. При этом почему-то не принимается во внимание, что в силу целого ряда причин, стечения случайных обстоятельств (несовершенство законодательства о выборах, политическая конъюнктура и т. д.) состав законодательного органа может вовсе не выражать (или выражать не адекватно) подлинных интересов народа. Более того, сиюминутные интересы людей могут выступать на первый план и заслонять их глубинные и устойчивые потребности.

В действительности законодательный орган состоит из конкретных депутатов, не лишенных весьма определенных интересов и стремящихся придать им всеобщую форму в виде закона. Как реально в этих условиях может быть выражен общий интерес и какие механизмы могут препятствовать выражению в законах групповых интересов и можно ли с математической точностью вычислить баланс интересов в парламенте, есть ли для этого соответствующие правовые механизмы? Очевидно, что в формуле согласования в законе

¹²² Боршев С. Г. Основные проблемы диалектики противоречий: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1968. С. 23.

различных интересов, достижения разумного компромисса гораздо больше вопросов, чем ответов на них.

Теория «баланса интересов», помимо всего сказанного, выше и присущего ей недостатка во взглядах на закон как средство выражения противоречивых интересов, имеет тот изъян, что в реальной действительности баланс интересов держится очень непродолжительное время, постоянно колеблется, зависит от очень многих факторов и обстоятельств. Даже не теоретические и практические сложности, которые возникают при построении баланса интересов, а его относительность, текучесть, постоянная изменчивость привели бы законодателя к неразрешимым противоречиям, необходимости перманентного совершенствования законодательства вследствие изменения в балансе интересов.

Следует иметь в виду, что внутри исходной формы развития противоречие неразрешимо, что оно находит свое разрешение в порождении новой, более высокой и сложной формы развития¹²³, т. е. нового противоречия. Разрешить реальное противоречие в общественных отношениях – это значит изменить, преобразовать эти отношения таким образом, чтобы на месте старых отношений появились обремененные иными противоречиями новые отношения. При такой постановке вопроса становится понятно, что для закона миссия разрешителя противоречий непосильна. Возникающие естественно-историческим путем, в процессе повседневной борьбы и сотрудничества противоречия в общественных отношениях и преодолеваются всем ходом практической деятельности людей.

Центральная проблема в разрешении противоречий общественных отношений, если исходить из эволюционного, а не революционного понимания исторического процесса, состоит в соединении, сочетании противоположных интересов¹²⁴, в создании условий для равнодействия противополож-

¹²³ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 269.

¹²⁴ Противоречия как внутренний источник и движущая сила развития социализма // Филос. науки. 1981. № 1. С. 7.

ностей¹²⁵, в поддержании их в рамках относительного соответствия, недопущении того, чтобы противоречия «выползали наружу» в виде резкой диспропорции или конфликта¹²⁶.

Нам представляется, что ответ на поставленный вопрос лежит в несколько иной плоскости. Дело в том, что когда мы говорим о согласовании (или выражении) и защите интересов, то забываем, что регулируются все же не интересы, ибо последние управляют поведением людей и определяются не законодателем, а реальными социальными процессами, и, в конечном счете, чтобы изменить интересы, надо изменить причины, их порождающие.

В интересах находят отражение многообразные виды человеческой деятельности, через интересы проявляются реальные общественные отношения, которые и составляют предмет деятельности законодателя. Общественные же отношения носят безличный характер, поскольку в них отражаются существенные социальные связи. При этом общественные отношения не зависят от конкретных индивидов (и их интересов), вступающих в общение друг с другом и персонифицирующих социальные связи¹²⁷, ибо они есть результат предшествующей человеческой деятельности и в то же время необходимое условие, предпосылка деятельности в данное время. Общественные отношения есть нечто первичное и определяющее по отношению ко всем видам человеческой деятельности, в том числе и деятельности законодателя¹²⁸, являются обязательной формой (или способом) осуществления любой деятельности. «Материальные отношения, – подчеркивал К. Маркс, – суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется ... материальная деятельность»¹²⁹.

¹²⁵ Борщев С. Г. Указ. соч. С. 23.

¹²⁶ Косицина Ф. П. Категорию «диалектическое противоречие» в действующее орудие перестройки // Филос. науки. 1988. № 11. С. 6.

¹²⁷ Буева Л. П. Человек: деятельность, общение. М., 1978. С. 121.

¹²⁸ Лармин О. В. О структуре общественных отношений // Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970. С. 65.

¹²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 403.

В сложившихся и упрочившихся общественных отношениях интересы различных социальных групп населения, их общностей, занятых различными видами человеческой деятельности, уже согласованы сами по себе и сбалансированы, они стали тем, что и называется общественными отношениями, тем общим, что составляет необходимые условия бытия людей. Рано или поздно в принципе любые, даже самые противоположные, интересы могут быть согласованы естественноисторическим образом. Задача же законодателя – утвердить в обществе и защищать цивилизованные формы разрешения сталкивающихся частных интересов, а не согласовывать эти частные интересы. Еще Чезаре Беккария писал: «Законы ... как узы необходимые, чтобы сдерживать и подавлять столкновения частных интересов. Вот на чем покоится физическая и деятельная сила законов»¹³⁰. Истинная задача закона – обеспечить естественный ход социальных процессов, нормальное функционирование общественных институтов¹³¹, добиться автоматизма в их действии, устранять помехи и препятствия на их пути, снижать издержки и потери, ослаблять действие нежелательных побочных эффектов и вредные последствия, которые могут возникнуть при любых обстоятельствах.

Такое понимание роли законодателя и назначения закона в жизни общества основано на взаимной зависимости индивидов в обществе, на понимании того, что никто лучше самих участников человеческого общения не сможет согласовать их интересы.

Законодатель призван найти в реальной действительности и сформулировать на языке закона правила, конструкции и формы движения и разрешения реальных жизненных противоречий. Такие формы, которые бы держали противоречия в «границах порядка». Закон должен установить и заставить соблюдать систему правил, которые имеют своей целью

¹³⁰ Беккария Ч. О. О преступлениях и наказаниях. М., 1940. С. 208.

¹³¹ Влияние научно-технического процесса на юридическую жизнь. М.: Юрид. лит., 1988. С. 31.

регулирование конкуренции между различными интересами. Закон, таким образом, призван установить рамки социального порядка, связать участников (субъектов) этого порядка определенными нормами¹³².

С появлением новых, неизвестных ранее обществу противоречий должны быть сформулированы и новые формы, в которых будут разрешаться противоречия. Но чаще всего богатый опыт исторически противоречивого развития общественных отношений уже когда-то выработал такие цивилизованные формы движения и разрешения противоречий. И законодатель их может широко использовать. Преимственность, заимствование в законотворчестве и оказываются возможными именно потому, что формы движения социальных противоречий, открытие в свое время законодателями различных эпох и народов не имели непосредственной связи с интересами отдельных групп, социальных слоев людей. Те же юридические конструкции, в которых выражались и выражаются (есть, безусловно, и такие в любой правовой системе) откровенно или в завуалированной форме чьи-то интересы, имеют конкретно-историческое значение и теряют свою ценность с изменением социальных условий бытия общества.

Функции закона в регулировании социальных противоречий состоят, таким образом, вовсе не в том, чтобы выразить и закрепить чьи-то интересы, придать им доминирующий характер или подводить балансы интересам, а в том, чтобы создать оптимальные рамки для нормального процесса выражения, согласования и разрешения противоречий между реальными интересами. Смысл, таким образом, состоит в закреплении всеобщих, формально равных для всех членов общества условий, позволяющих им цивилизованным способом улаживать все многообразие конфликтов.

Создавая формы, процедуры, механизмы разрешения противоречий, законодатель как бы устанавливает в обществе

¹³² Jenkins A. Social order and the limits of: (A. theoretical essay). Princeton: Princeton univ. press, 1980. Vol. XIV. P. 383.

те незримые барьеры между борющимися в обществе социальными силами, индивидами, их объединениями, преодолеть которые никто не имеет права без того, чтобы не нарушить естественный ход развития социальных процессов.

Всеобщность закона в означенном выше смысле, его авторитет и верховенство как раз и состоят в том, что именно в законе, сформулированном избранными всем народом представителями, и закрепляются универсальные, общие для данного социума формы, механизмы и процедуры разрешения всего многообразия социальных противоречий. Ни один из источников права, иных видов нормативных правовых актов не может претендовать, с точки зрения представленных в нем мнений членов общества, на единые для всех, универсальные средства легального разрешения конфликтов. Это под силу только закону – акту, издаваемому высшим органом законодательной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коренные преобразования всей правовой системы, разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, настоятельно требуют не «косметического» ремонта, а существенного пересмотра ранее сложившейся концепции верховенства закона. В новых условиях, во-первых, надо найти новые методологические и теоретические опорные точки в данной концепции и, во-вторых, сохранить ранее накопленные и не потерявшие своей значимости знания по проблемам верховенства закона, которые обеспечат преемственность юридической доктрины. Современная концепция верховенства закона может быть представлена в форме четырех составных частей теоретического знания о законе, его месте и роли в правовой системе общества и системе источников права, каждая из которых подчеркивает особенности данного вида источников права, а в совокупности они наиболее полно раскрывают понятие верховенства закона.

Первую составную часть концепции верховенства закона составляют выводы и положения о соотношении объективных социальных законов и законов юридических, которым предшествуют выводы об этимологии слова «закон» и краткий очерк истории взглядов на соотношение юридического закона и иных видов законов.

На ранних этапах существования древнерусской правовой системы слово «закон» было собирательным и обозначало понятие, которое включало правовые по своему содержанию обычаи и традиции, религиозные нормы и нормы права, издаваемые князьями. Постепенно из содержания сло-

ва «закон» выпали религиозные нормы, а централизация государственной власти, сопровождавшаяся активным государственным нормотворчеством, способствовала сужению содержания русского слова «закон» до актов государственной власти. Последовательное разделение законодательной и исполнительной власти в условиях формирования правовой государственности скорее всего приведет к тому, что термин «закон», как в юридической науке, так и общественном сознании, будет использоваться только для обозначения норм права, исходящих от законодательной власти, что будет содействовать повышению верховенства закона.

Различение юридического и объективного (божественного, естественного, человеческого, морального и т. д.) закона прослеживается издревле, при этом четко просматривается линия, согласно которой юридический закон и его создатель – законодатель – ограничены действием иного вида законов, не могут их отменить, но вынуждены приспосабливаться к действию этих законов, учитывать их содержание. Для уяснения механизмов взаимодействия юридического и объективного социального закона в работе были соотнесены их признаки и свойства.

В отличие от объективного социального закона, который в философской и социологической литературе рассматривается не иначе, как существенная связь между явлениями или процессами, характеристика юридического закона в этом плане не отличается четкостью и ясностью. Желательно, чтобы законодатель регулировал основные общественные отношения, но не менее важно, чтобы законодатель упорядочивал как можно более широкий круг общественных отношений. Следовательно, общее положение о предмете законодательного регулирования не может быть сформулировано в качестве обязательного требования о закреплении в юридическом законе самых важных, наиболее существенных общественных отношений. И в этом плане между законом в юридическом смысле слова и объективным социальным законом полного тождества нет, да и быть не может. Круг

объектов законодательной регламентации не может быть определен исчерпывающим образом и установлен заранее, так как это связало бы законодателя в выборе регулируемых им общественных отношений. Отсюда следует, что при определении понятия верховенства закона указание на регулирование в законе существенных, важных и т. п. вопросов государственной и общественной жизни является не работающей теоретической конструкцией.

Среди основных признаков объективного социального закона важное место занимает такое его качество, как всеобщность, которое охватывает не одно явление, а сравнительно большую группу качественно однородных явлений.

При сопоставлении данного свойства объективного социального закона со свойствами юридического закона выясняется, что по данному параметру между ними гораздо больше различий, нежели подобия. Причем имеющиеся различия носят настолько принципиальный характер, что трансформировать всеобщность социального закона в соответствующее свойство закона юридического и тем самым сблизить два вида законов ни теоретически, ни практически невозможно. Так, в отличие от объективных социальных законов, имеющих универсальный характер и охватывающих абсолютно все без исключения явления, предмет законодательного регулирования, хотя и необычайно широк, но все же имеет свои границы. Кроме того, в юридическом законе могут быть предусмотрены исключения, которых у социального закона нет, юридический закон может быть нарушен, в то время как объективный социальный закон нерушим.

При сопоставлении юридического закона с такими свойствами объективного социального закона, как повторяемость и устойчивость социальных связей, выделяются три момента:

1. Для социального и юридического закона чрезвычайно важны условия действия. Но если в объективном социальном законе условия составляют его органическую составную часть, то для юридического закона условия действия

имеют внешнюю по отношению к нему природу, и от того, насколько точно они учтены и отражены в законе, зависят его действенность, эффективность и жизнеспособность. Если юридический закон в состоянии воздействовать на условия, вызывающие к жизни объективные социальные законы, то он может влиять на изменение существующих и содействовать возникновению новых общественных отношений. Творческая сила юридического закона, его авторитет и верховенство напрямую определяются тем, насколько сильно данный вид источников права воздействует на участников общественных отношений, влияет на мотивы и интересы при выборе вариантов поведения, т. е. на условия своего действия. В содержательном, а не в формальном смысле слова верховенство закона определяется тем, что посредством именно данной формы права общество в лице государства, используя экономические, финансовые, политические и иные ресурсы может реально воздействовать на условия своего бытия и тем самым оказывать влияние на объективные социальные законы, изменять их. Иные источники права – правовой прецедент, правовой обычай, договор нормативного содержания, доктрина (наука) – в силу своих качеств не могут быть задействованы в этом процессе.

2. Повторяемость и устойчивость социальных связей – свойства социального закона, которые лежат в основе создания норм права. В силу того обстоятельства, что свойства повторяемости и устойчивости не раскрывают внутреннего содержания и направленности социальных связей, оказывается, что юридический закон имеет дело с формой объективного социального закона, а не с его содержанием. В этом и состоит одна из проблем, с которой сталкивается законодатель. Вынужденный ориентироваться на устойчивость и повторяемость интересующих его связей, законодатель часто упускает из виду самое содержание и направленность регулируемых общественных отношений.

3. Одна из закономерностей системы законодательства состоит в следующем: чем быстрее система законодательства

реагирует на изменения в общественных отношениях, тем быстрее она развивается, изменяется и стареет. Но быстрое изменение системы законодательства не отвечает потребностям общества в наличии стабильной системы законодательства. Законодатель должен делать выбор: либо стабильность юридического закона и неадекватность отражения в нем содержания реальных общественных отношений, либо адекватное отражение социальных процессов при постоянном и непрерывном изменении закона. Искусство законодательства состоит в том, чтобы сбалансировать стабильность закона с адекватностью отражения в нем содержания регулируемых общественных отношений. Таким образом, как требование стабильности закона, так и требование адекватного отражения в нем регулируемых отношений имеют относительный, условный характер и ни одно из них не может быть главным и решающим в деле повышения верховенства закона.

При сопоставлении такого свойства объективного социального закона, как необходимая связь с юридическим законом, выясняется, что необходимость – основа социального закона, что само понятие юридического закона как чего-то обязательного, «принудительного» связано именно с этой его чертой. Свойство необходимости социального закона лежит в основе нормативности – фундаментального качества права и закона. Не воля законодателя, а необходимая связь социального закона, выраженная в законе юридическом, обеспечивает общую значимость и обязательность юридического закона. Отсюда вытекает, что сила юридического закона в конечном счете определяется не государством, а социальными факторами, способными удерживать при определенных условиях общественные отношения в заданном режиме – средствами и механизмами осуществления самых разных видов человеческой деятельности. Сила юридического закона, таким образом, совпадает с общими физическими, моральными, интеллектуальными и волевыми усилиями участников общественных отношений, а го-

сударственное принуждение составляет ее внешнее проявление.

У действия юридического и социального закона очень много похожих моментов. Для механизма действия как социального, так и юридического закона характерно воспроизводство и развитие конкретных причинно-следственных связей, повторение одних и тех же этапов и стадий действия. Вместе с тем строгая последовательность этапов и стадий осуществления очевидна лишь на примере действия отдельного юридического закона, в отношении системы законодательства в целом, особенно в условиях широкомасштабных реформ законодательства, данная проблематика практически не исследована. Но у системы законодательства имеются свои закономерности, своя логика бытия и развития, которые не совпадают с закономерностями, которые присущи другим сферам жизни общества, и с логикой их реформирования. Отсюда следует вывод о том, что при определении развития законодательства на длительную перспективу следует совместить в одну плоскость качественно различные системы закономерностей и на этой основе разработать стратегию (концепцию) развития законодательства.

Исходная категория социального закона – это требование закона. Законодатель приходит к пониманию требований социальных законов, отталкиваясь от конечных результатов их действия, т. е. проделывает путь, обратный движению социального закона. Конечный результат действия социального закона превращается в идеал, модель деятельности законодателя, является для него принципом и ориентиром деятельности. Мечта юристов о том, чтобы юридический закон действовал с такой же железной необходимостью, как и закон социальный, может быть реализована тогда, когда цели юридического закона будут сформулированы адекватно результатам действия социальных законов. В то же самое время следует иметь в виду, что деятельность людей, подвергаясь постоянным изменениям, никогда полностью не копирует предшествующий опыт, что социальная

необходимость приобретает всякий раз новые формы и не может быть в полной мере учтена и выражена в нормативных велениях юридического закона. С этих позиций сближение юридического закона с законом социальным возможно и желательно, но вряд ли осуществимо в полной мере.

Важный аспект соотношения юридического и социального закона состоит в изучении возможностей воздействия юридического закона на динамическую и статистическую стороны социального закона.

Поскольку закономерности построения текста юридического закона практически ничем не отличаются от особенностей динамической стороны социального закона, то сближение юридического закона с социальным законом в этом отношении фактически сводится к созданию такого текста юридического закона, в котором бы закреплялись однозначные связи между нормативно-правовыми положениями, статьями, главами и иными структурными частями текста закона.

В соотношении юридического закона с содержанием статистической стороны социального закона выделяется три момента.

Во-первых, отражая тенденцию в социальных процессах, юридический закон не может полностью охватить ее. В этом заложена потенциальная предпосылка того, что юридический закон никогда не сможет быть полностью адекватным содержанию регулируемых им общественных отношений. Во-вторых, статистическая природа социальных законов означает, что постоянная корректировка юридического закона является закономерным и нормальным способом его бытия, а не только следствием каких-то привходящих, по преимуществу субъективных обстоятельств. В-третьих, стабильность юридического закона есть лишь переходящая форма его существования, в то время как изменчивость является основным способом его жизнедеятельности.

В свете сказанного повышению верховенства закона способствует не только требование стабильности закона, но и по-

ложение о постоянной его корректировке. У юридического закона следует выделить меру стабильности и меру адекватности, выход за пределы которых подрывает верховенство закона. Мера стабильности закона может быть определена путем изучения естественного цикла его действия, а мера адекватности – выражена через понятие эффективности.

Учение о статистическом характере социальных законов позволяет утвердительно ответить на вопрос о допустимости прецедента в качестве источника права в правовой системе Республики Беларусь. Природа юридического закона такова, что он искусственно отсекает от социального законотенденции многие социальные действия, так как не в состоянии учесть всю их совокупность, как наличную, в момент принятия юридического закона, так и те, которые появляются позже. С философско-методологических позиций необходимость прецедента как формы нашего права, способной чутко реагировать на изменения в социальном законотенденции и выразить все богатство и многообразие форм его проявления, не вызывает сомнений. При этом прецедент позволяет безболезненно для общества адаптировать юридический закон к правовой системе.

Существование прецедента как источника права не подрывает авторитет закона, а, наоборот, как бы это ни казалось парадоксальным, способствует повышению его верховенства. Органично дополняя закон, прецедент позволяет правовой системе в целом наиболее полно отразить противоречивые и далеко не однозначные процессы в общественных отношениях, чутко реагировать на них. Закон можно использовать для отражения более глубоких тенденций социального развития, решения стратегических проблем жизни общества, а все многообразие конкретных социальных ситуаций можно было бы урегулировать с помощью прецедента.

Вторая часть современной концепции верховенства закона включает систему теоретических положений о правовом уровне верховенства закона, который строится на различении права и закона, включает изучение правовой

природы общественных отношений, анализ возможностей закона в регулировании общественных отношений, в том числе в соотношении с актами исполнительной власти.

Закон может регулировать лишь правовые по своей природе общественные отношения, а качество верховенства присуще лишь тому закону, который соответствует содержанию данных отношений. Правовым по своей природе общественным отношениям свойственны следующие черты:

1. Эти отношения складываются в результате разделения общественного труда, появления частной собственности и возникновения имущественного неравенства, а процесс создания, обмена и распределения материальных и духовных благ происходит в этих условиях в форме определенных стоимостей.

2. Участники данных отношений строят свои взаимосвязи на эквивалентных началах. Принцип правового эквивалента, зародившись в области товарообмена, постепенно проникает во все сферы социальной действительности, в том числе и в отношения публично-правового характера.

3. Правовые отношения базируются на формальном правовом равенстве сторон, которое не навязывается извне, а вырастает как естественный, закономерный результат развития общественных отношений, основанных на эквивалентном обмене стоимостями.

4. Правовое отношение может функционировать, основываясь на принципе всеобщего правового равенства. Равный и единый масштаб не может быть установлен помимо волевых устремлений всех участников правового общения.

5. Данное отношение – социально контролируемое отношение и может быть вследствие этого подвергнуто воздействию со стороны государства. Участники правового общения кровно заинтересованы в том, чтобы в ходе передвижения (перехода) благ не нарушался принцип эквивалентности, ибо это подрывает правовые устои общества. Именно в социальной контролируемости правового общения и заложена, вообще-то говоря, возможность государственного принуждения.

Важная составная часть понятия «верховенство закона» формируется в результате изучения соотношения законов с актами исполнительной власти, что позволяет выделить ряд элементов, определяющих качество закона как высшего по своей юридической силе нормативного правового акта. Основу разработанной в нашей юридической науке концепции верховенства закона составляло положение о полномочиях (верховенстве) представительных органов власти в структуре органов государства. Данный признак закона как бы стягивал, объединял вокруг себя все остальные свойства закона, придающие ему главенствующее положение среди нормативных правовых актов. Все остальные свойства, составлявшие содержание принципа верховенства закона, были производными от него, конкретизировали, детализировали и уточняли данный признак верховенства закона.

Основанная на официально провозглашенном принципе полномочия представительных органов власти, наша доктрина верховенства закона была вынуждена подгонять факты и процессы, которые опровергали господствующее положение закона в системе нормативных правовых актов, под заранее заданные политические клише и штампы. Одинаковые по характеру процессы и тенденции в развитии источников права в буржуазных государствах и в Советском Союзе оценивались диаметрально противоположно.

Изучение изменений в реальном положении закона, которые происходят в условиях начавшегося процесса разделения властей, сравнительно-правовое исследование положения закона в правовых системах других государств, анализ различных точек зрения на понятие верховенства закона позволяет сделать ряд теоретических выводов.

Во-первых, между принципом верховенства закона и принципом верховенства (полномочия) высшего представительного органа власти (парламента) нет жесткой, однозначной зависимости. Не всегда и далеко не везде верховенство парламента приводит к верховенству закона.

Во-вторых, даже при неограниченных полномочиях парламента верховная законодательная власть не в состоянии справиться с созданием необходимого объема норм права. Значительная часть норм права издается исполнительной властью, которая располагает для этого соответствующими полномочиями.

В-третьих, доктрина разделения властей, утверждающая доминирующую роль законодательной власти над властью исполнительной и закрепление за законодательной властью исключительного права на формулирование общеобязательных норм права, весьма уязвима теоретически. Не была она нигде реализована и на практике, все известные попытки ее реализации закончились неудачно.

Таким образом, нет единого, универсального, пригодного для любой и каждой правовой системы принципа верховенства закона. Место и роль закона среди источников права зависят от очень многих обстоятельств: формы правления, формы государственного устройства, государственно-правового режима, характера правовой системы, видов источников права и т. д. Есть принцип верховенства закона как ценность, как идеал, но наряду с ним существует и определенная форма его воплощения в той или иной системе организации верховной государственной власти, в той или иной правовой системе. В данном смысле выведение принципа верховенства закона из полновластия представительных органов власти есть всего лишь один из вариантов его теоретического обоснования и практического воплощения. Нет полновластия представительных органов власти, но остается принцип верховенства закона, который должен быть наполнен иным содержанием.

В условиях разделения властей принцип верховенства закона проявляется в том, что закон остается основным писанным источником положительного права. Важно, что закон при этом издается органом, для которого формулирование общеобязательных правил поведения является основным назначением.

В отличие от власти законодательной исполнительная власть призвана прежде всего проводить в жизнь конституцию и законы государства и действовать при этом в основном индивидуальными правовыми средствами. В этом состоит главное, основное назначение исполнительной власти. В рамках предоставленных полномочий исполнительная власть вправе издавать и нормативные правовые акты, отдельные из которых не уступают по своей значимости законам государства, но издание общеобязательных правил поведения для исполнительной власти не является основным назначением, не выражает, так сказать, существа данной ветви власти. Правотворческая функция имеет для исполнительной власти вспомогательное значение.

Кроме того, исполнительная власть не наделяется правом формирования для самой себя нормативной основы. Основные моменты правового положения всей ветви исполнительной власти в целом определяются в Основном Законе государства – Конституции страны. В этом также проявляется приоритет, «верховенство» закона среди иных источников права, в том числе нормативных правовых актов исполнительной власти.

Верховенство закона проявляется далее в том, что законы, изданные в соответствии с Конституцией государства, являются обязательными для исполнения всей ветвью исполнительной власти. Закон, таким образом, предопределяет характер, основные направления, порядок и формы деятельности исполнительной власти, а соответственно и содержание очень многих ее нормативных правовых актов. В то же время исполнительная власть не вправе издавать общеобязательные для деятельности высшего законодательного органа власти страны нормативные правовые акты, не может регламентировать порядок, основные направления и формы деятельности законодателя.

Очень важное проявление верховенства закона состоит в том, что в законе и только в законе (прежде всего в Конституции государства) закладываются, выражаются отправные,

фундаментальные принципы и идеи построения, функционирования и развития всей правовой системы страны. Никто, кроме законодателя, не вправе вносить изменений в правовой фундамент государства. Ни теоретически, ни практически в государстве не может быть двух центров, которые строили бы правовую систему на различных, тем более, на прямо противоположных принципах и основаниях. Эти принципы и основания должны исходить из одного центра, которым является законодательная власть. Происходит это благодаря тому, что именно законодательная власть располагает, как правило, учредительными полномочиями.

Численная величина законов оказывает влияние на их качественное своеобразие и, соответственно, на положение в системе законодательства в целом. Вопрос о количественном соотношении между видами нормативных правовых актов рассмотрен на примере бывшего Союза ССР, Англии, США, Франции, ФРГ, Российской Федерации, Республики Беларусь. Статистические данные убедительно свидетельствуют, что в правовых системах указанных государств, при всем их различии, число нормативных правовых актов, издаваемых исполнительной ветвью власти, преобладает над числом законов. Анализ полученных статистических данных позволил сделать следующие выводы:

Во-первых, даже постоянно действующие органы законодательной власти не в состоянии принимать неограниченное количество нормативных правовых актов. Исполнительная власть не может быть вытеснена из сферы правотворчества ни по теоретическим, ни по чисто практическим соображениям. Нет для этого и правовых оснований.

Во-вторых, для современных государств характерно значительное возрастание роли исполнительных органов власти в решении экономических, социальных и политических проблем. Возрастание роли исполнительных органов власти и рост числа нормативных правовых актов исполнительной власти – два тесно сопряженных процесса. Нельзя усили-

вать роль исполнительной власти, лишая ее правотворческих полномочий.

В условиях количественного преобладания актов исполнительной власти над законами повышение верховенства закона должно выражаться в укреплении его господства в иерархической структуре законодательства в качестве центра всей системы законодательства.

Один из путей в этом направлении – увеличение среди законов числа нормативных правовых актов кодифицированного типа, сочетающих в себе одновременно увеличение числа обобщенных норм права и регулирование общественных отношений по существу. В кодифицированных актах удается тесно увязать нормы права большой степени общности с более конкретными нормами. В этом случае при сохранении общего пропорционального соотношения между законами и иными видами нормативных правовых актов происходит, во-первых, расширение круга регулируемых законом общественных отношений и, во-вторых, наряду с регулированием в законе общих сторон общественных отношений их более конкретная регламентация.

Важно также оптимизировать регулятивную и управленческую функции, каждая из которых требует для своей реализации специфических правовых механизмов и норм права. Регулятивная функция обуславливает наличие в содержании закона конкретных правовых предписаний непосредственного действия, а управленческая – норм-принципов, норм-целей, норм-задач и т. д., т. е. предписаний обобщенного характера, в которых определяются лишь главные направления и основные элементы механизма правового регулирования общественных отношений.

Одна из причин того, что закон в последние годы значительно потерял свое верховенствующее положение в системе источников права, и состоит как раз в том, что законом была во многом утрачена управленческая функция, которую выполняли заглавные, отраслевые и межотраслевые законы

кодифицированного типа. В них содержались сквозные для всей системы законодательства и отдельных ее отраслей идейно-теоретические начала и принципы, определялась структура законодательства и структура его отраслей, формулировались механизмы разрешения противоречий в системе законодательства, т. е. те «скрепы», которые придавали закону особое значение в системе нормативных правовых актов и иных источников права. В целях совершенствования законотворческой практики следовало бы более основательно изучить проблему функциональной характеристики не только законов, но и других важнейших видов нормативных правовых актов. В идеале ни один нормативный правовой акт или иной источник права нельзя вводить в действие без учета его функциональной характеристики. Реализация данного требования значительно повысила бы качество подготавливаемых источников права.

Третья часть современной концепции верховенства закона – ее гносеологическая составляющая – включает в себя систему положений об отличии законов науки от имманентных (объективных социальных) законов, а также выводы о соотношении законов науки и юридического закона.

Об объективных социальных законах законодатель в основном знает то, что содержится в законах науки. Переводя данные научного знания на язык юридического закона, законодатель невольно «искажает» в юридическом законе точность и полноту содержания объективного социального закона. Таким образом, оказывается, что по полноте и точности отражения в юридическом законе содержания объективных социальных законов он отстоит от них еще далее, чем законы науки. Ориентируясь на законы науки, законодатель никогда не сможет в полной мере осуществить требование об адекватности содержания юридических законов реальным общественным отношениям вообще и объективным социальным законам в частности. И причины здесь кроются не в слабости юридической науки, не в ошибках и некомплектности законодателя, а в особенностях процесса познания социаль-

ной действительности, в специфике перевода содержания социальных законов на язык законов науки, а затем законов науки – на язык юридического закона. В ходе данных процессов точность и полнота отражения подлинной природы социальных отношений нарушаются все более и более.

Существо проблемы адекватного отражения в юридическом законе содержания регулируемых общественных отношений состоит в выяснении того, почему и насколько искажается реальная картина социальной действительности в результате сначала ее научной интерпретации, а затем – и юридического оформления. Такой подход ориентирует законодателя на то, чтобы предусмотреть в законах и правовой системе в целом механизмы и процедуры, позволяющие по возможности блокировать неизбежные в ходе законотворчества искажения подлинной природы регулируемых общественных отношений. В состав таких механизмов следует отнести ряд источников права – правовой прецедент, правовой обычай, договор нормативного содержания, ибо с их помощью правовая система получает дополнительные возможности более точного и полного выражения подлинной природы общественных отношений. Так что и в гносеологическом контексте проблема иных, кроме закона и нормативных правовых актов, источников права в правовой системе решается вполне положительно.

Законодатель, как правило, имеет дело уже с накопленной совокупностью знаний об интересующих его социальных процессах, часть необходимых сведений он получает в ходе своего правотворческого опыта, черпает из опыта законодателей иных государств, важная часть необходимых для него данных уже содержится в системе действующих неправовых социальных норм и иных социальных регуляторах.

Анализ соотношения научного и опытного знания, используемого законодателем, позволяет сделать вывод о том, что такое соотношение менялось в различные эпохи. Первые законодатели были весьма осторожны и объявляли законом лишь то, что уже вошло в обычай и существовало на практике.

Современный законодатель имеет возможность опираться на обычаи и традиции, накопленные научные данные, но находится в более сложном положении, чем законодатели прошлого. Обычай в современном индустриальном обществе при динамизме социальных процессов потерял свое былое значение и не имеет широкого распространения. Возможности законодателя в проведении самостоятельных научных исследований ограничены, законодательный эксперимент требует больших материальных и финансовых затрат.

Положение законодателя осложняется тогда, когда ему приходится регулировать общественные отношения, природа и закономерности которых еще не исследованы, но законодатель при этом не вправе откладывать их регулирование. В таком положении законодатель оказывается чаще всего в переломные эпохи, в моменты проведения крупных реформ, охватывающих все сферы человеческого бытия. В этом случае законодателю следует более широко использовать эмпирические знания о социальных процессах, опыт законодательства, накопленный иными государствами, и законы-рамки.

По основным своим параметрам юридические законы весьма схожи с законами науки. То, что превращает юридические законы в относительно самостоятельную группу, может быть сведено к следующим моментам.

Во-первых, процесс создания юридических законов в отличие от формирования законов науки подчинен заранее поставленной цели и протекает в установленных формах, осуществляется в соответствии с юридическими процедурами. Законодатель заранее знает, для чего ему нужен тот или иной закон, поставленная цель обуславливает пути и формы получения необходимой информации, предопределяет способы и средства решения поставленной задачи, при этом процедура разработки и принятия закона жестко связывает законодателя в поиске ответов на стоящие перед ним вопросы.

Во-вторых, в отличие от процесса познания, в результате которого происходит формулирование законов науки, про-

процесс познания социальной действительности в законотворческом процессе происходит нормативно-оценочным способом. Элементы научного и иных способов познания могут присутствовать в этом процессе и оказывать серьезное влияние на его результаты, но завершающие этапы законотворческого процесса и непосредственное формулирование самого текста юридического закона осуществляются единственно возможным в этом деле нормативно-оценочным способом.

В-третьих, процесс реализации юридического закона заранее обречен на то, что он прямо или косвенно, в той или иной форме замыкается на государстве. Законы же науки в процессе своей реализации не имеют жесткой связи с государством. Находя отражение в программах, мероприятиях, осуществляемых государством, они не утрачивают своей природы. Точно так же они остаются законами науки и тогда, когда их использование в преобразовании социальных процессов происходит в формах, которые не имеют связи с государством.

В-четвертых, важной особенностью собственно законов науки является то, что у них есть особая предсказательная (или прогностическая) функция, они содержат знания о возможных направлениях развития социальных отношений, у юридического закона этой функции нет.

Четвертая составная часть современной концепции верховенства закона – ее логическая составляющая – включает в себя систему выводов и положений о процессе осознания и закрепления социальных противоречий, о необходимости закрепления в Основном Законе общества государственной идеологии и путях ее конкретизации в текущем законодательстве.

Логическая сторона концепции верховенства закона основана на положении, согласно которому право и юридический закон относятся к двум взаимосвязанным, но все же качественно разнородным сферам человеческого бытия. Право – порождение товарно-денежных отношений, а закон – продукт осознания правовой действительности законодателем.

Используя законы и правила формальной логики, можно создать непротиворечивый, логически цельный закон, но непротиворечивой системы права в природе попросту не существует. Дилемма здесь такова: или логически цельный и непротиворечивый закон, игнорирующий реальные противоречия права, или адекватный правовой природе, а следовательно, противоречивый и непригодный для применения закон. Таким образом, природа юридического закона, логика его построения и бытия заставляют законодателя сознательно или неосознанно игнорировать реальные противоречия права. Данное обстоятельство ведет к определенному разрыву между правовой реальностью и ее отражением в законе. Чем совершеннее в формально логическом отношении система законодательства, тем дальше она отстоит от противоречивой системы права.

В правовых системах с высокой степенью согласованности и непротиворечивости системы законодательства возникает больше хлопот по ее поддержанию в состоянии высокой функциональной готовности, а интенсивность деятельности законодателя по совершенствованию действующего законодательства не только не уменьшается, а, наоборот, значительно возрастает. Все дело в том, что в «отточенной» системе законодательства количество разнообразных связей – иерархических, предметных, функциональных и т. д. – как у отдельных нормативных предписаний, так и у законов в целом оказывается весьма значительным, поскольку в ней в единое целое подогнаны практически все компоненты системы законодательства.

Таким образом, изменение хотя бы в одном из нормативных предписаний или в отдельном законе вызывает с неизбежностью цепную реакцию во всех свойственных им видах связей. И чем более высокое место в иерархии нормативных правовых актов занимает подвергшееся изменению нормативное правовое предписание, чем более общим оно является по своему идейно-теоретическому уровню, тем длиннее будет цепь нормативных правовых актов, в которые должны

быть внесены соответствующие изменения. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что полнота и точность отражения права в юридическом законе обратно пропорциональны логической стройности и непротиворечивости закона.

Особенности логики закона вытекают из специфики его понятийного и терминологического аппарата, с помощью которого невозможно не только выразить, но даже точно сформулировать диалектическое противоречие права. Язык закона не принимает в расчет и как бы «отбрасывает» все знания о праве и те факты правовой действительности, которые не вписываются в определенную, логически заданную и непротиворечивую систему понятий, юридических конструкций и схем. Законодатель не просто «шлифует» правовую природу отношений, а проводит своеобразную хирургическую операцию с заранее заданной установкой на «ампутацию» тех частей права и отражающих его правовых понятий, которые не вписываются в логический строй языка закона. Рациональный по духу и методу создания юридический закон отражает ограниченное число типичных правовых ситуаций. За его пределами неизбежно оказывается огромное число далеко не второстепенных для правовой системы явлений.

Перевод диалектически противоречивой природы правовых отношений в формально непротиворечивый юридический закон происходит путем осознания социальных противоречий посредством концептуально связанной, логически непротиворечивой системы идей и принципов, которые отражают социальные процессы под определенным углом зрения. В системе идей и принципов реальные противоречия права и жизненные факты ранжируются между собою не в соответствии с их реальной природой и фактическим местом в правовой системе, а в той последовательности, в которой они ранжированы и взаимосвязаны в заранее созданной логической схеме, в концепции закона.

Логическая целостность и непротиворечивость закона быстрее всего достигается тогда, когда он построен на ми-

нимальном числе исходных научных идей и принципов. Нормативные правовые предписания тем теснее связаны между собой, чем ближе по своему содержанию исходные идеи, на которые они нанизываются и которые конкретизируются и уточняются с их помощью. Сознательно сформулированный в законе принцип позволяет раскрыть его наименьшим числом нормативных правовых предписаний, значительно сократить физический объем текста закона и уменьшить, таким образом, объем всего нормативного правового массива.

Из системы заложенных в законе идей и принципов нельзя изъять хотя бы одну или ввести вместо нее новую и равную ей по значимости, не нарушая при этом всего логического строя и содержания закона. Новые правовые идеи и принципы могут быть введены в текст закона с учетом субординации сформулированных в нем положений и взаимосвязей между ними. Введение в содержание закона хотя бы одной новой основополагающей идеи меняет в нем логические зависимости, что требует, в свою очередь, пересмотра всего текста закона, в лучшем случае – его новой редакции. «Война законов», с которой периодически сталкивается общество, есть не что иное, как проявление нарушений идейно-теоретических начал в построении и функционировании системы законодательства, когда одну идею (или принцип) начинают подменять другой идеей (или принципом).

Между законодателем и регулируемыми общественными отношениями лежит реальность в виде идей и принципов, пронизывающих всю систему законодательства. Именно эти идеи и принципы формулируют допустимые и возможные рамки поведения законодателя, поскольку всегда незримо присутствуют в законотворческом процессе. Поэтому социальная реальность воспринимается и воспроизводится законодателем на языке закона не как система (сумма) конкретных жизненных обстоятельств, а как такая социальная реальность, которая подпадает под некоторое общее юридическое (законодательное) определение, конструкцию, схему.

Важная роль в обеспечении стабильности и непротиворечивости законодательства принадлежит государственной идеологии. Дело в том, что идеологические установки в той или иной мере неизбежно присутствуют в любом законе, ибо идеология – не прихоть тех или иных законодателей, а объективная, а потому и неизбежная форма осознания социальных процессов и отношения к ним со стороны общества в целом и его отдельных групп. Текущие законы находятся, с одной стороны, в силовом поле общегосударственной идеологии, сформулированной в концентрированном виде в Конституции государства, а с другой стороны, под воздействием иных идеологических систем, которые взяты на вооружение партией (или партиями), составляющей большинство в законодательном органе (парламенте).

В этом плане возникает весьма важная проблема взаимодействия различных идеологических систем, идеологических установок и подходов в законотворческом процессе. В самом общем плане можно сформулировать положение, согласно которому ни одна из существующих в обществе идеологий не может подменять общегосударственную идеологию. Возможные попытки такой подмены должны быть надежно блокированы различного рода конституционными и иными государственно-правовыми механизмами (Конституционный Суд и т. п.).

Разрешить социальное противоречие – значит изменить и преобразовать противоречивые общественные отношения таким образом, чтобы на месте старых отношений появились обремененные иными противоречиями новые общественные отношения. Социальные противоречия разрешаются и преодолеваются всем ходом практической деятельности людей, а законодатель призван найти («открыть», «изобрести») и сформулировать на языке закона правила, конструкции и формы, в «границах» которых движутся и разрешаются социальные противоречия. При появлении в обществе новых, неизвестных ранее противоречий должны быть открыты и сформулированы, либо заимствованы извне новые правила,

конструкции и формы, в рамках которых они и будут решаться.

Юридический закон не может и не должен придавать отдельным интересам доминирующий характер, подводить балансы интересов отдельных групп и слоев населения. В юридическом законе должны быть сформулированы оптимальные формы для выражения, согласования и разрешения противоречий между участниками общественных отношений. Одно из проявлений верховенства закона как раз и состоит в том, что именно в данном источнике права закрепляются универсальные, общие для данного социума формы, правила, конструкции, механизмы и процедуры согласования и разрешения всего многообразия социальных противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аб пракце Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь : пастанова Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь, 5 лют. 1993 г., № 2176-ХІІ // Нар. газ. – 1993. – 18 лют. – С. 3.
2. Абалкин, Л. Время ответов, или Какой быть партийной Платформе / Л. Абалкин // Правда. – 1990. – 30 марта. – С. 2.
3. Аверьянов, А. Н. Системное познание мира : методол. пособие / А. Н. Аверьянов. – М. : Политиздат, 1985. – 263 с.
4. Акимов, В. И. Понятие пробела в праве / В. И. Акимов // Изв. вузов. Правоведение. – 1969. – № 3. – С. 110–113.
5. Александров, Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. – М. : Госюриздат, 1955. – 176 с.
6. Алексеев, С. Для чего нужны законы / С. Алексеев, П. Бунич // Правда. – 1990. – 16 февр. – С. 1.
7. Алексеев, С. Конституция и судьба России / С. Алексеев, А. Собчак // Известия. – 1992. – 30 марта. – С. 3.
8. Алексеев, С. С. [Интервью Председателя Комитета Конституционного надзора СССР С. С. Алексеева] / С. С. Алексеев ; записал С. В. Бахин // Изв. вузов. Правоведение. – 1991. – № 3. – С. 3–7.
9. Алексеев, С. С. Азбука закона / С. С. Алексеев. – Свердловск : Сред-Урал. кн. изд-во, 1982. – 161 с.
10. Алексеев, С. С. Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма / С. С. Алексеев. – М. : Госюриздат, 1962. – 283 с.
11. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1966. – 487 с.
12. Алексеев, С. С. Общая теория права : курс лекций : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981–1982. – Т. 1. – 1981. – 359 с.
13. Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права : курс лекций : учеб. пособие : в 4 вып. / С. С. Алексеев. – Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1963–1966. – Вып. 4 : Применение права. Наука права. – 1966. – 203 с.
14. Алексеев, С. С. Объективное в праве / С. С. Алексеев // Изв. вузов. Правоведение. – 1971. – № 1. – С. 112–118.
15. Алексеев, С. С. Право и перестройка : вопросы, раздумья, прогнозы / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1987. – 174 с.

16. Алексеев, С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / С. С. Алексеев. – Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1972–1973. – Т. 1 : Основные вопросы общей теории социалистического права. – 1972. – 396 с.
17. Алексеев, С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1971. – 223 с.
18. Алексеев, С. С. Тенденции развития советской юридической науки в период развернутого строительства коммунизма / С. С. Алексеев // Изв. вузов. Правоведение. – 1962. – № 1. – С. 3–11.
19. Андреев, И. Д. Теория как форма организации научного знания / И. Д. Андреев ; Акад. наук СССР, Каф. философии. – М. : Наука, 1979. – 303 с.
20. Андреев, Ю. П. Содержание и структура общественных отношений / Ю. П. Андреев; под ред. В. А. Демичева. – Саратов : Сарат. ун-т, 1985. – 171 с.
21. Антология мировой философии : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1969–1972. – Т. 1 : Философия древности и средневековья. Ч. 1 / ред.-сост. В. В. Соколов. – 1969. – 576 с.
22. Анцулевіч, У. П'ячатка выканкама – не п'ячатка выканкама, або Як шанюўная камісія зрабіла з закона дышал / У. Анцулевіч, З. Пазыняк // Нар. газ. – 1992. – 28 сак. – С. 2.
23. Апт, Л. Ф. Совершенствование учета нормативных актов с помощью ЭВМ / Л. Ф. Апт // Совет. государство и право. – 1989. – № 1. – С. 75–79.
24. Аренс, Г. Юридическая энциклопедия, или Органическое изложение науки о праве и государстве, на основании принципов этической философии права : пер. с нем. / Г. Аренс. – М. : Тип. Ал. Семена, 1863. – IV, IV, 524 с.
25. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1976–1983. – Т. 4 / ред. : А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди. – 1983. – 830 с. – (Философское наследие; Т. 90).
26. Артемова, В. Г. Содержание и структура категории закона : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.620 / В. Г. Артемова ; Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1970. – 20 с.
27. Архипов, К. А. Закон о Советском государстве / К. А. Архипов. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1926. – 157 с.
28. Асмус, В. Ф. Этика Канта / В. Ф. Асмус // Кант, И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – М., 1965. – Т. 4, ч. 1 / ред. В. Ф. Асмус. – С. 5–65.
29. Аюпова, З. К. Концепция правового государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / З. К. Аюпова ; Каз. гос. ун-т. – Алма-Ата, 1992. – 18 с.
30. Бабаев, В. К. Советское право как логическая система : учеб. пособие / В. К. Бабаев. – М. : Акад. М-ва внутр. дел СССР, 1978. – 211 с.

31. Баймаханов, М. Т. Объективная необходимость построения в СССР правового государства / М. Т. Баймаханов // Изв. Акад. наук Каз. ССР. Сер. обществ. наук. – 1989. – № 5. – С. 3–9.
32. Баймаханов, М. Т. Противоречия в развитии правовой надстрой-ки при социализме / М. Т. Баймаханов; Акад. наук Каз. ССР, Ин-т фило-софии и права. – Алма-Ата : Наука, 1972. – 368 с.
33. Барабашев, Г. В. Советы народных депутатов : время перемен / Г. В. Барабашев, В. И. Васильев, К. Ф. Шерemet // Совет. государство и право. – 1988. – № 5. – С. 3–12.
34. Барабашева, Н. С. Слова, слова, слова... / Н. С. Барабашева // Со-вет. государство и право. – 1990. – № 8. – С. 82–90.
35. Барнашов, А. М. Теория разделения властей : становление, разви-тие, применение / А. М. Барнашов ; под ред. А. И. Кима. – Томск : Том. ун-т, 1988. – 101 с.
36. Баскова, И. В. Уголовный закон : проблема стабильности и ди-намизма / И. В. Баскова // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11, Право. – 1989. – № 2. – С. 71–77.
37. Батурин, Ю. М. Социалистическое правовое государство : от идеи к осуществлению : политико-правовой взгляд / Ю. М. Батурин, Р. 3. Лив-шиц. – М. : Наука, 1989. – 253 с.
38. Бахрах, Д. Н. Административная власть как вид государствен-ной власти / Д. Н. Бахрах // Совет. государство и право. – 1992. – № 3. – С. 13–20.
39. Беккария, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккария ; пер. М. М. Исаева. – М. : Юриздат, 1939. – 464 с.
40. Бердяев, Н. Судьба России : гл. из кн. / Н. Бердяев // Москва. – 1990. – № 1. – С. 174–179.
41. Библер, В. С. Понятие как элементарная форма движения науки : логическая постановка проблемы / В. С. Библер // Арсеньев, А. С. Ана-лиз развивающегося понятия / А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кед-ров. – М., 1967. – Ч. 1. – С. 17–98.
42. Богданов, А. А. Вопросы социализма : работы раз. лет / А. А. Бог-данов. – М. : Политиздат, 1990. – 479 с.
43. Богдановская, И. Ю. Закон в английском праве / И. Ю. Богданов-ская ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; отв. ред. Н. С. Кры-лова. – М. : Наука, 1987. – 143 с.
44. Бойко, С. Существо собственности / С. Бойко // Известия. – 1990. – 3 марта.
45. Борщов, С. Г. Основные проблемы диалектики противоречий : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 620 / С. Г. Борщов; Моск. гос. ун-т. – М., 1968. – 30 с.
46. Бромхед, П. Эволюция британской конституции / П. Бромхед. – М. : Юрид. лит., 1978. – 334 с.

47. Буева, Л. П. Человек : деятельность, общение / Л. П. Буева. – М. : Мысль, 1978. – 216 с.
48. Бунге, М. Причинность : место принципа причинности в современной науке / М. Бунге ; общ. ред. Г. С. Васецкого ; пер. с англ. И. С. Шерн-Борисовой, С. Ф. Шушурина. – М. : Иностранная литература, 1962. – 511 с.
49. Бурлай, Е. В. Нормативный акт как научная ценность / Е. В. Бурлай // Проблемы правоведения : респ. междуведомств. науч. сб. / Киев. гос. ун-т. – Киев, 1986. – Вып. 47. – С. 12–17.
50. Бурлай, Е. В. Нормы права и правоотношения в социалистическом обществе / Е. В. Бурлай. – Киев : Наук. думка, 1987. – 90 с.
51. Бурханова, Л. М. Перестройка и теоретические проблемы дальнейшего совершенствования советской федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л. М. Бурханова ; Ташк. гос. ун-т. – Ташкент, 1990. – 18 с.
52. Бутенко, А. П. О диалектике производительных сил и производственных отношений / А. П. Бутенко, Л. Ю. Водопьянова // Филос. науки. – 1987. – № 1. – С. 16–22.
53. Бутенко, А. П. Противоречия развитого социализма как общественного строя / А. П. Бутенко // Вопр. философии. – 1982. – № 10. – С. 16–29.
54. Варламова, Н. В. Правоотношение : философский и юридический подходы / Н. В. Варламова // Изв. вузов. Правоведение. – 1991. – № 4. – С. 44–54.
55. Васильев, А. М. Правовые категории : методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – М. : Юрид. лит., 1977. – 264 с.
56. Васильев, В. Диктатура закона / В. Васильев // Правда. – 1990. – 28 июня. – С. 3.
57. Васильев, Р. Ф. Акты управления : значение, проблема исследований, понятие / Р. Ф. Васильев. – М. : Моск. гос. ун-т, 1987. – 140 с.
58. Васильев, Е. В. Цивилистическая методология / Е. В. Васильев. – Одесса : «Экономическая» тип., 1901. – Ч. 1 : Учение о толковании и применении гражданских законов. – XXII, 376 с.
59. Ведель, Ж. Административное право Франции / Ж. Ведель ; под ред. М. А. Крутоголова ; пер. с фр. Л. М. Энтина. – М. : Прогресс, 1973. – 512 с.
60. Ведин, Ю. П. О логической форме отображения мышлением предметных противоречий / Ю. П. Ведин // Проблемы диалектики : межвуз. сб. / Ленингр. ун-т. – Л., 1973. – Вып. 3 : Вопросы диалектико-материалистической теории противоречия. – С. 167–175.
61. Вильсон, В. Государство : прошлое и настоящее конституционных учреждений : с прил. текста важнейших конституций / В. Вильсон ; пер. под ред. А. С. Яценко. – М. : В. М. Саблин, 1905. – [800] с. разд. паг.

62. Виноградов, В. Г. Законы общества и научное предвидение / В. Г. Виноградов, С. И. Гончарук. – М. : Политиздат, 1972. – 231 с.
63. Виноградов, В. Г. Научное предвидение : гносеологический анализ / В. Г. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1973. – 188 с.
64. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн ; общ. ред. В. Ф. Асмуса ; пер. с нем. : И. Добронравов, Д. Лахути. – М. : Изд-во иностр. лит., 1958. – 133 с.
65. Витченко, А. М. Понятие границ деятельности социалистического государства / А. М. Витченко // Вопросы теории государства и права : межвуз. сб. науч. работ / Сарат. ун-т. – Саратов, 1988. – Вып. 8 : Личность, право, правовая система. – С. 3–15.
66. Власенко, Н. А. Логика в изучении согласованности системы советского права / Н. А. Власенко // Логические и математические методы в правовой теории и практике : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1989. – С. 42–50.
67. Власенко, Н. А. Логико-структурные дефекты системы советского права / Н. А. Власенко // Изв. вузов. Правоведение. – 1991. – № 3. – С. 21–28.
68. Влияние научно-технического прогресса на юридическую жизнь / Б. М. Батулин [и др.] ; отв. ред. Ю. М. Батулин. – М. : Юрид. лит., 1988. – 368 с.
69. Волкова, Р. Важен прецедент : дело О. Калугина : [интервью с Р. Волковой] / Р. Волкова ; записал С. Орлюк // Комсом. правда. – 1990. – 10 нояб. – С. 1.
70. Ворошилов, Н. Н. Критический обзор учения о разделении властей / Н. Н. Ворошилов. – Ярославль : Тип. Губерн. зем. управы, 1872. – 427 с.
71. Всесоюзное научно-координационное совещание юристов : [материалы] / подгот. С. А. Чернышева // Совет. государство и право. – 1987. – № 5. – С. 136–139.
72. Вълканов, В. За съответствията, в които трябва да се намира закона / В. Вълканов // Правна мисъл. – 1980. – Г. 29, кн. 2. – С. 5–16.
73. Вълканов, В. Някои противоречия в правото / В. Вълканов // Филос. мисъл. – 1980. – Г. 36, кн. 3. – С. 46–56.
74. Вяккерев, Ф. Ф. Предметное противоречие и его теоретический «образ» / Ф. Ф. Вяккерев // Диалектическое противоречие. – М., 1979. – С. 59–77.
75. Вяккерев, Ф. Ф. Современное состояние исследований по проблеме противоречия и пути их дальнейшего развития / Ф. Ф. Вяккерев // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. – 1985. – № 2. – С. 51–58.
76. Ганчар, В. Ёсь у Канстытуцыі бацькі : [інтэрв'ю з кіраўніком Рабочай групы Канстытуц. каміс. В. Ганчаром] / В. Ганчар ; вёў М. Галко // Нар. газ. – 1990. – 30 кастр.–6 лістап. – С. 3.

77. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения : в 14 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1929–1959. – Т. 7 : Философия права. – 1934. – 380 с.
78. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1974–1977. – Т. 1 : Наука логики. – 1974. – 452 с.
79. Герасимов, Н. В. Экономическая система : генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; редкол. : Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 351 с.
80. Гессен, В. М. Теория правового государства / В. М. Гессен // Политический строй современных государств : в 2 т. – СПб., 1905. – Т. 1 : Сборник статей / П. Г. Виноградов [и др.]. – С. 117–187.
81. Гісторыя з факсіміле // Звязда. – 1992. – 21 сак. – С. 1.
82. Глезерман, Г. Е. Законы общественного развития : их характер и использование / Г. Е. Глезерман. – М. : Политиздат, 1979. – 303 с.
83. Гоббс, Т. Избранные произведения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1964. – Т. 2 / ред. Е. М. Вейцман. – 748 с.
84. Гойман, В. И. Действие права : методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. И. Гойман ; Акад. М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – М., 1992. – 42 с.
85. Голованов, В. Н. Гносеологическая природа законов науки / В. Н. Голованов. – М. : Мысль, 1967. – 96 с.
86. Голованов, В. Н. Законы в системе научного знания / В. Н. Голованов. – М. : Мысль, 1970. – 231 с.
87. Гончарук, С. И. Законы развития и функционирования общества : гносеологический и методологический анализ / С. И. Гончарук. – М. : Высш. шк., 1977. – 144 с.
88. Гончарук, С. И. Общественные законы и закономерности / С. И. Гончарук. – М. : Политиздат, 1977. – 112 с.
89. Горбачев, М. С. Октябрь и перестройка : революция продолжается / М. С. Горбачев // Правда. – 1987. – 3 нояб. – С. 2–5.
90. Горбачева, Е. В. Юридический текст как вид связного текста и возможности его формализации / Е. В. Горбачева // Проблемы совершенствования советского законодательства : труды / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т совет. законодательства. – М., 1978. – Вып. 13. – С. 59–67.
91. Горский, Д. П. Определение : логико-методологические проблемы / Д. П. Горский. – М. : Мысль, 1974. – 311 с.
92. Готовится закон о милиции // Известия. – 1991. – 7 марта. – С. 1, 2.
93. Градовский, А. Д. Закон и административное распоряжение по русскому праву / А. Д. Градовский // Сборник государственных знаний / под ред. В. П. Безобразова. – СПб., 1874. – Т. 1. – С. 1–32.
94. Градовский, А. Д. Начала русского государственного права : в 3 т. / А. Д. Градовский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1875–1881. – [Т. 1] : О Государственном устройстве. – 1875. – XII, 436 с.

95. Гревцов, Ю. И. Проблемы теории правового отношения / Ю. И. Гревцов. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1981. – 83 с.
96. Грибанов, В. П. О возрастании социальной ценности гражданского права / В. П. Грибанов, Е. А. Суханов // Совет. государство и право. – 1989. – № 9. – С. 83–91.
97. Гукасян, Р. Е. К вопросу о повышении эффективности правовой науки / Р. Е. Гукасян // Совет. государство и право. – 1990. – № 3. – С. 113–115.
98. Гукасян, Р. Е. Логика и мерило законоотворчества / Р. Е. Гукасян // Понятийный аппарат науки советского гражданского права и процесса и терминология законодательных актов : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т ; ред. Н. В. Ченцов. – Тверь, 1991. – С. 3–9.
99. Гумбольдт, В. фон. Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства / В. фон Гумбольдт // Язык и философия культуры : пер. с нем. / В. фон Гумбольдт ; сост., общ. ред. : А. В. Гулыга, Г. В. Рамишвили. – М., 1985. – С. 25–141.
100. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид ; пер. с фр. В. А. Туманова. – М. : Прогресс, 1988. – 495 с.
101. Давыдов, Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия : проблемы нравственной философии / Ю. Н. Давыдов. – М. : Молодая гвардия, 1989. – 318 с.
102. Дагель, П. С. Диалектика правового регулирования общественных отношений / П. С. Дагель // Изв. вузов. Правоведение. – 1971. – № 1. – С. 51–59.
103. Дайси, А. В. Основы государственного права Англии : введение в изучение английской конституции / А. В. Дайси ; под ред. П. Г. Виноградова ; пер. с англ. О. В. Полторацкой. – Изд. 2-е. – М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1907. – XXXVI, 671 с.
104. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1981–1982. – Т. 1. – 1981. – LXXXVIII, 699 с.
105. Даниленко, В. Н. Декларация прав и реальность : к 200-летию Декларации прав человека и гражданина / В. Н. Даниленко. – М. : Междунар. отношения, 1989. – 206 с.
106. Деев, Н. Н. Советское государство и перестройка : проблемы теории / Н. Н. Деев, В. А. Четвернин ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; отв. ред. В. Е. Гулиев. – М. : Наука, 1990. – 254 с.
107. Деев, Н. Н. Социалистический плюрализм в политике / Н. Н. Деев, Р. Ш. Шарифетдинов // Совет. государство и право. – 1989. – № 4. – С. 81–90.
108. Действен ли закон? / В. Витушко [и др.] // Совет. Белоруссия. – 1991. – 21 нояб. – С. 2.
109. Демишель, А. Институты и власть во Франции / А. Демишель, Ф. Демишель, М. Пикемаль. – М. : Прогресс, 1977. – 176 с.

110. Денисов, А. И. Методологические проблемы теории государства и права : учеб. пособие / А. И. Денисов. – М. : Моск. ун-т, 1975. – 118 с.
111. Денисов, Ю. А. Абстрактное и конкретное в советском правоведении / Ю. А. Денисов, Л. И. Спиридонов ; Акад. наук СССР, Ленингр. каф. философии. – М. : Наука, 1987. – 207 с.
112. Дрейшев, Б. В. Проблемы обеспечения качества закона / Б. В. Дрейшев // Изв. вузов. Правоведение. – 1988. – № 4. – С. 31–39.
113. Дробышевский, С. А. Функциональная и генетическая связь государства и права / С. А. Дробышевский ; науч. ред. А. И. Королев. – Красноярск : Краснояр. ун-т, 1982. – 103 с.
114. Дробязко, С. Г. Логика структуры Конституции социалистического правового государства / С. Г. Дробязко // Концепция конституции БССР и формирование правовых основ гражданского общества и государства : тез. докл. Респ. науч.-практ. конф., 27–28 февр. 1991 г. : в 2 т. / Юрид. фак. Белорус. гос. ун-та ; редкол. : А. А. Головки (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1991. – Т. 1. – С. 11–14.
115. Дробязко, С. Г. Правовая реформа в СССР и ее концепция / С. Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1991. – Вып. 4. – С. 3–9.
116. Дробязко, С. Г. Реформа системы права – закономерная тенденция развития советского законодательства в условиях перестройки / С. Г. Дробязко // Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1990. – Вып. 4 : Тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции, 24–25 апреля 1990 г. / редкол. : В. М. Хомич (отв. ред.) [и др.]. – С. 5–7.
117. Дробязко, С. Г. Роль законодательства в создании материально-технической базы коммунизма / С. Г. Дробязко. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1971. – 140 с.
118. Дробязко, С. Г. Теоретические проблемы системного исследования факторов, подлежащих учету в процессе совершенствования советского законодательства / С. Г. Дробязко // Совершенствование законодательства Союза ССР и союзной республики / В. И. Семенов [и др.] ; под ред. В. И. Семенова, В. Г. Тихини. – Минск, 1990. – С. 5–31.
119. Дроздов, А. В. Человек и общественные отношения / А. В. Дроздов. – Л. : Ленингр. ун-т, 1966. – 124 с.
120. Дудин, А. П. Диалектика правоотношения / А. П. Дудин ; под ред. В. О. Тененбаума. – Саратов : Саратов. ун-т, 1983. – 121 с.
121. Дябло, В. К. Конституционный контроль законов за границей и в СССР / В. К. Дябло // Совет. право. – 1925. – № 3. – С. 77–93.
122. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – 2-е изд., испр. и доп. по второму нем. изд. С. И. Гессенем. – СПб. : Изд. Юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1908. – XXIV, 599 с.
123. Ермолаев, И. Д. Законы развития социалистического общества и механизм их использования / И. Д. Ермолаев. – М. : Знание, 1974. – 64 с.

124. Ершов, В. В. Суд в системе органов государственной власти / В. В. Ершов // Государство и право. – 1992. – № 8. – С. 31–37.
125. Ершов, В. В. Судебная власть в правовом государстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. В. Ершов ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. – М., 1992. – 47 с.
126. Еще один акт социальной защиты // Известия. – 1991. – 23 мая. – С. 1.
127. Жеребин, В. С. Диалектика социальных противоречий при социализме и право / В. С. Жеребин. – М. : Высш. шк., 1986. – 143 с.
128. Жеребин, В. С. Логический анализ понятий права / В. С. Жеребин. – Киев : Вища шк., 1976. – 150 с.
129. Живкович, Л. Теория социального отражения / Л. Живкович ; пер. с сербохорват. Э. Йово. – М. : Прогресс, 1969. – 454 с.
130. Заец, А. П. Система советского законодательства (проблемы согласованности) / А. П. Заец. – Киев : Наук. думка, 1987. – 99 с.
131. Закон о приватизации : трудное решение // Известия. – 1991. – 6 июня. – С. 1, 2.
132. Законодательная техника / под ред. Д. А. Керимова. – Л. : Ленингр. ун-т, 1965. – 143 с.
133. Законодательство Российской Федерации : теоретические вопросы, проблемы и перспективы. «Круглый стол» журнала // Государство и право. – 1992. – № 10. – С. 3–25 ; № 11. – С. 3–28.
134. Зеленков, А. И. Принцип отрицания в философии и науке / А. И. Зеленков. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1981. – 176 с.
135. Зенкин, С. А. Взаимоотношения Конституционного Суда Югославии и Скупщины СФРЮ / С. А. Зенкин // Совет. государство и право. – 1991. – № 2. – С. 106–113.
136. Зеркин, Д. П. Объективные законы общественного развития и политика / Д. П. Зеркин. – М. : Мысль, 1982. – 158 с.
137. Зивс, С. Л. Источники права / С. Л. Зивс ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1981. – 239 с.
138. Зивс, С. Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах / С. Л. Зивс. – М. : Акад. наук СССР, 1960. – 215 с.
139. Иванова, С. Хорош ли, плох ли закон, но закон... / С. Иванова // Совет. Белоруссия. – 1992. – 24 марта. – С. 1.
140. Иеринг, Р. фон. Цель в праве : в 2 т. / Р. фон Иеринг. – СПб. : Н. В. Муравьев, 1881. – Т. 1 / под ред. В. Р. Лицкого ; пер. В. Р. Лицкого, Н. В. Муравьева, Н. Ф. Дерюжинского. – II, VII, 412 с.
141. Иеринг, Р. фон. Юридическая техника / Р. фон Иеринг ; пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. – СПб. : Типолитограф. А. Г. Розена, 1905. – 106 с.
142. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика : очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. – 2-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1984. – 320 с.
143. Ильенков, Э. В. Проблема противоречий в логике / Э. В. Ильенков // Диалектическое противоречие. – М., 1979. – С. 122–143.

144. Ильин, Д. П. «Роковая любовь», или Вечные истины? / Д. П. Ильин. – М. : Современник, 1988. – 224 с.
145. Имомов, А. Развитие концепций Конституции суверенной республики (на опыте Таджикистана) / А. Имомов // Совет. государство и право. – 1991. – № 11. – С. 11–18.
146. Иоффе, О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1961. – 381 с.
147. Исаков, В. Б. Планов много, а плана ... нет : о стиле законодательной деятельности российского парламента : [беседа с Пред. Совета Респ. В. Б. Исаковым] / В. Б. Исаков ; записал Н. Куприн // Совет. Россия. – 1991. – 1 июня. – С. 2.
148. Казимирчук, В. П. Право и методы его изучения / В. П. Казимирчук. – М. : Юрид. лит., 1965. – 204 с.
149. Казьмин, И. Подзаконный акт : [разговор с учеными, д-рами юрид. наук И. Казьминым и А. Пиголкиным] / И. Казьмин, А. Пиголкин ; записал Ю. Феофанов // Известия. – 1986. – 17 окт. – С. 3.
150. Казьмин, И. Ф. «Закон о законах» : проблемы издания и содержания / И. Ф. Казьмин, С. В. Поленина // Совет. государство и право. – 1989. – № 12. – С. 3–9.
151. Как подписать договор // Известия. – 1991. – 4 июня. – С. 1.
152. Калмыков, Ю. Война законов продолжается? : [выступление пред. Ком. Верхов. Совета по вопр. законодательства, законности и правопорядка Ю. Калмыкова] / Ю. Калмыков ; записал С. Оганян // Правда. – 1990. – 25 окт. – С. 1.
153. Калмыков, Ю. Х. Стратегия законотворчества / Ю. Х. Калмыков // Правда. – 1990. – 15 мая. – С. 2.
154. Калмыков, Ю. Х. Структура советского гражданского законодательства и перспективы его развития / Ю. Х. Калмыков // Совет. государство и право. – 1988. – № 7. – С. 41–47.
155. Канстытуцыя (Асноўны Закон) Рэспублікі Беларусь : праект // Нар. газ. – 1992. – 22 жн. – С. 3–5.
156. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант // Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М., 1965. – Т. 4, ч. 1. – С. 311–503.
157. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М., 1964. – Т. 3. – С. 69–756.
158. Кант, И. Метафизика нравов / И. Кант // Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М., 1965. – Т. 4, ч. 2. – С. 107–438.
159. Кант, И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» / И. Кант // Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М., 1965. – Т. 4, ч. 2. – С. 59–106.

160. Кант, И. Об изначально злом в человеческой природе / И. Кант // Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М., 1965. – Т. 4, ч. 2. – С. 5–57.
161. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант // Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М., 1965. – Т. 4, ч. 1. – С. 219–309.
162. Капустин, М. Теория права. Юридическая догматика / М. Капустин. – М. : Унив. тип. (Катков и К^о), 1868. – Т. 1 : Общая догматика. – Разд. паг.
163. Караваев, Г. Г. О специфике социального закона / Г. Г. Караваев, Л. В. Белова // Проблема закона и закономерностей в обществознании / Ленингр. гос. ун-т ; под ред. Г. Караваева. – Л., 1975. – С. 3–13.
164. Карамзин, Н. М. История государства Российского : в 12 т. / Н. М. Карамзин ; Акад. наук СССР ; отв. ред. А. Н. Сахаров. – М. : Наука, 1989–1998. – Т. 1. – 1989. – 638 с.
165. Карташов, В. Н. Юридическая деятельность : понятие, структура, ценность / В. Н. Карташов. – Саратов : Сарат. ун-т, 1989. – 218 с.
166. Касаткин, Ю. П. К вопросу об общих и специфических закономерностях развития права / Ю. П. Касаткин, Л. С. Явич // Учен. зап. / Тадж. гос. ун-т. – Сталинабад, 1955. – Т. 8 : Труды юридического факультета. – С. 39–47.
167. Кашанина, Т. В. Децентрализация в правовом регулировании : структурный анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Т. В. Кашанина ; Моск. юрид. ин-т. – М., 1992. – 48 с.
168. Кедров, Б. М. Противоречивость познания и познание противоречия / Б. М. Кедров // Диалектическое противоречие. – М., 1979. – С. 9–38.
169. Кененов, А. А. Логические основы законотворческого процесса / А. А. Кененов, Г. Т. Чернобель // Изв. вузов. Правоведение. – 1991. – № 6. – С. 71–76.
170. Кененов, А. А. О противоречиях права / А. А. Кененов // Методологические и теоретические проблемы государства и права развитого социализма / Ю. М. Козлов [и др.] ; под ред. А. И. Денисова, О. Е. Кутафина. – М., 1983. – С. 13–24.
171. Керимов, Д. А. Законодательная деятельность Советского государства : основные принципы и организационные формы / Д. А. Керимов. – М. : Госюриздат, 1955. – 136 с.
172. Керимов, Д. А. Конституционный надзор в СССР / Д. А. Керимов, А. И. Экимов // Совет. государство и право. – 1990. – № 9. – С. 3–13.
173. Керимов, Д. А. Общая теория государства и права : предмет, структура, функции / Д. А. Керимов. – М. : Юрид. лит., 1977. – 133 с.
174. Керимов, Д. А. Философские основания политико-правовых исследований / Д. А. Керимов. – М. : Мысль, 1986. – 332 с.

175. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – М. : Мысль, 1972. – 472 с.
176. Кессиди, Ф. Х. Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского. 2500 лет со дня рождения / Ф. Х. Кессиди. – М. : Акад. художеств СССР, 1963. – 164 с.
177. Кечекьян, С. Ф. Норма права и правоотношение / С. Ф. Кечекьян // Совет. государство и право. – 1955. – № 2. – С. 11–21.
178. Киров, В. Ц. Государственная власть в гражданском обществе : конституционно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В. Ц. Киров ; Моск. гос. ун-т. – М., 1992. – 23 с.
179. Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право : очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский. – М. : М. и С. Сабашниковы, 1916. – IV, 704 с.
180. Кленнер, Г. От права природы к природе права / Г. Кленнер ; под ред. Б. А. Куркина ; пер. с нем. Т. Б. Бекназар-Юзбашева. – М. : Прогресс, 1988. – 319 с.
181. Кленова, Т. В. Структура уголовно-правовой нормы и выражение ее предписаний в законодательстве / Т. В. Кленова // Совет. государство и право. – 1988. – № 11. – С. 80–84.
182. Клямкин, И. Какая улица ведет к храму / И. Клямкин // Новый мир. – 1987. – № 11. – С. 150–188.
183. Кнапп, В. Логика в правовом сознании / В. Кнапп, А. Герлох ; под ред. А. Б. Венгерова. – М. : Прогресс, 1987. – 311 с.
184. Ковалев, А. М. Общество и законы его развития / А. М. Ковалев. – М. : Моск. ун-т, 1975. – 416 с.
185. Коваленко, А. И. Правовое социалистическое государство как целостное единство политической и правовой реальности / А. И. Коваленко // Правовое социалистическое государство : понятие, опыт, перспективы : сб. науч. тр. / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т ; отв. ред. : Ю. С. Завьялов, А. Г. Манов. – М., 1990. – С. 46–54.
186. Ковачев, Д. А. Закон или исполнительный акт / Д. А. Ковачев // Социалист. законность. – 1989. – № 10. – С. 19–21.
187. Коган, В. М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона / В. М. Коган ; Каз. гос. ун-т. – Алма-Ата : Казахстан, 1966. – 82 с.
188. Козлов, В. А. Правопонимание и общая теория права : логико-методологический аспект / В. А. Козлов // Изв. вузов. Правоведение. – 1987. – № 6. – С. 21–28.
189. Козлов, В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права / В. А. Козлов. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1989. – 118 с.
190. Козюбра, Н. И. Конституция СССР и правовая основа государственной и общественной жизни / Н. И. Козюбра // Конституция СССР и укрепление правовой основы государственной и общественной жизни / Н. И. Козюбра [и др.] ; отв. ред. Б. М. Бабий. – Киев, 1983. – С. 5–49.

191. Козюбра, Н. И. Социалистическое право и общественное сознание / Н. И. Козюбра. – Киев : Наук. думка, 1979. – 207 с.
192. Кокошкин, Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин. – Изд. 2-е. – М. : Бр. Башмаковы, 1912. – V, 306 с.
193. Колесников, Е. В. Обычай как источник советского государственного права / Е. В. Колесников // Изв. вузов. Правоведение. – 1989. – № 4. – С. 19–25.
194. Колесников, Е. В. Особенности нормативных актов типа Основ / Е. В. Колесников // Изв. вузов. Правоведение. – 1984. – № 3. – С. 79–85.
195. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков ; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – 2-е, испр. и доп. изд. – М. : Наука, 1975. – 720 с.
196. Кондратьев, Р. И. Отношение к труду в условиях перестройки : морально-этические и правовые аспекты / Р. И. Кондратьев // Изв. вузов. Правоведение. – 1990. – № 3. – С. 3–8.
197. Конституции буржуазных государств : учеб. пособие / отв. ред. П. К. Пантелеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – 407 с.
198. Конституция Российской Федерации (проект) // Аргументы и факты. – 1990. – Ноябрь. (спец. вып.). – С. 1–8.
199. Копнин, П. В. Гносеологические и логические основы науки / П. В. Копнин. – М. : Мысль, 1974. – 568 с.
200. Копнин, П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика / П. В. Копнин ; Акад. наук Укр. ССР, Ин-т философии. – М. : Наука, 1969. – 483 с.
201. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – Изд. 9-е. – СПб. : Изд. Н. К. Мартынова, 1909. – 354 с.
202. Коркунов, Н. М. Русское государственное право : в 2 т. / Н. М. Коркунов. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1904–1905. – Т. 1 : Введение и общая часть. – 1904. – VIII, 573 с. ; Т. 2 : Особенная часть. – 1905. – VI, 596 с.
203. Коркунов, Н. М. Указ и закон / Н. М. Коркунов. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1984. – 408 с.
204. Королев, А. И. О понятиях сущности, содержания и формы государства и права / А. И. Королев // Изв. вузов. Правоведение. – 1973. – № 4. – С. 3–12.
205. Кором, М. Актуальные вопросы законодательства в ВНР / М. Кором // Совет. государство и право. – 1978. – № 2. – С. 37–46.
206. Косицына, Ф. П. Категорию «диалектическое противоречие» – в действующее орудие перестройки / Ф. П. Косицына // Филос. науки. – 1988. – № 11. – С. 3–14.
207. Котелевская, И. В. Правовое регулирование информации в законодательном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / И. В. Котелевская ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. – М., 1992. – 24 с.

208. Котляревский, С. А. Правовое государство и внешняя политика / С. А. Котляревский. – М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1909. – 428 с.
209. Кравченко, С. Н. Социально-психологические аспекты действия права в сфере охраны окружающей среды / С. Н. Кравченко // Совет. государство и право. – 1989. – № 6. – С. 37–42.
210. Краснухин, К. А. Об особенностях взаимодействия общих и специфических законов общественного развития / К. А. Краснухин // Проблема закона и закономерностей в общественности / Ленингр. гос. ун-т ; под ред. Г. Караваева. – Л., 1975. – С. 26–33.
211. Крылова, Н. С. Английское государство / Н. С. Крылова ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1981. – 301 с.
212. Кудрявцев, В. Н. Социалистическое правовое государство / В. Н. Кудрявцев, Е. А. Лукашева // Социалистическое правовое государство : проблемы и суждения / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; редкол. : В. П. Казимирчук, М. М. Славин, Б. Н. Топорнин (отв. ред.). – М., 1989. – С. 5–24.
213. Кудрявцев, В. Н. Юридические нормы и фактическое поведение / В. Н. Кудрявцев // Совет. государство и право. – 1980. – № 2. – С. 11–20.
214. Кудрявцев, В. Нужна ли нам идеология / В. Кудрявцев // Правда. – 1990. – 26 окт. – С. 3.
215. Кузнецов, И. В. Преимущество, единство и минимизация знания – фундаментальные черты научного метода / И. В. Кузнецов // Материалистическая диалектика и методы естественных наук / отв. ред. М. Э. Омеляновский. – М., 1968. – С. 322–366.
216. Кумпф, Ф. Диалектическая логика : основные принципы и проблемы / Ф. Кумпф, З. Оруджев. – М. : Политиздат, 1979. – 286 с.
217. Курашвили, Б. П. Принципы советского государственного управления / Б. П. Курашвили // Совет. государство и право. – 1980. – № 11. – С. 50–59.
218. Курс советского государственного права : в 2 т. – М. : Госюриздат, 1961–1962. – Т. 2 / А. И. Лепешкин [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лепешкина. – 1962. – 591 с.
219. Лабуле, Э. Государство и его пределы в связи с современными вопросами администрации, законодательства и политики / Э. Лабуле. – СПб. : Н. И. Ламанский, 1867. – XXX, 158, 170 с.
220. Лазарев, Б. М. «Разделение властей» и опыт Советского государства / Б. М. Лазарев // Коммунист. – 1988. – № 16. – С. 47–58.
221. Лазарев, Б. М. Компетенция органов управления / Б. М. Лазарев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 280 с.
222. Лазарев, Б. М. Об изменениях в правовом статусе Президента СССР / Б. М. Лазарев // Совет. государство и право. – 1991. – № 8. – С. 12–27.

223. Лазарев, Б. М. Президент СССР / Б. М. Лазарев // Совет. государство и право. – 1990. – № 7. – С. 3–14.
224. Лазарев, Б. М. Что такое правовое государство? / Б. М. Лазарев. – М. : Знание, 1990. – 63 с.
225. Лазарев, В. В. Выявление закономерностей правомерного поведения / В. В. Лазарев // Совет. государство и право. – 1983. – № 11. – С. 19–25.
226. Лазарев, В. В. Определение сферы правового регулирования / В. В. Лазарев // Изв. вузов. Правоведение. – 1980. – № 5. – С. 64–71.
227. Лазарев, В. В. Правомерное поведение как объект юридического исследования / В. В. Лазарев // Совет. государство и право. – 1976. – № 10. – С. 29–37.
228. Лазарев, В. В. Регулирующая роль законодательства в процессе перестройки советского общества / В. В. Лазарев // Совет. государство и право. – 1987. – № 12. – С. 13–21.
229. Лазарев, В. В. Сфера и пределы правового регулирования / В. В. Лазарев // Совет. государство и право. – 1970. – № 11. – С. 38–44.
230. Лазарев, В. Сколько нужно законов : [беседа с д-ром юрид. наук, проф. В. Лазаревым] / В. Лазарев ; записал Ю. Феофанов // Известия. – 1986. – 24 янв. – С. 3.
231. Лазарев, Л. В. Конституционная реформа : первый этап : пособие для слушателей нар. ун-тов / Л. В. Лазарев, А. Я. Слива. – М. : Знание, 1989. – 96 с.
232. Лазаревский, Л. Лекции по законоведению. – М., 1917. – 324 с.
233. Лапинь, О. А. Венский итоговый документ государств – участников СБСЕ : проблемы реализации / О. А. Лапинь // Совет. государство и право. – 1990. – № 1. – С. 133–136.
234. Лармин, О. В. О структуре общественных отношений / О. В. Лармин // Очерки методологии познания социальных явлений. – М., 1970. – С. 48–84.
235. Латинская юридическая фразеология / сост. Б. С. Никифоров. – М. : Юрид. лит., 1979. – 264 с.
236. Левин, И. Д. Логика и право / И. Д. Левин // Изв. Акад. наук СССР. Отд-ние экономики и права. – 1944. – № 3. – С. 3–21.
237. Левин, И. Д. Современная буржуазная наука государственного права : критика основных направлений / И. Д. Левин. – М. : Акад. наук СССР, 1960. – 399 с.
238. Ленин, В. И. Карл Маркс / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М., 1980. – Т. 26. – С. 45–93.
239. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М., 1976. – Т. 18. – С. 9–378.
240. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1958–1983. – Т. 29 : Философские тетради. – 1963. – 782 с.

241. Ленин, В. И. Экономическое содержание народничества / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М., 1958. – Т. 1. – С. 354–534.
242. Леонтович, Ф. И. История русского права / Ф. И. Леонтович. – Одесса : Императ. Новорос. ун-т, 1869. – Вып. 1. – VIII, 151 с.
243. Леушин, В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений / В. И. Леушин. – Красноярск : Краснояр. ун-т, 1987. – 148 с.
244. Лившиц, Р. З. Право и закон в социалистическом правовом государстве / Р. З. Лившиц // Совет. государство и право. – 1989. – № 3. – С. 15–22.
245. Лившиц, Р. З. Современная теория права : крат. очерк / Р. З. Лившиц. – М. : Ин-т государства и права Рос. акад. наук, 1992. – 93 с.
246. Лившиц, Р. Закон в правовом государстве : [беседа с зав. сектором Ин-та государства и права Акад. наук СССР Р. Лившицем] / Р. Лившиц ; беседовал Ю. Феофанов // Известия. – 1988. – 6 окт. – С. 3.
247. Локк, Д. О гражданском правлении / Д. Локк // Избранные философские произведения : в 2 т. – М., 1960. – Т. 2 / под общ. ред. А. А. Марковского. – С. 2–137.
248. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Д. Локк // Сочинения : в 3 т. / ред. : И. С. Нарский, А. Л. Субботин. – М., 1988. – Т. 3. – С. 140–405.
249. Локк, Дж. Опыты о законе природы / Дж. Локк // Сочинения : в 3 т. / ред. : И. С. Нарский, А. Л. Субботин. – М., 1988. – Т. 3. – С. 3–53.
250. Лопухин, А. П. Законодательство Моисея : исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея, с приложением трактата : Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения / А. П. Лопухин. – СПб. : Тип. Ф. Г. Елеонского и К°, 1882. – VI, 313 с.
251. Лукашева, Е. А. Право. Мораль. Личность / Е. А. Лукашева ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; отв. ред. В. М. Чхиквадзе. – М. : Наука, 1986. – 263 с.
252. Лукич, Р. Методология права / Р. Лукич ; под ред. Д. А. Керимова ; пер. с сербскохорв. В. М. Кулистикова. – М. : Прогресс, 1981. – 304 с.
253. Лукьянов, А. И. Развитие законодательства о советских представительных органах власти : некоторые вопросы истории, теории и практики / А. И. Лукьянов. – М. : Юрид. лит., 1978. – 351 с.
254. Лукьянова, Е. А. Закон как источник советского государственного права / Е. А. Лукьянова. – М. : Моск. гос. ун-т, 1988. – 151 с.
255. Лукьянова, Е. А. Источники советского государственного права в период между двумя конституциями (1936–1977) / Е. А. Лукьянова // Совет. государство и право. – 1990. – № 2. – С. 121–128.
256. Лучин, В. О. Источники советского государственного права : учеб. пособие / В. О. Лучин. – Куйбышев : Куйбышев. ун-т, 1976. – 39 с.
257. Львов, Б. Социальный закон : опыт введения в социологию / Б. Львов. – СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1899. – 158 с.

258. Люблинский, П. И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса : пособие к практ. занятиям / П. И. Люблинский. – Петроград : Типолитограф. Руманова, 1917. – 268 с.

259. Малаины, Р. М. Предметные пределы действия федерального закона в США / Р. М. Малаины // Изв. вузов. Правоведение. – 1992. – № 3. – С. 66–73.

260. Малеин, Н. С. О справедливости советского права / Н. С. Малеин // Совет. государство и право. – 1983. – № 10. – С. 62–68.

261. Малеин, Н. С. Охраняемый законом интерес / Н. С. Малеин // Совет. государство и право. – 1980. – № 1. – С. 27–34.

262. Малеин, Н. С. Правонарушение : понятие, причины, ответственность / Н. С. Малеин. – М. : Юрид. лит., 1985. – 192 с.

263. Малицкий, А. Советская Конституция / А. Малицкий. – Харьков : Путь просвещения, 1924. – 208 с.

264. Мальцев, Г. В. Социальная справедливость и право / Г. В. Мальцев. – М. : Мысль, 1977. – 255 с.

265. Мамут, Л. С. Вопросы государства и права в труде Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой идеологии» : к 100-летию со дня опубликования / Л. С. Мамут // Изв. вузов. Правоведение. – 1986. – № 2. – С. 15–24.

266. Мамут, Л. С. Проблемы теории государства в современной идеологической борьбе : против буржуазной критики взглядов К. Маркса на государство / Л. С. Мамут. – М. : Юрид. лит., 1976. – 192 с.

267. Мамут, Л. С. Проект Конституции Российской Федерации : теоретические послышки / Л. С. Мамут // Совет. государство и право. – 1991. – № 3. – С. 3–15.

268. Манов, Г. Н. Правовое государство и советский федерализм / Г. Н. Манов // Совет. государство и право. – 1991. – № 1. – С. 3–10.

269. Манов, Г. Н. Социалистическое правовое государство : проблемы и перспективы / Г. Н. Манов // Совет. государство и право. – 1989. – № 6. – С. 3–10.

270. Манохин, В. М. Правовое государство и проблема управления по усмотрению / В. М. Манохин // Совет. государство и право. – 1989. – № 1. – С. 23–30.

271. Марквит, Э. Закон, причинность и социальные корни механического детерминизма / Э. Марквит // Филос. науки. – 1987. – № 2. – С. 63–70.

272. Маркс, К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1958. – Т. 12. – С. 709–738.

273. Маркс, К. Капитал. Том первый. Книга I : Процесс производства капитала / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1960. – Т. 23. – С. 5–784.

274. Маркс, К. Капитал. Том третий. Книга III : Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть первая (главы I–XXVIII) /

К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1961. – Т. 25, ч. 1. – С. 3–505.

275. Маркс, К. Критика Готской программы / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1961. – Т. 19. – С. 9–32.

276. Маркс, К. Письмо П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1962. – Т. 27. – С. 401–412.

277. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть первая (главы I–VII) / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1962. – Т. 26, ч. 1. – С. 3–426.

278. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть вторая (главы VIII–XVIII) / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1963. – Т. 26, ч. 2. – С. 3–658.

279. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1968. – Т. 46, ч. 1. – С. 3–508.

280. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть вторая / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1969. – Т. 46, ч. 2. – С. 3–521.

281. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия / С. Н. Братусь [и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; ред. совет : В. М. Чхиквадзе (пред.) [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1970. – 622 с.

282. Марченко, М. Н. Правовые средства осуществления власти в современном капиталистическом государстве / М. Н. Марченко // Совет. государство и право. – 1990. – № 6. – С. 105–112.

283. Марышев, А. К. О понятии правового общения / А. К. Марышев // Изв. вузов. Правоведение. – 1991. – № 5. – С. 33–40.

284. Материалисты Древней Греции : собр. текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. и вступ. ст. М. А. Дынника. – М. : Госполитиздат, 1955. – 238 с.

285. Матузов, Н. И. Личность. Право. Демократия : теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. – Саратов : Сарат. ун-т, 1972. – 292 с.

286. Мелюхин, С. Т. О диалектике развития неорганической природы / С. Т. Мелюхин. – М. : Госполитиздат, 1960. – 244 с.

287. Мелюхин, С. Т. О соотношении возможности и действительности в неорганической природе / С. Т. Мелюхин // Проблема возможности и действительности : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ленингр. каф. философии ; отв. ред. Б. А. Чагин. – М. ; Л., 1964. – С. 41–63.

288. Методологические проблемы советской юридической науки / Д. А. Керимов [и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; редкол. : В. Н. Кудрявцев (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – 309 с.

289. Милль, Д. С. О свободе / Д. С. Милль ; пер. с англ. М. И. Ловцовой. – СПб. : В. И. Губинский, 1901. – 237 с.
290. Милль, Д. С. Система логики : в 2 т. / Д. С. Милль ; с 5-го, доп. лондон. изд. пер. Ф. Резенером. – Изд. 2-е. – СПб. : Тип. М. О. Вольфа, 1878. – Т. 1. – Разд. паг.
291. Мирабо. Избранные речи / Мирабо ; пер. с фр. И. М. Биллика. – Киев : Кн. магазин С. И. Иванова и К°, 1906. – 36 с.
292. Михалева, Н. А. Конструкция, политика и социальный прогноз / Н. А. Михалева // Совет. государство и право. – 1991. – № 3. – С. 36–44.
293. Мицкевич, А. В. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР / А. В. Мицкевич. – М. : Юрид. лит., 1967. – 175 с.
294. Мицкевич, А. В. Становление основ нового конституционного строя в Российской Федерации / А. В. Мицкевич // Государство и право. – 1992. – № 8. – С. 11–17.
295. Мишин, А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США / А. А. Мишин ; Акад. наук СССР, Ин-т США и Канады. – М. : Наука, 1984. – 190 с.
296. Мишин, В. И. Социальная закономерность : учеб. пособие / В. И. Мишин. – Горький : Горьк. гос. ун-т, 1970. – 68 с.
297. Мокляк, Н. Н. Социальные отношения : структура и формы проявления / Н. Н. Мокляк. – Киев : Наук. думка, 1986. – 205 с.
298. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье // Избр. произведения. – М., 1955. – С. 157–758.
299. Муромцев, Г. И. Источники права (теоретические аспекты проблемы) / Г. И. Муромцев // Изв. вузов. Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 23–30.
300. Народная Республика Болгария. Конституция и законодательные акты [сборник] / сост. и пер. с болг. Б. А. Страшуна ; под ред. и со вступ. ст. И. П. Ильинского. – М. : Юрид. лит., 1981. – 440 с.
301. Наумов, А. В. Уголовный закон и права человека / А. В. Наумов // Совет. государство и право. – 1990. – № 1. – С. 52–60.
302. Научные основы советского правотворчества / О. А. Гаврилов [и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; отв. ред. Р. О. Халфина. – М. : Наука, 1981. – 317 с.
303. Нашиц, А. Правотворчество : теория и законодательная техника / А. Нашиц ; пер. с рум. И. Фодор ; под ред. Д. А. Керимова, А. В. Мицкевича. – М. : Прогресс, 1974. – 256 с.
304. Недбайло, П. Е. Советский закон в системе государственно-правовых актов / П. Е. Недбайло // Учен. зап. Львов. гос. ун-та. Сер. юрид. – 1959. – Т. 14, вып. 1. – С. 5–20.
305. Нерсисянц, В. С. Гегелевская философия права : история и современность / В. С. Нерсисянц. – М. : Наука, 1974. – 287 с.

306. Нерсесянц, В. С. Концепция гражданской собственности / В. С. Нерсесянц // Совет. государство и право. – 1989. – № 10. – С. 37–47.
307. Нерсесянц, В. С. Концепция Советского правового государства в контексте истории учений о правовом государстве / В. С. Нерсесянц // Социалистическое правовое государство : проблемы и суждения : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; редкол. : В. П. Казимирчук, М. М. Славин, Б. Н. Топорнин (отв. ред.). – М., 1989. – С. 45–67.
308. Нерсесянц, В. С. На путях к праву : от социализма к постсоциализму / В. С. Нерсесянц // Совет. государство и право. – 1991. – № 9. – С. 61–68.
309. Нерсесянц, В. С. О неотчуждаемом праве каждого на гражданскую собственность / В. С. Нерсесянц // Государство и право. – 1992. – № 12. – С. 21–29.
310. Нерсесянц, В. С. Право и закон : из истории правовых учений / В. С. Нерсесянц ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1983. – 367 с.
311. Нерсесянц, В. С. Право и закон : их различие и соотношение / В. С. Нерсесянц // Вопр. философии. – 1988. – № 5. – С. 36–48.
312. Нерсесянц, В. С. Право : многообразие определений и единство понятия / В. С. Нерсесянц // Совет. государство и право. – 1983. – № 10. – С. 26–35.
313. Нерсесянц, В. С. Прогресс равенства и будущность социализма / В. С. Нерсесянц // Вопр. философии. – 1990. – № 3. – С. 46–56.
314. Нерсесянц, В. С. Пути развития советского государства и права / В. С. Нерсесянц // Пульс реформ : юристы и политологи размышляют : сборник / сост. и авт. предисл. Ю. М. Батурин. – М., 1989. – С. 30–47.
315. Нерсесянц, В. С. Тенденции развития Советского государства и права : проблемы и перспективы / В. С. Нерсесянц // Из истории Советского государства и права : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; редкол. : Е. А. Скрипилев (отв. ред.) [и др.]. – М., 1989. – С. 6–22.
316. Нечаев, В. Закон / В. Нечаев // Энциклопедический словарь : [в 86 т.] / изд. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб., 1894. – Т. 12 (23). – С. 177–181.
317. Никитинский, В. И. Перестройка фундамента законодательства о труде / В. И. Никитинский // Совет. государство и право. – 1990. – № 7. – С. 56–64.
318. Никитинский, Л. Парламент, Президент и пресса : как им строить свои отношения? / Л. Никитинский // Комсом. правда. – 1990. – 27 нояб. – С. 1.
319. Никитинский, Л. Планов громадье : парламент / Л. Никитинский // Комсом. правда. – 1991. – 21 сент. – С. 1.
320. Никитинский, Л. Сотрясение «Основ» : что бы я сказал народным депутатам СССР о проекте Основ уголовного законодательства / Л. Никитинский // Комсом. правда. – 1989. – 30 апр. – С. 2.

321. Никифорова, М. А. Права человека в истории человечества и в современном мире / М. А. Никифорова // Совет. государство и право. – 1989. – № 6. – С. 124–131.

322. Николаева, М. Н. Нормативные акты министерств и ведомств СССР / М. Н. Николаева. – М. : Юрид. лит., 1975. – 143 с.

323. Новгородцев, П. И. Государство и право / П. И. Новгородцев // Вопр. философии и психологии. – 1904. – Кн. 74. – С. 397–450 ; Кн. 75. – С. 508–538.

324. О введении коммерческого курса рубля к иностранным валютам и мерах по созданию общесоюзного валютного рынка : Указ Президента СССР, 26 окт. 1990 г. // Известия. – 1990. – 27 окт. – С. 1.

325. О неотложных мерах по стабилизации хозяйственных связей в четвертом квартале 1990 года и в течение 1991 года : Указ Президента СССР, 26 сент. 1990 г. // Известия. – 1990. – 29 сент. – С. 1.

326. О первоочередных мерах по переходу к рыночным отношениям : Указ Президента СССР, 4 окт. 1990 г. // Известия. – 1990. – 6 окт. – С. 1.

327. О повышении заинтересованности граждан в хранении сбережений в учреждениях сберегательного банка : Указ Президента СССР, 25 окт. 1990 г. // Известия. – 1990. – 27 окт. – С. 1.

328. О понимании советского права : «Круглый стол» «Советского государства и права» // Совет. государство и право. – 1979. – № 7. – С. 56–74 ; № 8. – С. 48–77.

329. О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации : Закон СССР, 26 апр. 1990 г. // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета СССР. – 1990. – № 19. – Ст. 329.

330. Об иностранных инвестициях в СССР : Указ Президента СССР, 26 окт. 1990 г. // Известия. – 1990. – 27 окт. – С. 1.

331. Об обеспечении действия законов и иных актов законодательства Союза ССР : Закон СССР, 24 окт. 1990 г., № 1748–1 // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета СССР. – 1990. – № 44. – Ст. 918.

332. Обсуждение проектов новой Конституции РСФСР в Институте государства и права АН СССР / подгот. В. В. Катин // Совет. государство и право. – 1991. – № 3. – С. 45–51.

333. Общая теория права : [в 2 т.] / отв. ред. : Д. А. Керимов, В. С. Петров. – Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1968–1974. – Т. 2 / отв. ред. : Л. С. Явич, В. С. Петров. – 1974. – 415 с.

334. Общая теория советского права / С. Н. Братусь [и др.] ; под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. – М. : Юрид. лит., 1966. – 491 с.

335. Овсепян, Ж. И. О некоторых аспектах концепции конституционной реформы в СССР / Ж. И. Овсепян // Совет. государство и право. – 1991. – № 8. – С. 3–14.

336. Овсепян, Ж. И. О ходе конституционной реформы / Ж. И. Овсепян // Изв. вузов. Правоведение. – 1991. – № 3. – С. 3–12.

337. Овчинников, С. Н. Закономерности развития и функционирования права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С. Н. Овчинников ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1979. – 14 с.
338. Овчинников, С. Н. О специфических закономерностях права / С. Н. Овчинников // Изв. вузов. Правоведение. – 1979. – № 2. – С. 70–73.
339. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1984. – 796 с.
340. Орзих, М. Ф. Объективное, субъективное и юридическое / М. Ф. Орзих // Изв. вузов. Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 94–98.
341. Пашуканис, Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства / Е. Б. Пашуканис ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1980. – 271 с.
342. Пеньков, Е. М. Социальные нормы в условиях перестройки / Е. М. Пеньков // Филос. науки. – 1989. – № 8. – С. 24–30.
343. Перестройка в правовой системе, юридической науке, практике : материалы конф., провед. в Звенигороде 19–20 мая 1987 г. // Совет. государство и право. – 1987. – № 9. – С. 17–43 ; № 10. – С. 41–56.
344. Перестройка и нравственность (Материалы «Круглого стола») / выступили : А. А. Гусейнов [и др.] // Вопр. философии. – 1990. – № 7. – С. 3–24.
345. Петров, Г. И. Юридическая природа советского закона / Г. И. Петров // Учен. зап. / Ленингр. юрид. ин-т. – Л., 1947. – Вып. 4. – С. 11–38.
346. Петрухин, И. Л. Правовое государство и правосудие / И. Л. Петрухин // Совет. государство и право. – 1991. – № 1. – С. 19–29.
347. Пиголкин, А. С. Нормы советского права и их структура / А. С. Пиголкин // Вопросы общей теории советского права : сб. ст. / Всесоюз. ин-т юрид. наук ; под ред. С. Н. Братуся. – М., 1960. – С. 68–81.
348. Пиголкин, А. С. Совершенствование советского законодательства на современном этапе / А. С. Пиголкин // Совет. государство и право. – 1988. – № 1. – С. 12–20.
349. Пионтковский, А. К. К методологии изучения действующего права / А. К. Пионтковский // Учен. зап. / Всесоюз. ин-т юрид. наук. – М., 1947. – Вып. 6. – С. 17–59.
350. План подготовки законодательных актов и постановлений Правительства СССР на 1983–1985 гг. : прил. к постановлению Президиума Верхов. Совета СССР и Совета Министров СССР, 24 сент. 1982 г., № 7993-Х-869 // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1982. – № 39. – Ст. 743.
351. План подготовки законодательных актов СССР, постановлений Правительства СССР и предложений по совершенствованию законодательства на 1986–1990 гг. : прил. к постановлению Президиума Верхов. Совета СССР и Совета Министров СССР, 28 авг. 1986 г., № 5562-ХI-1051 // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 782.
352. Плахов, В. Д. Социальные нормы : философские основания общей теории / В. Д. Плахов. – М. : Мысль, 1985. – 253 с.

353. Плетников, Ю. К. Некоторые исходные категории исследования механизма действия общественных законов / Ю. К. Плетников // Филос. науки. – 1973. – № 2. – С. 26–34.

354. Плетников, Ю. К. Противоречия как внутренний источник и движущая сила развития социализма / Ю. К. Плетников // Филос. науки. – 1981. – № 1. – С. 3–15.

355. Плетников, Ю. К. Специфика законов развития социалистического общества / Ю. К. Плетников // Вопр. философии. – 1973. – № 2. – С. 16–24.

356. Подкуйченко, В. Н. О пределах правового регулирования социалистических общественных отношений / В. Н. Подкуйченко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Право. – 1966. – № 3. – С. 73–80.

357. Поленина, С. В. К разработке концепции закона о нормативных актах / С. В. Поленина // Совет. государство и право. – 1985. – № 5. – С. 43–50.

358. Поленина, С. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / С. В. Поленина, Н. В. Сильченко ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; отв. ред. Р. О. Халфина. – М. : Наука, 1987. – 151 с.

359. Поленина, С. В. О концепции правовой реформы / С. В. Поленина // Вопросы теории государства и права : межвуз. сб. науч. работ / Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 1991. – Вып. 9. – С. 28–36.

360. Поленина, С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства / С. В. Поленина. – М. : Наука, 1979. – 205 с.

361. Понтович, Э. Э. Понятие и значение закона в советском государстве / Э. Э. Понтович // Совет. стр-во. – 1928. – № 7. – С. 43–57.

362. Попков, В. Д. Советский закон : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Д. Попков. – М., 1952. – 16 с.

363. Попков, В. Д. Советское правовое государство : понятие и признаки / В. Д. Попков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 2, Право. – 1989. – № 2. – С. 3–15.

364. Попов, Н. Народ руководствуется здравым смыслом : общественное мнение и комментарий социолога / Н. Попов // Известия. – 1991. – 25 апр. – С. 1.

365. Попов, С. Общественные законы : сущность и классификация / С. Попов. – М. : Моск. гос. ун-т, 1980. – 157 с.

366. Поросенков, С. В. Социальные нормы как форма отражения действительности / С. В. Поросенков // Филос. науки. – 1981. – № 5. – С. 138–141.

367. Права человека. Основные международные документы. – М. : Междунар. отношения, 1989. – 159 с.

368. Право. Свобода. Демократия (Материалы «Круглого стола») / выступили : Э. Ю. Соловьев [и др.] // Вопр. философии. – 1990. – № 6. – С. 3–31.

369. Правовая система социализма : в 2 кн. / Ин-т государства и права Акад. наук СССР ; редкол. : В. Н. Кудрявцев [и др.]. – М. : Юрид. лит.,

1986–1987. – Кн. 1 : Понятие, структура, социальные связи / А. М. Васильев [и др.] ; отв. ред. А. М. Васильев. – 1986. – 366 с.

370. Приписнов, В. И. Механизм действия социальных законов и субъективный фактор / В. И. Приписнов. – Душанбе : Ирфон, 1972. – 168 с.

371. Приписнов, В. И. Проблема субъективного фактора в историческом материализме / В. И. Приписнов. – Душанбе : Дониш, 1966. – 136 с.

372. Прозоров, В. Ф. Соотношение распорядительного и нормативно-правового регулирования отношений в сфере народного хозяйства / В. Ф. Прозоров // Совет. государство и право. – 1988. – № 9. – С. 67–71.

373. Пугачев, Б. Возможен ли «брак по любви»? О двух проектах устройства нашей государственности / Б. Пугачев // Известия. – 1990. – 5 дек. – С. 5.

374. Пустогаров, В. В. Социалистическое правовое государство и правовое мировое сообщество / В. В. Пустогаров // Совет. государство и право. – 1989. – № 6. – С. 3–11.

375. Рабинович, П. М. Специфика предмета юридической науки / П. М. Рабинович // Изв. вузов. Правоведение. – 1974. – № 2. – С. 53–61.

376. Рабинович, П. М. Сферы и пределы правового регулирования : понятие, виды, факторы развития / П. М. Рабинович // XXVII съезд КПСС и развитие теории государства и права : межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т ; редкол. : А. Ф. Черданцев (отв. ред.) [и др.]. – Свердловск, 1987. – С. 52–59.

377. Рабинович, П. М. Упрочение законности – закономерность социализма / П. М. Рабинович. – Львов : Вища шк., 1975. – 148 с.

378. Разделение властей : теория и практика : «круглый стол» в ред. журн. / подгот. : В Гушин, Ю. Доровских, А. Черных // Нар. депутат. – 1990. – № 15. – С. 7–27.

379. Рассел, Б. Человеческое познание, его сферы и границы / Б. Рассел ; пер. Н. В. Воробьева ; общ. ред. и вступ. ст. Э. Кольмана. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957. – 555 с.

380. Рачков, П. А. Вместо введения. Главная задача научного исследования / П. А. Рачков // Проблема закона в общественных науках : сб. ст. / Моск. гос. ун-т ; под ред. П. А. Рачкова, В. С. Манешина. – М., 1989. – С. 3–15.

381. Рачков, П. А. Понятие и структура общественных отношений / П. А. Рачков // Общественные отношения : вопросы общей теории / П. А. Рачков [и др.] ; Моск. гос. ун-т ; под ред. П. А. Рачкова. – М., 1981. – С. 9–67.

382. Ребане, И. Вопросы правовой реформы / В. Ребане. – Тарту : Тартус. гос. ун-т, 1989. – 59 с.

383. Регельсбергер, Ф. Общее учение о праве / Ф. Регельсбергер ; пер. И. А. Базанова ; под ред. Ю. С. Гамбарова. – М. : Т-во И. Д. Сытина, 1897. – XIV, 296 с.

384. Резунов, М. Советский закон на новом этапе нэпа / М. Резунов // Совет. государство и революция права. – 1930. – № 4. – С. 11–26.
385. Ренненкампф, Н. К. Юридическая энциклопедия / Н. К. Ренненкампф. – Изд. 3-е. – Киев ; СПб. : Изд. Н. Я. Оглоблина, 1907. – 295 с.
386. Ржевский, В. А. Конституционные основы социалистического правового государства / В. А. Ржевский, Ж. И. Овсепян // Изв. вузов. Правоведение. – 1990. – № 1. – С. 3–16.
387. Рожин, В. П. О понятии противоречия / В. П. Рожин // Проблемы диалектики : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1973. – Вып. 3. – С. 3–9.
388. Романюк, В. Законодатели и эксперты / В. Романюк // Известия. – 1990. – 13 июня. – С. 1.
389. Российское законодательство X–XX веков : тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. и с предисл. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. – 1984. – 430 с.
390. Рудинский, Ф. М. Формы проявления закона единства и борьбы противоположностей / Ф. М. Рудинский // Вопросы теории советского права : сб. докл. к конф. по итогам науч.-исслед. работы / Новосиб. фак. Свердл. юрид. ин-та ; редкол. : М. К. Воробьев [и др.]. – Новосибирск, 1966. – С. 3–18.
391. Рузавин, Г. И. Научная теория : логико-методологический анализ / Г. И. Рузавин. – М. : Мысль, 1978. – 244 с.
392. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты : [переводы] / Ж.-Ж. Руссо ; подгот. : В. С. Алексеев-Попов [и др.]. – М. : Наука, 1969. – 703 с.
393. Рутман, Л. М. О некоторых пробелах в хозяйственном законодательстве / Л. М. Рутман // Совет. государство и право. – 1989. – № 7. – С. 57–64.
394. Рынок : мнение юристов / В. Кудрявцев [и др.] // Правда. – 1990. – 7 июня. – С. 2.
395. Рюмелин, Г. Что такое социальный закон? / Г. Рюмелин. – Одесса : Г. Бейленсон и И. Юровский, 1894. – 32 с.
396. Рябко, И. Ф. Правосознание и правовое воспитание масс в советском обществе / И. Ф. Рябко. – Ростов н/Д : Рост. гос. ун-т, 1969. – 191 с.
397. Саванели, Б. В. Правопорядок в соотношении с действующим правом с точки зрения постижения смысла права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Б. В. Саванели ; Тбил. гос. ун-т. – Тбилиси, 1992. – 71 с.
398. Садиков, О. Н. Принципы нового гражданского законодательства СССР / О. Н. Садиков // Совет. государство и право. – 1991. – № 10. – С. 20–29.
399. Саидов, А. Х. Некоторые проблемы подготовки новой Конституции Узбекистана / А. Х. Саидов // Совет. государство и право. – 1991. – № 11. – С. 8–11.

400. Самощенко, И. С. Планирование законодательства в СССР / И. С. Самощенко // Совет. государство и право. – 1983. – № 3. – С. 3–11.
401. Сартаев, С. С. Некоторые вопросы истории и теории правового государства / С. С. Сартаев // Изв. Акад. наук Каз. ССР. Сер. обществ. наук. – 1989. – № 5. – С. 9–15.
402. Сахаров, А. Н. Дипломатия Древней Руси : зарождение древнерусской дипломатии / А. Н. Сахаров. – М. : Педагогика, 1987. – 126 с.
403. Свицерский, В. И. О диалектике отношений / В. И. Свицерский. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1983. – 137 с.
404. Семенов, В. С. К теоретическому углублению и конкретизации анализа проблемы противоречий в условиях развитого социализма / В. С. Семенов // Вопр. философии. – 1984. – № 2. – С. 130–140.
405. Семенов, В. С. Проблема противоречий в условиях социализма / В. С. Семенов // Вопр. философии. – 1982. – № 7. – С. 17–32 ; № 9. – С. 2–21.
406. Сергеевич, В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич. – 4-е изд., доп. и попр. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1910. – VIII, 667 с.
407. Сидорчук, И. П. Пути повышения качества ведомственного правотворчества / И. П. Сидорчук // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1991. – Вып. 4. – С. 70–75.
408. Сильченко, Н. В. Границы деятельности законодателя / Н. В. Сильченко // Совет. государство и право. – 1991. – № 8. – С. 14–23.
409. Сильченко, Н. В. Кодификационные акты и их типы / Н. В. Сильченко // Совет. государство и право. – 1980. – № 10. – С. 122–126.
410. Сильченко, Н. В. Количественное соотношение между видами актов и проблемы теории закона / Н. В. Сильченко // Совет. государство и право. – 1988. – № 2. – С. 13–21.
411. Сирин, А. Д. Закон как философская категория / А. Д. Сирин // Вопросы марксистской философии и эстетики : сб. ст. / Вост.-Сиб. координац. совет по гуманитар. наукам, Иркут. политехн. ин-т ; отв. ред. А. Д. Сирин. – Иркутск, 1971. – С. 32–73.
412. Сирин, А. Д. Краткий экскурс в историю взглядов на закон / А. Д. Сирин // Вопросы марксистской философии и эстетики : сб. ст. / Вост.-Сиб. координац. совет по гуманитар. наукам, Иркут. политехн. ин-т ; отв. ред. А. Д. Сирин. – Иркутск, 1971. – С. 3–31.
413. Сирин, А. Д. Некоторые общие основания классификации законов общества / А. Д. Сирин // Труды / Иркут. политехн. ин-т. – Иркутск, 1966. – Вып. 29. – С. 3–10.
414. Сирин, А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов / А. Д. Сирин. – Томск : Том. гос. ун-т, 1979. – 208 с.
415. Слука, А. Чарговья гульні з народамі / А. Слука // Нар. газ. – 1992. – 28 сак. – С. 2.

416. Смолин, О. Н. Новый проект Конституции России : свобода от идеологии или иная идеология? / О. Н. Смолин // Конституц. вестн. – 1991. – № 9. – С. 17–24.

417. Советское государственное право : учеб. пособие / В. С. Основин [и др.] ; под ред. В. С. Основина. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1991. – 320 с.

418. Советское законодательство : пути перестройки / С. С. Алексеев [и др.] ; отв. ред. : А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин. – М. : Юрид. лит., 1989. – 431 с.

419. Соловьев, А. Н. Идея правового государства в Германии и механизм ее реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. Н. Соловьев ; Укр. юрид. акад. – Харьков, 1992. – 43 с.

420. Сокуренок, В. Г. Конституция СССР и пределы правового регулирования / В. Г. Сокуренок // Проблемы социалистической законности на современном этапе коммунистического строительства : крат. тез. докл. и науч. сообщ. респ. науч. конф., 21–23 нояб. 1978 г. / Харьк. юрид. ин-т ; редкол. : М. И. Бару (отв. ред.) [и др.]. – Харьков, 1978. – С. 9–11.

421. Солженицын, А. Самое драгоценное / А. Солженицын // Слово. – 1990. – № 4. – С. 24–29.

422. Соловьев, В. С. Право и нравственность / В. С. Соловьев // Собр. соч. : в 9 т. – 2-е изд. – СПб., 1903. – Т. 7 : (1894–1897) : [нравственная философия]. – С. 485–588.

423. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1988–1995. – Кн. 1 : История России с древнейших времен : Т. 1–2 / коммент. : В. Т. Пашуто, В. С. Шульгина. – 1988. – 798 с.

424. Сорокин, А. А. О понятии противоречия в диалектике / А. А. Сорокин // Диалектическое противоречие : сборник / предисл. Б. М. Кедрова. – М., 1979. – С. 96–121.

425. Социалистическое правовое государство : концепция и пути реализации : сборник / ред. и сост. Э. А. Чиркин. – М. : Юрид. лит., 1990. – 318 с.

426. Спасов, Б. Закон и его толкование : [пер. с болг.] / Б. Спасов. – М. : Юрид. лит., 1986. – 247 с.

427. Спасов, Б. Развитие государственного права НРБ на современном этапе / Б. Спасов // Совет. государство и право. – 1985. – № 11. – С. 34–42.

428. Спекторский, Е. В. Понятие общества в античном мире. Этюд по семантике обществоведения (предисл. и коммент. И. В. Купреевой) / Е. В. Спекторский // Филос. науки. – 1992. – № 2. – С. 110–131.

429. Спекторский, Е. В. Проблема социальной физики в XVII столетии : в 2 т. / Е. В. Спекторский. – Варшава : Тип. Варш. учеб. окр., 1910–1917. – Т. 1 : Новое мировоззрение и новая теория науки. – 1910. – Разд. паг.

430. Спенсер, Г. Грехи законодателей / Г. Спенсер // Социол. исслед. – 1992. – № 2. – С. 129–136.
431. Спенсер, Г. Социальная статистика : изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества / Г. Спенсер. – СПб. : В. Врублевский, 1906. – 536 с.
432. Сперанский, М. М. Руководство к познанию законов / М. М. Сперанский. – СПб. : Тип. Второго отд-ния Собств. Е. и. вел. канцелярии, 1845. – 171 с.
433. Спиноза, Б. Богословско-политический трактат / Б. Спиноза // Избранные произведения : в 2 т. / Б. Спиноза. – М., 1957. – Т. 2. – С. 5–284.
434. Спиридонов, Л. И. Социология уголовного права / Л. И. Спиридонов. – М. : Юрид. лит., 1986. – 236 с.
435. Спиркин, А. Происхождение сознания / А. Спиркин ; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М. : Госполитиздат, 1960. – 471 с.
436. Стависский, П. Р. Пределы и сфера правового регулирования в развитом социалистическом обществе : [«Круглый стол», провед. Ин-том государства и права Акад. наук СССР] / П. Р. Стависский, Ю. Н. Оборотов, Б. А. Пережняк // Совет. государство и право. – 1980. – № 6. – С. 139–140.
437. Старовойт, И. С. Специфика развертывания и разрешения противоречий социализма / И. С. Старовойт // Филос. науки. – 1988. – № 2. – С. 13–22.
438. Степанян, В. В. Теоретические проблемы правообразования в социалистическом обществе / В. В. Степанян. – Ереван : Акад. наук Арм. ССР, 1986. – 214 с.
439. Строгович, М. С. Методологические вопросы юридической науки / М. С. Строгович // Вопр. философии. – 1965. – № 12. – С. 15–24.
440. Строгович, М. С. Основные вопросы советской социалистической законности / М. С. Строгович ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1966. – 252 с.
441. Стучка, П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П. И. Стучка. – Рига : Латгосиздат, 1964. – 748 с.
442. Сурилов, А. В. Теория государства и права / А. В. Сурилов. – Киев ; Одесса : Вища шк., 1989. – 446 с.
443. Таллер, Р. И. Философия как логика и методология познания права / Р. И. Таллер ; под ред. М. П. Козлова. – Куйбышев : Сарат. гос. ун-т, 1989. – 167 с.
444. Теория государства и права : учебник / А. И. Денисов ; под ред. А. И. Денисова. – М. : Юрид. лит., 1980. – 430 с.
445. Теория государства и права : учебник / В. А. Козлов [и др.] ; отв. ред. : А. И. Королев, Л. С. Явич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1987. – 549 с.
446. Теория государства и права : основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве / Акад. наук СССР, Ин-т государства

и права ; под ред. П. С. Ромашкина [и др.]. – М. : Акад. наук СССР, 1962. – 534 с.

447. Тихомиров, Ю. А. Власть в обществе : единство и разделение / Ю. А. Тихомиров // Совет. государство и право. – 1990. – № 2. – С. 35–42.

448. Тихомиров, Ю. А. Закон в социалистическом правовом государстве / Ю. А. Тихомиров // Совет. государство и право. – 1988. – № 10. – С. 3–10.

449. Тихомиров, Ю. А. Закон и формирование гражданского общества / Ю. А. Тихомиров // Совет. государство и право. – 1991. – № 8. – С. 24–32.

450. Тихомиров, Ю. А. Закон. Стимулы. Экономика / Ю. А. Тихомиров. – М. : Юрид. лит., 1989. – 271 с.

451. Тихомиров, Ю. А. Противостояние закону / Ю. А. Тихомиров // Известия. – 1991. – 24 янв. – С. 3.

452. Тихомиров, Ю. А. Теория закона / Ю. А. Тихомиров ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1982. – 257 с.

453. Толстой, Ю. К. Еще раз о хозяйственном законодательстве / Ю. К. Толстой // Изв. вузов. Правоведение. – 1990. – № 3. – С. 27–34.

454. Толстой, Ю. К. Собственность и право собственности в условиях перестройки / Ю. К. Толстой // Изв. вузов. Правоведение. – 1990. – № 4. – С. 3–15.

455. Топорнин, Б. Н. Конституционная реформа : путь к правовому государству / Б. Н. Топорнин // Совет. государство и право. – 1990. – № 4. – С. 3–14.

456. Тугаринов, В. П. Законы объективного мира, их познание и использование / В. П. Тугаринов. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1955. – 195 с.

457. Туленов, Ж. Закон как философская категория / Ж. Туленов. – Алма-Ата : Каз. гос. изд-во, 1959. – 210 с.

458. Турубинер, А. Советский закон / А. Турубинер // Революц. законность. – 1926. – № 19/22. – С. 38–45.

459. Уледов, А. К. Социологические законы / А. К. Уледов. – М. : Мысль, 1975. – 296 с.

460. Уорф, Л. Бенджамен. Отношение норм поведения и мышления к языку / Л. Уорф // Новое в лингвистике : сб. ст. / сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 135–168.

461. Уразаев, Ш. З. Перестройка и правовая культура / Ш. З. Уразаев // Совет. государство и право. – 1989. – № 5. – С. 12–18.

462. Урьяс, Ю. П. Традиции и современность в буржуазной теории / Ю. П. Урьяс // Проблемы буржуазной государственности и политико-правовая идеология : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; редкол. : Ю. П. Урьяс (отв. ред.) [и др.]. – М., 1990. – С. 5–29.

463. Успенский, Л. Очерки по юридической технике / Л. Успенский. – Ташкент : Средазкинига, 1927. – 219 с.

464. Ушаков, А. А. Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве / А. А. Ушаков // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Юрид. науки. – 1966. – Вып. 147. – С. 110–185.
465. Ушаков, А. А. Очерки советской законодательной стилистики : учеб. пособие / А. А. Ушаков. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 1967. – 206 с.
466. Ушаков, А. А. Право, язык, кибернетика / А. А. Ушаков // Изв. вузов. Правоведение. – 1991. – № 2. – С. 34–41.
467. Уэйд, Дж. Конституционное право / Дж. Уэйд, Г. Филлипс ; пер. с англ. А. С. Никифорова ; под ред. С. Б. Крылова ; вступ. ст. З. И. Молдавской. – М. : Изд-во иностр. лит., 1950. – XLVII, 588 с.
468. Фарбер, И. Е. К вопросу об объективном праве / И. Е. Фарбер // Изв. вузов. Правоведение. – 1971. – № 5. – С. 102–107.
469. Фарбер, И. Е. Права человека, гражданина и лица в социалистическом обществе / И. Е. Фарбер // Изв. вузов. Правоведение. – 1967. – № 1. – С. 30–42.
470. Феофанов, Ю. Лозунги вместо аргументов / Ю. Феофанов // Известия. – 1990. – 7 марта. – С. 1.
471. Феофанов, Ю. По воле подавляющего большинства / Ю. Феофанов // Известия. – 1990. – 7 сент. – С. 1.
472. Философия Канта и современность / Акад. наук СССР, Ин-т философии ; под общ. ред. Т. И. Ойзермана. – М. : Мысль, 1974. – 469 с.
473. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины : в 2 т. / П. А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – Т. 1, [ч. 1.]. – XVI, 490 с.
474. Фокина, Н. Неотложные долги : когда платить по счету нравственности? / Н. Фокина // Совет. Россия. – 1990. – 24 марта. – С. 4.
475. Франк, С. Л. Философские предпосылки деспотизма / С. Л. Франк // Вопр. философии. – 1992. – № 3. – С. 114–127.
476. Хаина, К. Г. Онтологический и гносеологический аспект проблемы соотношения общественного закона и общественной закономерности / К. Г. Хаина // Личность и общество : материалы науч.-теорет. конф. / Моск. гос. ун-т ; редкол. : В. И. Разин (отв. ред.) [и др.]. – М., 1969. – С. 36–51.
477. Халфина, Р. О. Диалектические противоречия и право / Р. О. Халфина // Совет. государство и право. – 1988. – № 1. – С. 30–37.
478. Халфина, Р. О. Необходимые условия действительности права / Р. О. Халфина // Совет. государство и право. – 1990. – № 3. – С. 19–27.
479. Хачатурян, А. М. Социальные факторы развития законодательства союзной республики : по материалам Армянской ССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. М. Хачатурян ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М., 1987. – 24 с.
480. Хессе, К. Основы конституционного права ФРГ / К. Хессе. – М. : Юрид. лит., 1981. – 368 с.
481. Хойман, С. Е. Взгляд на правовую культуру предреволюционной России / С. Е. Хойман // Совет. государство и право. – 1991. – № 1. – С. 121–127.

482. Цвик, М. А. О юридических основах деятельности Советского государства / М. А. Цвик, Г. А. Борисов // Проблемы социалистической законности на современном этапе коммунистического строительства : крат. тез. докл. и науч. сообщ. респ. науч. конф., 21–23 нояб. 1978 г. / Харьк. юрид. ин-т ; редкол. : М. И. Бару (отв. ред.) [и др.]. – Харьков, 1978. – С. 6–9.
483. Цвик, М. В. Советский закон : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Цвик ; Харьк. гос. ун-т. – Харьков, 1952. – 26 с.
484. Черданцев, А. Ф. Вопросы толкования советского права : учеб. пособие / А. Ф. Черданцев. – Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1972. – 191 с.
485. Черданцев, А. Ф. Логическая характеристика права как системы / А. Ф. Черданцев // Изв. вузов. Правоведение. – 1983. – № 3. – С. 13–21.
486. Черкасов, А. И. Сравнительное правоведение и развитие советского законодательства / А. И. Черкасов // Совет. государство и право. – 1991. – № 7. – С. 141–145.
487. Чернобель, Г. Т. Идеологические основы советского законодательства / Г. Т. Чернобель // Проблемы совершенствования советского законодательства : сб. ст. / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т совет. гос. стр-ва и законодательства ; редкол. : И. Н. Кузнецов (гл. ред.) [и др.]. – М., 1989. – С. 47–56.
488. Чернобель, Г. Т. Формализация норм права / Г. Т. Чернобель // Совет. государство и право. – 1979. – № 4. – С. 29–36.
489. Чинакова, Л. И. Социальный детерминизм : проблемы движущих сил развития общества / Л. И. Чинакова. – М. : Политиздат, 1985. – 159 с.
490. Чинчиков, А. А. О роли права в обеспечении сочетания интересов в социалистическом обществе / А. А. Чинчиков // Вопросы теории государства и права : межвуз. сб. науч. работ / Сарат. гос. ун-т. – Саратов, 1991. – Вып. 9. – С. 176–183.
491. Чиркин, В. Е. Власть, насилие и социальная справедливость / В. Е. Чиркин // Совет. государство и право. – 1991. – № 9. – С. 99–108.
492. Чиркин, В. Е. Разделение властей : социальные и юридические аспекты / В. Е. Чиркин // Совет. государство и право. – 1990. – № 8. – С. 3–12.
493. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки : в 3 ч. / Б. Н. Чичерин. – М. : Типолитогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1894–1898. – Ч. 1 : Общее государственное право. – 1894. – VIII, 482, IV с.
494. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. – М. : Типолитогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1900. – 336 с.
495. Шаповал, В. Н. Британская Конституция (политико-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / В. Н. Шаповал ; Киев. гос. ун-т. – Киев, 1992. – 32 с.
496. Шаргородский, М. Д. Право и объективные законы общественной жизни / М. Д. Шаргородский // Изв. вузов. Правоведение. – 1972. – № 5. – С. 96–106.

497. Шебанов, А. Ф. Форма советского права / А. Ф. Шебанов. – М. : Юрид. лит., 1968. – 215 с.
498. Шершеневич, Г. Ф. История философии права / Г. Ф. Шершеневич. – 2-е изд. – СПб. : Бр. Башмаковы, 1907. – [2], 588 с.
499. Широков, А. П. Юридические хитрости большого закона, или Каким будет центральное и местное управление в Республике Беларусь / А. П. Широков // Совет. Белоруссия. – 1992. – 11 марта. – С. 2.
500. Шляхтенко, С. Г. Некоторые вопросы общественного прогресса / С. Г. Шляхтенко, Г. П. Шляхтенко // Проблема закона и закономерностей в общественности : сб. ст. / Ленингр. гос. ун-т ; под ред. Г. Г. Караваева. – Л., 1975. – С. 21–26.
501. Шляхтенко, С. Г. Статистическая природа законов общественного развития / С. Г. Шляхтенко, Г. П. Шляхтенко // Проблема закона и закономерностей в общественности : сб. ст. / Ленингр. гос. ун-т ; под ред. Г. Г. Караваева. – Л., 1975. – С. 13–21.
502. Шмелева, Г. Г. Конкретизация социалистического права как фактор совершенствования правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Г. Г. Шмелева ; Харьк. юрид. ин-т. – Харьков, 1982. – 16 с.
503. Шмелева, Г. Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании / Г. Г. Шмелева. – Львов : Вища шк., 1988. – 106 с.
504. Штейн, Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии / Л. Штейн. – СПб. : А. С. Гиероглифов, 1874. – XIV, 594, X с.
505. Штракс, Г. М. Социальное противоречие / Г. М. Штракс. – М. : Мысль, 1971. – 158 с.
506. Эбзеев, Б. С. Сущность Советской Конституции в свете нового политического мышления / Б. С. Эбзеев // Совет. государство и право. – 1990. – № 12. – С. 3–10.
507. Экимов, А. И. Интересы и право в социалистическом обществе / А. И. Экимов. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1984. – 117 с.
508. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1961. – Т. 20. – С. 16–338.
509. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1961. – Т. 20. – С. 343–626.
510. Энгельс, Ф. Письмо Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. / Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1965. – Т. 37. – С. 414–422.
511. Энгст, Я. Некоторые проблемы научной этики / Я. Энгст ; пер. с чеш. А. П. Серцовой, В. Н. Съедина. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 295 с.
512. Эсмен, А. Общие основания конституционного права : пер. с фр. / А. Эсмен ; под ред. В. Дерюжинского. – СПб. : Изд. О. Н. Поповой, 1898. – VI, 357 с.

513. Юридическая наука в условиях коммунистического строительства (Идеология, наука, жизнь) // Коммунист. – 1963. – № 16. – С. 26–36.
514. Юридическая наука и практика в условиях перестройки (Дискуссии и обсуждения) // Коммунист. – 1987. – № 15. – С. 88–96 ; 1988. – № 7. – С. 90–96.
515. Явич, Л. С. Господство права (к концепции правового государства в СССР) / Л. С. Явич // Изв. вузов. Правоведение. – 1990. – № 5. – С. 11–20.
516. Явич, Л. С. О преподавании общетеоретической дисциплины и введении курса политологии / Л. С. Явич // Изв. вузов. Правоведение. – 1989. – № 5. – С. 10–19.
517. Явич, Л. С. Перестройка и право (актуальные общетеоретические вопросы) / Л. С. Явич // Изв. вузов. Правоведение. – 1987. – № 3. – С. 32–41.
518. Явич, Л. С. Право и социализм / Л. С. Явич. – М. : Юрид. лит., 1982. – 175 с.
519. Явич, Л. С. Право развитого социалистического общества : сущность и принципы / Л. С. Явич. – М. : Юрид. лит., 1978. – 224 с.
520. Явич, Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений / Л. С. Явич. – М. : Госюриздат, 1961. – 172 с.
521. Явич, Л. С. Социализм : право и общественный прогресс / Л. С. Явич. – М. : Юрид. лит., 1990. – 271 с.
522. Явич, Л. С. Сущность права : социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений / Л. С. Явич. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1985. – 207 с.
523. Язык закона / С. А. Боголюбов [и др.] ; Всесоюз. науч.-исслед. ин-т совет. гос. стр-ва и законодательства ; под ред. А. С. Пиголкина. – М. : Юрид. лит., 1990. – 190 с.
524. Яковлев, В. Ф. Правовая реформа : тенденции и перспективы / В. Ф. Яковлев // Совет. государство и право. – 1990. – № 4. – С. 23–30.
525. Яковлев, М. В. Идеология : противоположность марксистско-ленинской и буржуазной концепций / М. В. Яковлев. – М. : Мысль, 1979. – 271 с.
526. Ямпольская, Ц. А. К вопросу о понятии закона в советском праве / Ц. А. Ямпольская // Совет. государство и право. – 1946. – № 10. – С. 17–25.
527. Яновский, Р. Г. Общественные законы : актуальные аспекты их изучения на современном этапе развития советского общества / Р. Г. Яновский // Филос. науки. – 1987. – № 5. – С. 15–27.
528. Яценко, Б. В. О природе противоречий уголовно-правового регулирования / Б. В. Яценко // Изв. вузов. Правоведение. – 1991. – № 1. – С. 31–38.
529. Яцкевич, А. Ф. Диалектика объективного и субъективного в проявлении законов общества / А. Ф. Яцкевич. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1982. – 175 с.

530. Dascal, M. Transoarancy and doubt : understanding and interpretation in pragmatics and law / M. Dascal, I. Wróblewski // *Law a. Philosophy.* – 1988. – Vol. 7, iss. 2. – P. 203–224.

531. Dworkin, R. Law's empire / R. Dworkin. – Cambridge : Belknap Press, 1986. – XIII, 470 p.

532. Engisch, K. Beiträge zur Rechtstheorie / K. Engisch ; Hrsg. : P. Bockelmann, A. Kaufmann, U. Klug. – Frankfurt am Mein : Klostermann, 1984. – 338 S. – (Juristische Abhandlungen ; Bd. 18).

533. Gizbert-Studnicki, T. Język prawny z perspektywy soziolingwistycznej / T. Gizbert-Studnicki. – Warszawa ; Kraków : Państw. Wydaw. Nauk., 1986. – 139 s. – (Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego ; 777. Prace z nauk politycznych ; z. 26).

534. Goodrich, P. Reading the law : a critical introduction to legal metod and techtiques / P. Goodrich. – Oxford ; New York : B. Blackwell, 1986. – IX, 229 p.

535. Habermas, J. Law and law as institution / J. Habermas // *Dilemmas of law in the welfare state* / ed. G. Teubner. – Berlin ; New York, 1986. – P. 203–220.

536. Huber, E. Realien der Gesetzgebung / E. Huber // *Schweizerische Beiträge zur Rechtssoziologie : eine Auswahl* / Hrsg. N. B. Rehbinder. – Berlin, 1984. – S. 36–40.

537. Jenkins, I. Social order and the limits of law : a theoretical essay / I. Jenkins. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1980. – XIV, 390 p.

538. Kelsen, H. General theory of law and state / H. Kelsen. – New York : Russell & Russell, 1973. – XXXIII, 516 p.

539. Kelsen, H. Reine Rechtslehre / H. Kelsen. – 2., vollst. neu bearb. u. erw. Aufl. – Wein : Deuticke, 1960. – XII, 534 S.

540. Koslowski, P. Staat und Gesellschaft bei Kant / P. Koslowski. – Tübingen : Mohr, 1985. – 56 S. – (Vorträge und Aufsätze / Walter Eucken Inst. ; 103).

541. Krawitz, W. Recht und Systemtheorie / W. Krawitz // *Vernunft und Erfahrung im Rechtadenken der Gegenwart* / Hrsg. : L. M. Friedman, T. Eckhoff, J. Uusitalo. – Berlin, 1986. – S. 281–309.

542. Lemos, R. M. Hobbes and locke : power and consent / R. M. Lemos. – Athens : Univ. of Georgia Press, 1979. – XI, 185 p.

543. Mason, A. T. American constitutional law : introductory essays a. sel. cases / A. T. Mason, W. M. Beaney. – 6th ed. – Englewood Gliffs : Prentice-Hall, 1978. – XXV, 787 p.

544. Maus, I. Entwicklung und Funktionswandel der Theorie des bürgerlichen Rechtsstaats / I. Maus // *Rechtstheorie und politische Theorie im Industrie-kapitalismus.* – München, 1988. – S. 11–82.

545. Mayer-Maly, Th. Rechtsidee – Rechtswissenschaft – Rechtspolitik / Th. Mayer-Maly // *Recht und Rechtsbesinnung : Gedächtnisschr. für Günther Küchenhoff (1907–1987)* / Hrsg. M. Just. – Berlin, 1987. – S. 141–148.

546. McCoubrey, H. The development of naturalist legal theory / H. McCoubrey. – London ; New York : Croom Helm, 1987. – XXII, 210 p.
547. Nunez, L. L. Lenguaje jridico y ciencia social / L. L. Nunez. – Madrid : Akal, 1977. – 255 p.
548. Olson, D. M. The legislative process : a comparative approach / D. M. Olson. – Cambridge etc. : Harper & Row, 1980. – X, 483 p.
549. Ostwald, M. Ancient Greek ideas of law / M. Ostwald // Dictionary of the history of ideas : studiens of selected pivotal ideas : in 5 vol. / ed. in chief P. P. Wiener. – New York, 1973. – Vol. 2. – P. 673–685.
550. Pawlowski, H. M. Methodenlehre fur Juristen : Theorie der Norm u. des Gesetzes. Ein Lehrbuch / H. M. Pawlowski. – Heidelberg ; Kalsruhe : Muller jur. Verl., 1981. – XXIII, 440 S.
551. Rodriques Paniaqua, G. M. Derecho natural o axiologia juridica? / G. M. Rodriques Paniaqua. – Madrid : Tecnos, 1981. – 209 p.
552. Romilly, J. La loi dans la pense greque des origines à Aristote / J. Romilly. – Paris : Les Belles Lettres, 1971. – 270 p.
553. Schindler, D. Recht und Ambiance / D. Schindler // Schweizerische Beiträge zur Rechtssoziologie : eine Auswahl / Hrsg. N. B. Rehbinder. – Berlin, 1984. – S. 11–21.
554. Schmitt, K. Legalität und Legitimität / K. Schmitt. – München : Duncker & Humblot, 1932. – 98 S.
555. Sherman, B. Hermeneutics in law / B. Sherman // Mod. law rev. – 1988. – Vol. 51, № 3. – P. 386–402.
556. Stark, Ch. Nomes und Physis / Ch. Stark // Recht und Rechtsbesinnung : Gedächtnisschr. für Günther Küchenhoff (1907–1987) / Hrsg. M. Just. – Berlin, 1987. – S. 149–161.
557. Triantaphyllopoulos, J. Rechtsdenken der Griechen / J. Triantaphyllopoulos. – München : Beck, 1986. – 366 S.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Социальная сторона верховенства закона	7
1.1. Этимология слова «закон» и очерк истории взглядов на соотношение объективного и юридического закона	8
1.2. Соотношение объективного социального закона и закона юридического	40
1.2.1. Отражение основных свойств объективного социального закона в юридическом законе	42
1.2.2. Социальный закон-тенденция и юридический закон	69
Глава 2. Правовой уровень верховенства закона	80
2.1. О верховенстве закона в связке: право – закон	81
2.2. Проблемы верховенства закона в его соотношении с актами исполнительной власти	103
2.2.1. Верховенство закона в условиях разделения властей	104
2.2.2. Количественное соотношение между видами актов и проблемы верховенства закона	135
Глава 3. Гносеологические и логико-догматические аспекты верховенства закона	164
3.1. Гносеологические вопросы верховенства закона	165
3.2. Проблемы логики закона	188
3.2.1. Противоречивость права и логика закона	189
3.2.2. Вопросы логики закона в практике законотворчества	211
Заключение	230
Литература	253

Научное издание

Сильченко Николай Владимирович

ТЕОРИЯ ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА

Редактор *И. Л. Дмитриенко*

Художественный редактор *Т. Д. Царева*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *С. Н. Костюк*

Подписано в печать 22.04.2015. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,23. Уч.-изд. л. 14,1.

Тираж 252 экз. Заказ 66.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом
«Беларуская навука». Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18
от 02.08.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.